

Традиции североамериканских индейцев, Том 3

Джеймс Атеарн Джонс

**Traditions of the North American Indians,
Vol. 3**

James Athearn Jones

Электронная книга проекта Гутенберга о традициях североамериканских индейцев, том 3

Эта электронная книга предназначена для использования любым человеком в любой точке Соединенных Штатов и большинства других частей мира бесплатно и практически без каких-либо ограничений. Вы можете скопировать его, раздать или повторно использовать в соответствии с условиями лицензии Project Gutenberg, прилагаемой к этой книге, или онлайн по адресу www.gutenberg.org. Если вы находитесь за пределами Соединенных Штатов, вам необходимо ознакомиться с законами страны, в которой вы находитесь, прежде чем использовать эту электронную книгу.

Название: Традиции североамериканских индейцев, том 3

Автор: Джеймс Атеарн Джонс

Дата выхода: 15 марта 2007 [Электронная книга №20828]

Язык: Английский

Титры: Продюсерами выступили Дэвид Шаал, Шарлин Тейлор, Чак Грейф и команда онлайн-корректоров на <http://www.pgdp.net> (Этот файл создан на основе изображений, щедро предоставленных Канадским институтом исторических микрорепродукций (www.canadiana.org))

*** НАЧАЛО ПРОЕКТА ЭЛЕКТРОННОЙ КНИГИ ГУТЕНБЕРГА "ТРАДИЦИИ СЕВЕРОАМЕРИКАНСКИХ ИНДЕЙЦЕВ", Т. 3 ***

ФРОНТИСПИС. Т. 3.

Разработан и выгравирован W. H. Brooks A. R. H. A.

В одно мгновение множество ярких существ начинают действовать — "Он наш"!!!*страница 110.*
Лондон, издательство Colburn & Bentley, апрель 1830 г.

ТРАДИЦИИ СЕВЕРОАМЕРИКАНСКИХ ИНДЕЙЦЕВ, ЯВЛЯЮЩЕЕСЯ ВТОРЫМ И ПЕРЕРАБОТАННЫМ ИЗДАНИЕМ "РАССКАЗОВ ОБ ИНДЕЙСКОМ ЛАГЕРЕ".

АВТОР ДЖЕЙМС АТЕАРН ДЖОНС.

В ТРЕХ ТОМАХ.

ТОМ III.

ЛОНДОН:

ГЕНРИ КОЛБЕРН И РИЧАРД БЕНТЛИ,

НЬЮ-БЕРЛИНГТОН-СТРИТ.

1830

ЛОНДОН:

Ф. ШОБЕРЛ, июнь, ЛОНГ-АКР.

СОДЕРЖАНИЕ ТРЕТЬЕГО ТОМА

Озеро Белого каноэ.

Легенда о бомельмиках.

Король лосей.

Дочери Солнца.

Дева И Птица.

Остров Орлов.

Легенда об Атоне-Ларре.

Дух огня.

Происхождение женщин.

Холм плодородия. Традиция миннатариив.

Рассказы о призраке белого человека.

I. Гаранга.

II. Предупреждение Текарры.

III. Легенда о Помпероге.

IV. Сын Аннавана.

V. Каскад Мельсинга.

Легенда о ручье Коатуит.

Духи пара.

Дьявол с мыса Хиггин.

РАССКАЗЫ ОБ ИНДЕЙСКОМ ЛАГЕРЕ.

ОЗЕРО БЕЛОГО КАНОЭ.

Горе! Горе! Горе
 , Горе сынам далекой земли,
 Слабым сердцем и бледнолицым,
 Оленям в битве, лосям в гонке,
 пантерам, жаждущим когтей и зубов,
 Горе краснокожему человеку, сильному руками,
 целеустремленному, гибкому телом,
 Спокойному в схватках с врагом,
 Не знающему ни слез, ни руфи,
 Горе им и ему,
 Если, брошенные суровой судьбой в полуночную сырость,
 Или в час бури на унылом болоте,
 Это озеро Белого каноэ огибает его!

Горе ему и им,
 Если, когда тусклые лампы ночи погаснут,
 И Звезда Охотника скроется,
 А луна закроет свой век,
 Для их усталых конечностей единственным рождением
 Будет холодная и морозная земля,
 И их плоть будет обожжена смолой, выдыхаемой
 Из ядовитого ствола кедра,
 И пропитана жгучей росой
 бесплодной лозы в березовой роще,
 Где сосны поднимают свои гигантские вершины
 Над озером мертвых. белое каноэ!

Мой брат слышит — все хорошо—
 И пусть он избегает этого места,
 Сырого и унылого ущелья,
 Которое огибает мелководное озеро,
 коричневой и стоячей заводи [1],
 Темного и болотистого болота,
 И пусть он никогда с наступлением ночи не расстилает
 Свое одеяло среди островов, которые усеивают
 Поверхность этого озера;
 И пусть мой брат скажет
 мужчинам своего племени, что волк до сих пор
 питался храбрыми и преданными воинами,

На страшном озере Белого каноэ.

Горе! Горе! Горе!

Тому, кто спит в этих темных болотах!
Волчица потревожит тормоз,
И медная змея дышит ему в ухо,
И выпь начнется десятками,
И стройные можжевельники затрясутся
Под тяжестью проворного медведя,
И в пруду раздастся плеск каймана,
И сова ухнет в ветвях ясеня,
Где он сидит такой спокойный и хладнокровный;
Над его головой мукависс [2]
Будет петь свою мрачную песню;
Лягушки будут скулить в пруду,
Чтобы увидеть, как мускусная крыса уносит
окуня к своему волосатому выводку;
И, свернувшись у его ног, зашипит рогатая змея,
Не последняя и не наименьшая из толпы,
Столь истинные тени юноши и девушки,
Которые обитают в Озере Белого Каноэ.

И, если ему удастся заснуть,
его окки По—прежнему будет нашептывать горе,
Ибо поднимутся отвратительные формы:
Духи болота
Выйдут из своих темных и глубоких пещер,
Где текут скользкие потоки,
Будут резвиться Со змеей и волком,
И нашептывать на ухо спящему
О горе и близкой опасности;
И туман скроет бледную, холодную луну,
А звезды будут казаться сверкающими мухами,
Которые кружатся в воздухе. мерцают на полянах прерий,
В июне месяце моего брата -
Мрачные оттенки, тусклые, темные оттенки,
Оттенки кипарисов, сосен и тисов,
На болоте озера Белого каноэ.

Горе! горе! горе!

Он услышит глубокой ночью —
Если выпь прекратит свой свист,
И змея перестанет шипеть,
И волк забудет свой вой,

И сова перестанет ухать,
И жалобный мукависс,
А его соседка лягушка замолчит —
Плеск, подобный падению водоплавающей птицы,
В озере, окутанном таким белым туманом;
И две фигуры проплывут перед его обеспокоенным взором,
Над тормозом, с легким шорохом. свет метеора,
И он услышит слова нежной песни,
Крадущиеся, как весенний ветер, вдоль
Озера Белого каноэ.

Эта песня будет песней горя,
Ее тяжестью будет мрачная история;
Из-за нее пойдет дождь;
В ней будет рассказано о юношеской любви,
Нежной, но загубленной любви;
В ней будет рассказано о жестокости отца;
Из-за нее пойдет дождь;
В ней будет рассказано о двух прекрасных цветках,
выросших в пустыне;
И плесени, коснувшейся листа;
И язве, поразившей бутон;
И молнии, иссушившей стебель;
И я не буду говорить о Духе-голубе,
Который призвал их прочь,
Считая их всех слишком хорошими и правдивыми,
Для чего угодно, кроме как плавать на Белом каноэ

Этими дикими строфами, предваряющими традицию, распространенную среди племен этого региона, "Прогулка по воде", очень известный вождь племени Роанок, начал свой рассказ. Несомненно, большинство присутствующих индейцев были так же хорошо знакомы с этой историей, как и рассказчик, но это обстоятельство, казалось, нисколько не уменьшило интереса, с которым ее слушали; оно, конечно, не уменьшило внимания аудитории. В этом отношении эти дикие лесники заслуживают того, чтобы стать образцом для тщательного подражания. Они никогда не перебивают говорящего. Каким бы неуместным или плохо составленным ни был его рассказ, или оскорбляющим суть или манеру его речи, или противоречащим его мнению их предвзятым представлениям и предрассудкам, его терпеливо выслушивают до тех пор, пока он не скажет все, что должен сказать. И после того, как он сядет, ему дается достаточно времени, чтобы вспомнить, не оставил ли он недосказанным чего-либо, по его мнению, важного для правильной интерпретации его взглядов.

Из примеров, разбросанных по этим томам, будет видно, что поэзия индейцев в целом воинственна или нежна и патетична. Их единственная поэзия содержится в их песнях. Они исполняются в определенном ритме, всегда гармоничном для индийского уха, а часто и для нашего. Музыка хорошо подобрана к словам. Было бы бесполезно пытаться дать представление

о нем с помощью наших музыкальных нот, как это делали другие авторы; меня, вероятно, постигла бы участь тех, кто пытался таким же образом описать мелодии древних греков. Они поют ее короткими строчками или предложениями, не всегда целиком сразу, но чаще всего отдельными частями, как позволяет время и как подсказывает случай или их чувства. Их акцент очень трогательный и меланхоличный; сторонний наблюдатель, не знакомый с их языком, предположил бы, что это детали какого-то большого несчастья: оба пола поют хором, сначала мужчины, а затем женщины. Время от времени женщины присоединяются к общей песне или повторяют мелодию, которую мужчины только что закончили. Кажется, что две партии поют в вопросах и ответах, и в целом это очень приятно и оживляет. Пропев таким образом около четверти часа, они завершают каждую песню громким криком, мало чем отличаясь от птицы-кошки, которая завершает свою прелестную песню мяуканьем, как кошка. Голоса женщин чистые и насыщенные, а их интонации в целом правильные.

Унылое болото, давшее начало этой подлинной индийской традиции, является одним из самых мрачных мест на лице земли. Он расположен в штате Вирджиния и занимает очень большое пространство. На южной стороне этого дикого и мрачного края болотистая граница густо заросла огромным тростником, и, насколько хватает глаз, медленно и тяжело колыхнется одно темно-зеленое море. Затем, на всех других опушках самого леса, высокие деревья до самых вершин покрыты желтым жасмином и другими быстрорастущими лианами, источающими аромат и оживленными щебетанием насекомых и пением птиц. На открытых и менее заболоченных окраинах бескрайнего леса гигантские тюльпановые деревья поднимают свои массивные и правильной формы стволы, прямые и столбообразные, пока не протягивают свои широкие руки, покрытые великолепной листвой из своих глянцевого темно-зеленых листьев, перемежающихся великолепными белыми и желтыми цветами в форме тюльпана. В их тени, как кустарники, укрыты деревья, которые в другом месте были бы гордостью леса или парка — величественная камедь и магнолия с ее широкими блестящими листьями и прекрасными белыми цветами; у их подножия вы продираетесь сквозь заросли жимолости или заросли влаголюбивого лавра, богатого своими крупными розовыми гроздьями. Но в тот момент, когда вы проникаете за пределы ободряющего влияния солнца в более глубокие глубины самого болота, насколько торжественной становится перемена! Там кипарис и можжевельник, возвышающиеся без единой ветви, нарушающей правильность их высоких стволов на сотню футов, стоят плотно друг к другу, подобно множеству высоких колонн, воздвигнутых для поддержки крыши огромного храма. Все тихо, как в могиле. Ни одно насекомое не жужжит и не щебечет вокруг вас; не слышно ни крика, ни песни птиц или зверей. Кажется, что вы вышли за пределы не только человеческого общества и существования, но и животной жизни и проходите через тихую и темную долину смертной тени.

Продвигаясь вперед по своему сомнительному пути, путешественник натывается на какую-нибудь широкую, похожую на озеро полосу воды, неподвижную, безмолвную и вялотекущую, спокойно отражающую тихую торжественность леса. Я говорю "тихий", но эти маленькие озера в определенное время года посещают мириады диких птиц, хлопанье крыльев которых, когда они поднимаются из воды, слышно на большом расстоянии. Вода во всех этих озерах того же цвета, что корни и кора можжевельника и кедра, от которых она и получает свой оттенок. И когда солнце вспыхивает на озере янтарного цвета, а кипарисовый лес отбрасывает на его поверхность свою мрачную тень, путешественника охватывает благоговейный трепет и изумление. Он воображает, что никогда не видел места, столь подходящего для обитания злонамеренных духов, и ожидает увидеть злые взгляды, устремленные на него из каждой

рощицы. Птица и летучая мышь, порхающие в ночных тенях, увеличенные туманными испарениями, кажутся завистливыми демонами этого места; и, глупый человек! он больше относится к нереальным опасностям, чем к тем, которые реальны, — больше боится духов, которые не могут причинить вреда, чем хищных зверей и ядовитых змей, которыми он окружен, и чьи клыки - это смерть в ее самом отвратительном обличье.

Представив это не совсем беспричинное описание места, известного в Америке своей живописностью и ужасами, я продолжаю ритмичный рассказ о вожде роанок.

Это было много сезонов назад,
Сколько времени прошло, я не могу сказать своему брату,
Что случилось с этой печальной вещью;
История была старой еще при моем отце,
которому ее рассказала мать моей матери.
Мой брат слышит — это хорошо —
И пусть он не сомневается в моей речи;
Разум краснокожего воспринимает сказку
, как снег - отпечаток мокапина;
Но, когда он получает ее однажды,
Она остается, как след, высеченный в скале,
Твердой и кремнистой скале.
Бледный человек пишет свои истории
На распушенном и трепещущем листе,
затем отдает его ветрам, которые проносятся
Над океаном разума;
Красный человек - на вечнозеленом
Дереве своей надежной памяти (1).
Когда он из далекой страны узнает
рассказы о днях своего отца,
Он разворачивает духовную оболочку [3],
И произносит то, что он просит:
Индеец изливает из своей памяти
Свою песню, как ручей свое журчание
С высокой скалы в лощину,
В приятная летняя луна.—
Мой брат слышит.—

Он слышит мои слова — это хорошо —
И пусть он запишет их
На коже духа,
Чтобы, когда он пересечет озеро,
Большое Соленое озеро,
Озеро, где дуют нежные весенние ветры,
И резвятся могучие рыбы,
И посадит своих младенцев к себе на колени,
И свою прекрасную голубку на руки,

И покурит в калумете
С друзьями, которых он оставил позади,
И своим отцом, и матерью, и родственниками,
Собираются вокруг его костра,
Чтобы узнать, что говорят краснокожие,
Пусть Он развернет шкуру и попросит
Своего Окки по этой традиции прочитать [4]-
Прощальные слова Роанока,
И его рассказ о возлюбленном и верной девушке,
которые переплывают озеро на белом каноэ.

На краю Великой Руки жили [5],
В те далекие времена,
Воинственные роаноки,
хозяева дикой природы:
Они воевали в далеких землях,
Этот доблестный народ, всюду побеждал;
Их крики разносились по дуплистым дубам,
Тот жук над Залив Духов [6],
Где красный лось приходит на водопой;
Замерзший климат Звезды Охотника
Пронзительно звенел от криков их групп,
И свиста их кресс-салата [7];
И они сражались с далекими чероки,
чикасо и маскогульги,
И сиу на Западе.
Они жили ни для чего, кроме войны,
Хотя время от времени можно было увидеть
Роанока в Белом каноэ.

Среди этого племени, этого доблестного племени,
храбрых и воинственных роаноков,
Были двое — юноша и девушка,
Которые хорошо любили друг друга,
Долго и нежно любили,
Любили с самого детства,
Когда они вместе с любовью бродили по заросшей босками лощине,
Together they fondly rov'd,
In quest of the little flower,
That likes to bloom in the quiet shade
Of the tall and stately oaks.
, Под сенью высоких и величественных дубов....., Бледнолицый
называет его фиалкой —
Это прекрасное дитя, когда его листья намокли
От утренней росы и простираются

навстречу лучам солнца, а его маленькая головка
низко опускается под тяжестью слез,
скатывающихся по бледно—голубому глазу,
Заставляя его лежать
, как девушку, чье сердце разбито. -
Слышит ли мой брат?

Он слышит мои слова — это хорошо —
Имена этого любящего юноши и девушки
Говорят о том, кем они были,
Ибо он был Аннаванд, Храбрый,
А она Пекида, девушка с косами,
Прекраснейшая из прекрасных.
Ее нога была лапой проворной лани,
убегающей от жестокого каркаджу,
Считающей скорость средством спасения;
Ее глаза были глазами желтой совы,
Которая строит свое гнездо у реки с рыбой;
Ее волосы были черными, как крылья птицы [8]
, Которая вывела этот мир из глубины океана. великая бездна.
Маленькой и пухленькой была ее рука;
Маленькой и стройной была ее ножка;
И, когда она раскрыла губы, чтобы запеть,
Губы спелого красного цвета, мягкие, сладкие губы,
Губы, подобные цветку, с которого срывает мед пчелка,
Птицы в роще замолчали,
Выпь забыла свой гудок,
И сова перестала ухать,
И царь-птица сложила крыло,
И дятел перестал стучать
По дуплистому буку,
И сын гагары на соседнем берегу замолчал.
Перестал визжать от безделья,
И заснул на коленях у матери.

И она была прекрасна,
Эта дева Роанок;
Она была кротка, как весенний день;
Утром, днем и ночью
Юная Пекида улыбалась всем,
но больше всего - одному.
Она улыбалась бы милее, если бы он был рядом,
И смех ее звенел бы веселее,
И походка была бы более упругой,
И в ее глазах горел бы более острый огонек,

А язык сыпал бы беспечными шутками,
И у нее было бы больше песен в запасе,
И она лучше передразнивала крик голубой сойки,
Когда его обед из кукурузы был готов;
И лучше, когда он был на виду,
Могла бы она плавать по озеру на своем Белом каноэ.

А кого он был, кого она любила?
Самый храбрый из роанок,
вождь, до того, как его годы
Стали годами взрослого мужчины;
воин, когда его силы
Было меньше, чем нужно воину;
Но, когда его конечности подросли,
И он стал прямым и высоким,
Кто мог согнуть побеги дуба, Из
которого был сделан его лук?
Кто мог бы уравновесить его выбор копий,
Для него это всего лишь маленькая тростинка?
Ни одного во всей стране.
И у кого была такая теплая душа?
Кто был таким добрым другом(2)?
И кто так свободен, чтобы одолжить
усталому незнакомцу постель и хлеб,
Пищу для его желудка, отдых для его головы,
Как Аннавэн, Роанок,
доблестный сын вождя Красного Дуба?

Они жили вместе с младенчества;
Они казались двумя сторонами воробьиного перышка;
Вместе они бродили по скалистому холму,
И по лесистой лощине,
И по берегу реки,
И по зимним снегам;
И они часами сидели у летнего ручья,
Наблюдая за оленем, когда он приходил на водопой,
И за бобром, барахтающимся в воде;
И когда вода замерзала,
Им все еще было чем заняться
гладкий лед, ибо, как на ладони,
Лежало зеркальное озеро Белого каноэ.

Юноша был сыном вождя,
А девушка — дочерью воина;

Оба были отмечены за кровавые подвиги;
Оба были бесстрашными, сильными и отважными:
один был Роанок,
другой - плененный мальчик Макуа,
спасенный в битве от резни(3)-
Единственный колосок с загнивающего снопа,
посаженный в земле Арагискен [9];
И эти двое мужчин были врагами.
Когда они повзрослели,
И у каждого появилось умение и сила натягивать
лук с прицелом воина,
И владеть дубиной из массивного дуба,
Которой должен владеть воин,
И гордиться кроваво-красной рукой,
И считать ее чистоту позором,
Каждый заявил, что возглавляет отряд,
И раздались гневные слова,
Но воины выбрали Ред Оук,
Потому что его родитель был Роанок.

Тогда сердце Макуа наполнилось гневом,
И он заговорил:
"Сравнялись ли его деяния с моими?
Три скальпа на его древке [10]—
В моем дыму девять;
Я сражался с чероки;
Я отразил удар воина,
Там, где катятся волны Онтарио;
я нес свое копье туда, куда он не посмеет сунуться;
Я смотрел на чахлую сосну
В царствах бесконечного мира. мороз,
И путь Книстено
И крест Абенаки.
В то время как Красный Дуб засеивал землю,
мне предстояло возглавить группу".

Тогда яростно ответил Храбрый соперник,
И возникла ожесточенная борьба;
Громкие и гневные слова,
Шумное хвастовство и насмешки,
угрозы и удары, которые
наносили друг другу эти глупцы;
И каждый, как пантера, жаждет крови своего брата-вождя;
Каждый сам опоясывается своей боевой дубиной,
И безумно идет вперед, чтобы излить Свой гнев и ярость;

Но воины вмешиваются.

.
.
С тех пор они встретились, как встречаются два орла,
Когда пища, кроме одного, лежит мертвой у их ног,
И ни один из них не осмеливается быть вором:
Каждый готов выказать свой гнев;
Глаза каждого горят огнем,
И у каждого дрожат руки, чтобы нанести
последний и смертельный удар;
И так мой брат может увидеть, как они живут
С чувствами, знакомыми волкодавам.

И когда каждый из этих храбрецов
Построил себе вигвам,
И у каждого в гнезде сидела птичка,
И у каждого на коленях сидел младенец,
Их ненависть не ослабевала,
По-прежнему каждый оставался врагом своего брата.
И жаждал его крови.
И когда эти малыши выросли,
Тот, кто стал мужчиной
Ростом, годами и душой,
С глазами и челом воина,
С выбритым затылком [11],
И его походка, как у свободного дикого жеребенка,
И его голос, подобный зимнему ветру,
Или реву моря;
Другая - зрелая девушка,
С нежным женским сердцем,
Полная нежных желаний,
Вздыхающая днем и мечтающая ночью,
Их враждебные отцы запретили им больше бродить
Вместе по каменистой лощине,
И по лесистой лощине,
И по берегу реки,
И по зимним снегам,
Не сидеть часами у летнего ручья,
Наблюдать за оленем, когда он приходит на водопой,
И смотреть, как барахтается бобр,
Ни когда ветер воды замерзли,
Можно заняться приятным спортом
На гладком льду; они велели им сторониться
Друг друга, как звезды солнца.

Что же они тогда делали — этот юноша и девушка?
Возражали ли они против своих отцов?—
Я скажу своему брату.—
Они встретились—тайно встречались'Twas
не в Скалистых Делл,
ни в древесные дупла,
ни у реки грань,
ни над снег зимой,
ни летом Рилл,
наблюдая за оленем, как он пришел, чтобы пить,
и чтобы увидеть бобра грязь,
что эти двое влюбленных встречались,
ни когда вода замерзла,
давая хороший вид спорта для подражания:
но, когда небо было мягким,
И Луны бледный свет был бы завесу,
и притихшие было каждый ветерок,
в прерии, в деревне, и дикие,
и еж остались его гудок,
и змей перестал его шипение,
и волк забыл его вой,
и сова не стал его крик,
и жалобный wekolis [12],
и его сосед, лягушка, - немой—
то бы мой брат слышал
также плеск, как погружение в воду-птицы,
в озере с туманом такой белый,
и гладкие волны катятся к берегу,
и видел текущую stirr бы
что-то, что казалось белым каноэ,
скользя мимо его беспокойный вид.

И так много лун они встречались
Ночью на спокойном озере,
Когда тьма окутывает землю;
Им было наплевать на волка,
Который будоражит береговые заросли;
Им было наплевать, что можжевельники дрожат
Под тяжестью проворного медведя,
Ни на то, что выпь начинается десятками,
Ни на плеск каймана,
Ни на уханье совы в ветвях ясеня,
Где он сидел такой спокойный и прохладный:
И так каждую ночь они встречались,

И так прошло лето.

Наконец наступила осень,
Со всеми обещанными радостями,
сонмом сверкающих звезд,
полями желтой кукурузы,
пронзительными и целебными ветрами,
играми в полях и наводнениями.
Олени в роще были лоснящимися и жирными,
кукуруза была спелой и высокой;
Виноград густо обвивал лозы;
И целебные северные ветры
Покинули свои клетки, чтобы подышать
На разгоряченные щеки роанок,
А на небе сияли звезды
ярче, Чем они зажигаются летом.
Тогда сказал отец девушки,
"Дочь моя, послушай,
Птица прошептала мне на ухо,
Что часто в полуночный час
Те, кто ходит в тени,
темных теней, тусклых, темных теней,
Теней кипарисов, сосен и тисов,
Что возвышаются над зеркальным озером,
Увидят, как мимо их беспокойного взора проносятся
Две фигуры, похожие на свет метеора,
И заметят белое каноэ,
Которым управляют двое,
И понесут их на себе. слова нежной песни,
Прносящиеся, как весенний ветер;
Скажи мне, дочь моя, ты ли это?"

Затем по щеке дочери
Побежали капли, похожие на летний дождь,
И так она заговорила:
"Отец, я люблю доблестного Аннавана;
Слишком долго мы бродили по скалистой лощине,
И по лесистой лощине,
И по берегу реки,
И по зимним снегам,
Чтобы вырвать его из моего сердца:
Слишком долго мы сидели у летнего ручья,
Чтобы наблюдать за оленем, пришедшим на водопой,
И видеть, как бобр барахтается в воде". ,
Жить с ним отдельно —

Мой отец слышит".

"Ты любишь сына моего врага,
И разве ты не знаешь, какие обиды
Этот враг причинил мне?
Нация сделала его вождем —
Почему они сделали его вождем?
Сравнились ли его деяния с моими?
Три скальпа были на его древке,
В моем дыму их было девять:
я сражался с чероки;
Я нанес удар воина,
Где катятся волны Онтарио;
я нес свое копье туда, куда он не посмеет ступить;
я смотрел на чахлую сосну,
В царстве бесконечного мороза,
И на тропу Книстено,
И На крест Абенаки;
Пока Красный Дуб засеивал свою землю,
мне предстояло возглавить отряд.
С тех пор мы никогда не разговаривали,
Разве что для того, чтобы высказать упрек,
И переброситься горькими словами;
Мы встретились, как встречаются два голодных орла,
Когда у их ног лежит мертвый барсук —
Каждый направил бы копье на своего врага,
Каждый вложил бы стрелу в свой лук,
И назначил бы ее целью грудь своего врага,
Но воины вмешались,
И отсрочили мое возмездие.
Ты слышишь мои слова — все хорошо.

Тогда послушай мои слова —
Душа Макуа никогда не остывает;
Его гнев никогда не унять,
Но от запекшейся крови
Я жажду крови Красного Дуба;
Я живу только ради мести;
Ты не выйдешь замуж за его сына;
Выбери себе пару в другом месте,
И смотри, чтобы ты больше не бродила
Ночью по скалистой лощине,
И по лесистой лощине,
Но когда солнце закроет веки,

Смотри, чтобы и ты сам последовал этому примеру".

И отец юноши

Так сказал своему сыну:

"Птица прошептала мне на ухо,

Что, когда звезды улягутся на покой,

И луна опустит веки,

Те, кто прогуливается вдоль озера,

Увидят, как мимо их обеспокоенного взора пронесутся

Две фигуры, похожие на свет метеора,

И заметят белое каноэ,

Управляемое двумя гребцами,

И услышат слова нежной песни.

Крадущийся, как весенний ветер.

Скажи мне, сын мой, ты ли это?

Тогда отважный сын ответил:

"У меня душа воина,

И у меня рука силы;

Я презираю ложь;

Птица сказала тебе правду.

И, отец, услышь мои слова:

теперь я достиг состояния человека;

Кто может согнуть росток дуба, из

которого сделан мой лук?

Кто может уравновесить мой выбор копий,

Для меня это всего лишь тонкая тростинка?

Я охотно построил бы себе вигвам

И взял бы в этот вигвам жену:

И, отец, послушай своего сына —

я люблю дочь Красного Дуба".

"Ты любишь дочь моего врага;

И разве ты не знаешь, какими насмешками

осыпал меня его язык:

Нация сделала меня вождем,

И отсюда возник его гнев;

Оттуда пришли ужасные обиды и удары,

И никто еще не отомщен.

Он хвастался, что его слава превзошла мою:

Три скальпа, по его словам, были сорваны с моего шеста,

В то время как в его вигваме их было девять —

Он не сказал, скольких я *сразил*,

Не говорил и о моем постоянстве,

Когда нансемонды разрывали мою плоть,
Разрывали горящими клешнями;
И он сказал, что сражался с чероки,
И нанес удар воина,
Где катятся волны Онтарио,
И пронес свое копье туда, куда я не осмеливаюсь сунуться. ,
И взглянул на чахлую сосну,
В царстве бесконечного мороза;
И на тропу Книстено
И На крест Абенаки:
В то время как — горькая насмешка! — жестокая насмешка!
И за это я выпью его кровь,
И съем его, поджаренного на огне —
Красный Дуб засеял свою землю,
Он должен был возглавить группу.

И послушай дальше мои слова —
Мой гнев никогда не уляжется;
Ты не должен жениться на его дочери,
Выбери себе жену в другом месте;
Выбери себе жену где угодно,
кроме вигвама Макуа.
У нансемондов есть прекрасные девушки,
С яркими черными глазами и длинными черными локонами,
И голосом, подобным музыке ручейков; У
девушек чиппева с морозного севера
Ноги, как у проворных антилоп,
Скачущих по их родным холмам;
И голос их подобен весеннему пению голубки —
Возьми одну из этих голубок к себе в клетку;
Но больше не встречай ни днем, ни ночью
дочь воина макуа".
И он надменно отвернулся.

На землю опустилась ночь;
Лик луны заволокли туманы,
И звезды были похожи на сверкающих мух,
Которые мерцают на полянах прерий,
В июне месяце, Когда жил мой брат:
И появились отвратительные формы;
Духи болот
Вышли из своих темных и глубоких пещер,
Где текут слизистые потоки,
Чтобы порезвиться Со змеей и волком,
И нашептать на ухо спящему

О близкой смерти и опасности.

Затем к берегу озера
подошла прекрасная девушка;
она была высока, как молодая ель,
Росшая на берегу реки;
Поступь ее была поступью антилопы;
Ее глаза были глазами лани;
Ее волосы были черны, как у угольно-черной лошади;
Ее рука была пухлой и маленькой;
Ее нога была тонкой и миниатюрной;
А ее голос был голосом ручейка при луне,
самой нежной песней ручейка.
Красивые у нее были губы,
Сочно-красные губы,
Губы, похожие на цветок, который пчела срывает,
Когда его головка склоняется под росой.

Она стояла в тени
темных и высоких деревьев,
Которые отбрасывали свой отпечаток на озеро,
И долго ждала там в тишине.
- Почему он не приходит, мой Аннаванд,
Мой возлюбленный, храбрый и верный?
Он знает, что его девушка ждет его
В тени тиса,
Чтобы переплыть озеро на своем Белом каноэ.
Но Аннаванд не пришел:
"Он явно скучал по мне, - сказала девушка, - И плывет по озеру в одиночестве".
Хотя там темно и дуют сильные ветры,
я буду искать своего воина там".

Затем легко вскочила в свое белое каноэ
прекрасная Пекида
И ушла от берега одна.

Громко дули могучие ветры,
Тучи были плотными и черными,
Раскаты грома прокатывались среди холмов,
Молнии сверкали сквозь тени;
Духи громко выкрикивали
Свои печальные вопли,
Вопли, которые терзают прислушивающееся ухо,
Когда опасность и смерть близки:

Кто тот, кто стоит на берегу,
Издавая звуки скорби?
Это Аннаван, любимый юноша,
Задержанный так надолго, чтобы завистливые глаза
Не узнали, почему в полуночный час
Он ищет озеро в одиночестве.
Он обнаруживает, что девушка исчезла,
И тоска наполняет его душу,
И все же, возможно, в детской забаве,
Она прячется среди роц.
Он громко зовет: "Моя прекрасная дева,
Твой Аннаван здесь!
Где ты, девушка с угольно-черными волосами?
Чего боится твоя грудь?
Если ты спряталась в игривом настроении
В тени сосны или кипариса,
Если маленькое сердечко, которое так нежно вздымается,
Слегка прижимается к ложу из листьев;
Скажи мне, девушка, своим голосом
Прикажи сердцу твоего возлюбленного возрадоваться;
Открой на него свои звездные глаза;
Позволь ему заключить тебя в объятия,
Прижми свои спелые, алые губы к его губам.
Иди сюда, моя прекрасная Пекида, иди!"

Никакого ответа не достигает ушей воина,
Но над озером мерцает
одиноким мерцающим огонек —
Кажется, что это лампа-светлячок;
Он движется быстрыми и странными движениями
Над широкой поверхностью озера.
Влюбленный вскочил в свое легкое каноэ,
И быстро последовал за искрой метеорита,
Но дул сильный ветер, а облака были темными,
Он не мог найти ни служанку,
Ни рядом со сверкающей лампой.

Он пошел в вигвам своего отца,
И положил его на землю,
Спокойно положил его.
Слова, которые он никому не говорил,
Взгляды, которыми никого не одаривал.
Они приносили ему еду — он не хотел есть —
Они приносили ему питье — он не хотел пить —
Они приносили ему копье и лук,

И дубинку, и связку стрел,
И выкрикивали боевой клич,
И восхваляли его, и назвали Вождем,
И рассказали, как вероломные нантикоки
Убили трех Храбрецов из роаноков;
Что человек из племени, который никогда не убегал,
Поклялся воевать с сыном Красного Дуба —
Но он не выказывал никаких признаков гнева;
Его мысли витали в другом направлении.

Внезапно он вскочил на ноги,
Подобно стреле, пущенной сильной рукой.
"Вы вырыли ей могилу, - сказал он,
- В месте слишком холодном и сыром,
Слишком холодном и сыром
Для такой теплой и искренней души.
Как вы думаете, куда подевалась ее душа?
Ушла к озеру Унылого Болота,
Где всю ночь напролет при свете горящей лампы
Она гребет на своем Белом каноэ.
И туда я отправлюсь!"
И с этими словами он взял свой колчан и лук,
И попрощался со всеми.

И юноша больше не возвращался;
И девушка больше не возвращалась;
Живыми их больше никто не видел;
Но часто их души видит
тот, кто спит в том болоте.
Когда тусклые лампы ночи затуманены,
И Звезда Охотника спрятана,
И луна закрыла свой век,
И волчица нажимает на тормоз,
И выпь начинается десятками,
И стройные можжевельники дрожат
Под тяжестью проворного медведя,
И пруд оглашается плеском каймана,
И сова поет с ветвей ясеня,
Где он сидит такой спокойный и прохладный,
А над его головой мукависс
Поет его мрачная песня,
И кваканье лягушек в пруду,
И он слышит у своих ног шипение змеиного рога;
Тогда часто мелькают
столь настоящие тени юноши и девушки,

Которые обитают на озере Белого каное.

Примечания.

(1) *Надежная память.*—стр. 9.

Память индейцев столь же удивительна, как их врожденная проницательность. Они совершенно лишены тех вспомогательных средств, которые мы изобрели, чтобы облегчить нашу память или восполнить ее недостаток; и все же они никогда не затрудняются припомнить какое-либо конкретное обстоятельство, которым они могли бы произвести впечатление на своих слушателей. В некоторых случаях они действительно используют маленькие палочки, чтобы напомнить себе о различных темах, которые им предстоит обсудить; и у них с легкостью формируется своего рода локальная память, причем настолько надежная и безошибочная, что они могут говорить очень долго — иногда по три—четыре часа подряд - и демонстрировать двадцать различных подарков, каждый из которых требует целой речи, ничего не забывая и даже не колеблясь.

(2) *Добрая дружба.*—с. 14.

У каждого индейца есть друг почти того же возраста, что и он сам, с которым он связан самыми неразрывными узами. Два человека, объединенные таким образом одним общим интересом, способны предпринимать и рисковать всем, чтобы помогать друг другу; сама смерть, согласно их вере, может разлучить их лишь на время: они твердо уверены, что снова встретятся в другом мире, чтобы никогда не расставаться, где, по их убеждению, у них будет возможность получить те же услуги друг от друга. Шарлевуа рассказывает об индейце, который был христианином, но не жил в соответствии с принципами Евангелия, и который, когда иезуит пригрозил ему адом, спросил этого миссионера, думает ли он, что его недавно ушедший друг попал в это место мучений; отец ответил ему, что у него есть все основания полагать, что Господь смилостивился над ним и забрал его на небеса. "Значит, я тоже не попаду в ад?" - ответил индеец, и этот мотив побудил его сделать все, что от него требовалось; то есть он был бы так же готов отправиться в ад, как и в рай, если бы думал найти там своего товарища.

Говорят, что эти друзья, когда им случается находиться на расстоянии друг от друга, взаимно призывают друг друга во всех опасностях. Несомненно, можно положиться на помощь, которую они обещают друг другу.

(3) *Макуа, спасенный от бойни.*—стр. 15.

Ниже приводится практика и церемония усыновления: по деревне или лагерю рассылается герольд с уведомлением о том, что те, кто потерял кого-либо из родственников во время последней экспедиции, желают присутствовать на распределении, которое вот-вот состоится. Те женщины, которые потеряли своих сыновей или мужей, обычно удовлетворены в первую очередь; впоследствии такие женщины, которые были лишены друзей более отдаленной степени родства, или которые решили усыновить кого-нибудь из молодежи. После раздела, который проводится, как и в других случаях, без малейших споров, те, кто получил какую-либо долю, отводят их в их палатки или хижины и, развязав их, промывают и перевязывают их раны, если они случайно получили какие-либо; затем они одевают их и дают им самую удобную и освежающую пищу, какую только могут позволить их запасы.

Пока их новые слуги кормятся, они стараются утешить их; они говорят им, что те спасены от смерти, теперь они должны быть веселыми и счастливыми; и, если они будут хорошо служить им, не ропща и не ропщут, у них не будет недостатка ни в чем, чтобы искупить потерю своей страны и друзей настолько, насколько позволят обстоятельства.

Если кого-то из мужчин и щадят, то обычно отдают вдовам, потерявшим своих мужей от рук врага, если таковые найдутся, за которых, если они окажутся сговорчивыми, их вскоре выдают замуж. Женщин обычно распределяют среди мужчин, у которых они неизменно встречают благосклонный прием. Мальчиков и девочек берут в семьи тех, кто в них нуждается. Удел их завоевателей во всем становится их уделом.

ЛЕГЕНДА О БОМЕЛЬМИКАХ.

Двадцать четыре мужчины и двадцать четыре женщины из двадцати четырех диких племен были встречены на вершине холма Герундеваг. На земле не было никого, кроме этих двадцати четырех племен, и на холме не было никого, кроме этих дважды двадцати четырех человек. Все они были друзьями и как братья. В этой стране не было раздоров; кровь не заливала прекрасные долины дикой природы; ни один боевой клич не сотрясал холмы. Луки, стрелы и копья использовались для уничтожения медведей, волков и пантер; а охра, которая теперь окрашивает лоб индейца в красный цвет войны, использовалась для украшения трубок. На земле был только один язык — все племена понимали друг друга. Если бомельмик говорил алгонкину: "Дай мне мяса или питья", тот приносил ему мясо или питье — если он говорил: "Покури в моей трубке", он курил в знак обещания мира или отказывался. Если юноша-ирокез говорил девушке из племени Красных гуронов: "Отдай мне свое сердце и стань звездой моей хижины", она отдавала ему свое сердце и становилась звездой его хижины, или она приказывала ему больше не думать о ней. Тогда не было так, как сейчас, когда люди ссорились и доходили до драки, потому что они неправильно поняли произнесенные слова. "Да" было "да", а "нет" было "нет" у всех племен той страны, и переводчики были чем-то неизвестным. Итак, эти дважды двадцать четыре человека из двадцати четырех племен земли сели на вершине холма Герундеваг и закурили свои трубки.

Пока они выпускали клубы дыма и наслаждались удовольствием, которого так жаждет индеец, один из них, чье зрение было острее остальных, окинув взглядом западную пустыню, закричал, что увидел двух существ, чьи головы торчали далеко над лесом. Очень скоро остальные люди, собравшиеся на холме Герундеваг, смогли увидеть то же самое нечто, очень похожее на стволы деревьев, лишенных своих ветвей, и выглянуть в румянец утра сквозь испарения влажной долины. Что это были за существа, человеческий язык не мог сказать, но было видно, что они приближались к холму Герундеваг. Когда головы приблизились, было видно, как люди летели перед ними, а головы быстро преследовали их. Наконец дважды двадцать четыре на холме смогли разглядеть, что головы принадлежали двум огромным змеям, которые извилистыми путями передвигались по земле, пожирая жителей так быстро, как только им удавалось обнаружить и проглотить их. Видя это, а также опасность, которой они подвергались, стать пищей для монстров, они приступили к укреплению высокого холма Герундеваг, чтобы их жизни были в безопасности от ужасающей опасности, и внутри своего укрепления они собрали всевозможные защитные материалы. Обеспечив себе сносную безопасность, они имели время

понаблюдать за истребительной войной, которую змеи вели с сынами земли, не защищенными таким образом.

Тем временем змеи, обнаружив благодаря своей острой способности обонять отдаленные предметы, что на холме Герундеваг находятся человеческие тела, плоть которых они теперь очень полюбили, немедленно направились туда. Направляясь туда, они были вынуждены пересечь или, скорее, спуститься по реке Мохок, которая, когда они таким образом прошли вдоль нее, отклонилась от своего естественного течения, вышла из берегов, сметая все препятствия, и образовала те прекрасные луга, которые с тех пор остаются покрытыми зеленым одеянием. Достигнув наконец холма, у подножия которого они свернулись во множество колец, они приступили к делу смерти, отравляя воздух своим пагубным дыханием. Вскоре атмосфера, которая прежде была чистой, изменилась по своей природе; явления, напоминающие движение волн великого озера Верхнее, слегка взволнованных жарким летним утром, были замечены на горизонте и никогда не покидали его. Если раньше дожди лились мягкими ливнями в паузах между слабыми ветрами, то теперь они обрушивались проливными потоками, сопровождаемыми воющими бурями и холодными ураганами. Молнии, которые раньше играли только на горизонте, когда красный свет осенних вечеров пронизывает северное небо, теперь раскалывают кремнистую скалу и раскалывают сучковатый дуб. Люди, которые раньше умирали только от старости, теперь отравленные дыханием чудовищ, заболевали на заре жизни, с блеском юношеской надежды в глазах и пушком незрелых лет на щеках. Волосы теперь часто седали раньше, чем ослабевали колени; зубы гнили, когда между ними было достаточно еды; глаз часто не мог разглядеть прекрасные предметы, а ухо - впить нежные звуки, которые Великий Повелитель всего сотворил для пропитания каждого. Теперь сердце иногда становилось трепетным и нерешительным, а в душе появлялись видения своей несостоятельности. Но я говорю о загробном времени; сначала позвольте мне поговорить о том, что является первым.

Дважды двадцать четыре, которые отличались очень смелой натурой и ничего так не боялись, как того, что их сочтут трусами, атаковали змей со своими луками и стрелами. Однако вести войну с существами, покрытыми непроницаемым чешуйчатым покровом, было бесполезно. Змеи даже не испугались стрел, так что дважды двадцать четвертому не оставалось ничего, кроме смерти. Поскольку пища у них вскоре закончилась, они были вынуждены отправиться на поиски средств поддержания жизни. Как только они появлялись у ворот укрепления, то одно, то другое чудовище хватало их по полной, пока из всех, кто занимал его поначалу, не осталось только десять женщин и одиннадцать мужчин. Что нужно было делать? Я не смог бы сказать, будь я там, но одиннадцатый человек обладал искусством и хитростью, чтобы избавить страну от нападений ядовитых змей. Он сказал своим братьям: "Одна из змей - женщина. Я узнаю это по ее глазам, которые очень яркие, и соблазнительные, и блуждающие, и коварные. Я узнаю это по ее бормотанию, если все идет не так, как надо, и по тому, как она часто видит себя в водах озера Канандайгуа, и по шумной болтовне, которую она постоянно ведет ни о чем. Это признаки, которые нельзя понять неправильно; я знаю, что она женщина. Теперь, если я только смогу застать *старика* спящим, я займусь с ней любовью, и это будет нелегко, но я заставлю ее помочь в его уничтожении". Итак, Одиннадцатый Мужчина — который был любознательным существом в том, что касалось занятий любовью с женщинами, и знал все искусства, которые необходимо использовать, и всю чепуху, которую следует произносить, знал, когда смотреть, а когда закрывать глаза, когда быть страстным, а когда холодным, и все такое прочее — приступил к завоеванию любви хрупкой жены Великого Змея. Всякий раз, когда старик ложился

вздремнуть, что случалось очень часто, вы наверняка видели Бомельмика на вершине укрепления, который подмигивал, глазел, вздыхал и вытворял другие глупости, глядя на Скво-Змею. И вскоре стало видно, что она обратила внимание на его признания в любви и не была расположена быть *очень* жестокой или "смешной". О, это было любопытное зрелище - наблюдать за ухаживанием, хотя и не более любопытное, чем я видел другие ухаживания. Когда он подмигнул, она подмигнула; когда он уставился на нее, она уставилась на него; когда он вздохнул, она — позаботившись повернуть голову в другую сторону, потому что ее дыхание не было запахом мирта или флердоранжа — тоже вздохнула, и очень громко. Так что глупость была заменена на глупость, и дело пошло на лад. И все же Одиннадцатый Мужчина некоторое время не осмеливался выйти за пределы укрепления, ибо заметил ее вкус к человеческому мясу и ловкость в отрубании голов, и не знал, что ее любовь к нему может простираться до желания попробовать вкус его мяса и что она могла бы, в момент легкого флирта, попрактиковаться на нем в своем мастерстве разделять шеи. Известно, что женщины причиняют большее зло, чем любое другое, мужчине, которого они притворялись, что любят. По крайней мере, так сказал Одиннадцатый Человек, и, как я уже говорил моему брату, он был сведущим человеком в этих вопросах. Вскоре стало ясно, что необходимо что-то предпринять. В форте не осталось продовольствия, и если его не раздобыть, всех ожидала быстрая смерть. Одиннадцатый Мужчина, который был так же отважен на войне, как и в мирное время, с благородством, присущим индейцу (1), сказал, что пойдет и подчинится доброй воле *хорошенького* создания. Итак, взяв свое копье, лук и стрелы, ибо он знал, что женщинам нравится, когда за ними ухаживают воины, и они восхищаются красивой осанкой и веселой одеждой влюбленных, и часто умирают от жажды перьев и безделушек, он выбрал момент, когда старик был погружен в глубокий сон, и отважился выйти. Женщина может услышать самые легкие шаги любовника, когда она крепко спит и когда гром, раскатывающийся по западным холмам, не разбудит ее. Так было и с Индианкой-Змеей, которая, хотя и была очень сонной, наблюдая за звездами и щурясь на луну, как это всегда делают люди, когда они влюблены, — едва заслышав шаги своего возлюбленного по зеленому дерну, двинулась ему навстречу. Наступает опасный момент! Бомельмик, берегись! Она поднимает свой хвост, на конце которого ужасное жало, чтобы обхватить тебя, как парой рук. И смотри, смотри, как ее челюсти, белые от пены и больше самого большого дерева в лесу, тянутся, чтобы поцеловать тебя в щеку или, что едва ли хуже, оторвать тебе голову. Храбрый человек! С какой неустрашимой твердостью он терпит, когда его уносят в ее объятия — нет, не в ее объятия, а в ее хвост, — и как терпеливо он терпит, когда мерзкая змея царапает его щеки, ощутившие дыхание сладких губ! О! если он станет жертвой своей любви к своему народу, он заслужит такую же долгую жизнь в памяти бомельмиков, как и их великий основатель Ирвин.

Нежными и долгими были ласки Одиннадцатого Мужчины и Змеи-Скво, и, к счастью, старик не прерывал их, который, в отличие от многих мужей, которых я знала, ухитрялся спать ровно столько, сколько они хотели. Прежде чем он проснулся, между ними была достигнута договоренность о том, что смерть старика должна быть совершена. Поэтому она велела ему обмакнуть в яд ее жала наконечники двух стрел, которые должны были найти достойное применение. Он так и сделал, а затем удалился в укрепление. Приставив лук к уху и нацелив стрелу в голову престарелого мужа, он выпустил ее с безошибочным мастерством. Сделав это, он с такой же точностью направил вторую стрелу в голову неверной жены. Смертельно раненные отравленными дротиками, ужасные чудовища в страшной агонии скатились с холма, сметая при спуске все деревья на склоне до самого подножия и, корчась, извергая головы

проглоченных ими индейцев. Эти головы скатились в озеро Канандайгуа, где превратились в камни, и их можно найти там по сей день. Индеец, когда, сидя в своем каноэ, он скользит по озеру, часто видит их лежащими на его галечном дне, и большая кора белого человека часто разбивается о них вдребезги. Так одиннадцать мужчин и десять женщин были освобождены от змей.

Но теперь выжившим открылось самое странное обстоятельство. Яд, который змеи излили на землю своим пагубным дыханием, подействовал так, что произошло смешение языков, и разные народы больше не понимали друг друга. Ирокезы больше не могли говорить на диалекте натчезов; бомельмики из страны Морозов больше не пели своих военных песен на языке уокуллов из страны Цветов. Сенека тщетно пытались сообщить о своих желаниях Краснокожим гурунам с Озер, которые были точно так же озадачены разговором с наррагансетами из Страны Рыб. Юноша одной нации, если он хотел взять в жены женщину другой нации, теперь должен был говорить глазами, тогда как раньше он использовал свой язык, чтобы лгать.

Итак, земля была заново заселена выжившими с холма Герундеваг, и смешение языков продолжало усиливаться, и так происходит по сей день. Бомельмики исчезли с лица земли; остались только потомки Одиннадцатого Человека, которых было очень много, и один из них теперь рассказывает эту историю, которая, безусловно, правдива.

ПРИМЕЧАНИЕ.

(1) *Возвышенность индийца*. -с. 39.

Индийцы очень часто проявляют гордость и величие ума, которые не посрамили бы героев древней Греции и Рима. "Большая часть из них, - говорит Шарлевуа, - действительно обладает благородством и равенством души, которых мы не можем достичь со всей помощью, которую мы можем получить от философии и религии". Всегда владеющие собой, мы не замечаем ни малейшей перемены в выражении их лиц при самых внезапных несчастьях. Заключение, который не знает, чем закончится его заточение, или, что, пожалуй, еще более удивительно, который все еще не уверен в своей судьбе, не теряет из-за этого четверти часа сна. Даже первые эмоции не вызывают у них чувства вины. Следующие хорошо подтвержденные истории демонстрируют их благородство, а одна из них - их исключительное рыцарство характера.

Однажды молодой человек оскорбил капитана гурунов и ударил его. Те, кто присутствовал при этом, наказали бы его за дерзость на месте. "*Оставьте его в покое*, - сказал Капитан. - *Вы почувствовали, как задрожала земля? Он достаточно осведомлен о своей глупости.*" — Шарлевуа, ii. 64.

Эта страсть индейцев, которую я называл *гордостью*, но которую, возможно, лучше было бы назвать *высокомерием*, обычно сочетается с большим чувством чести и нередко приводит к поступкам самого героического рода. Индеец из народа ленапе, который считался очень опасным человеком и которого из-за этого очень боялись, публично заявил, что, как только другой индеец, который в то время уехал в Сандаски, вернется оттуда, он непременно убьет его. Однажды этот опасный индеец зашел в мой дом на Мускингаме, чтобы попросить у меня немного табаку. Пока этот незваный гость курил трубку у моего очага, смотрите! другой индеец, которого он угрожал убить и который в этот момент только что прибыл, тоже вошел в дом. Я был

очень напуган, так как боялся, что злой индеец воспользуется этой возможностью, чтобы привести свою угрозу в исполнение, и что мой дом станет ареной ужасного убийства. Я направился к двери, чтобы не быть свидетелем преступления, которое я не мог предотвратить, когда, к моему великому удивлению, услышал, как индеец, которого я считал в опасности, обратился к другому со следующими словами: "Дядя, ты угрожал убить меня — ты заявил, что сделаешь это при нашей первой встрече. Теперь я здесь, и мы вместе. И я принимаю как должное, что вы настроены серьезно и что вы действительно полны решимости лишить меня жизни, как вы заявили. Должен ли я теперь считать вас своим заклятым врагом и, чтобы обезопасить свою жизнь от ваших убийственных замыслов, первым нанести вам удар и обгадить свои руки вашей кровью? Я не буду, я не могу этого сделать. У тебя дурное сердце, это правда, но все же ты кажешься великодушным врагом, потому что предупредил меня о своем намерении; ты заставил меня быть настороже и не пытался убить меня врасплох; поэтому я пощажу тебя до тех пор, пока ты не занесешь руку для удара, и тогда, дядя, будет видно, кто из нас падет. Убийца был как громом поражен и, не сказав ни слова в ответ, выскользнул из дома.—*Черт возьми*. 161, 2.

Мистер Хеквелдер рассказывает о другом примере индейского героизма и великодушия, не уступающем предыдущему. В 1782 году военный вождь вайандотов Нижнего Сандаски отправил молодого белого пленника в подарок другому вождю, которого называли *Полукоролем* Верхнего Сандаски, с целью принятия в свою семью вместо одного из его сыновей, который был убит годом ранее во время войны с народом на реке Огайо. Жена полукороля отказалась принять пленника вместо своего сына, и это было равносильно смертному приговору. Поэтому молодого человека увели, чтобы подвергнуть пыткам и сжечь на костре. В то время как возле деревни происходили ужасные приготовления, несчастная жертва была уже привязана к столбу, а индейцы стекались со всех сторон, чтобы присоединиться к жестокому акту или стать свидетелями его, два английских торговца, мессеры Дж. Арундел и Роббинс, потрясенные мыслью о жестокостях, которые вот-вот должны были совершиться, и движимые чувствами жалости и человечности, решили объединить свои усилия, чтобы попытаться спасти жизнь пленника, предложив военачальнику выкуп, от которого он, однако, отказался, потому что, по его словам, среди них существует установившееся правило, что, когда пленнику, полученному в подарок, отказывают в усыновлении, он безвозвратно обречен на костер, и ни у кого нет возможности спасти его жизнь. Однако два великодушных англичанина не были обескуражены и решили предпринять последнюю попытку. Они хорошо знали, какие последствия способна произвести высокомерная гордость индейца, и на эту сильную и благородную страсть направляли свои атаки. "Но, - сказали они в ответ на ответ, который дал им вождь, - среди всех тех вождей, которых ты упомянул, нет ни одного, равного тебе по величию; тебя считают не только величайшим и храбрейшим, но и лучшим человеком в стране". "Вы действительно верите в то, что говорите?" - спросил индеец, глядя им прямо в лицо. "Действительно хотим". Затем, не сказав больше ни слова, он почернел и, взяв в руки нож и томагавк, пробрался сквозь толпу к несчастной жертве, крича громким голосом: "Что тебе нужно от моего пленника?" - и сразу же перерезал веревки, которыми тот был связан, и отвел его в свой дом.—*Черт возьми*. 162, 3.

Наталл в своих путешествиях по территории Арканзас говорит, что среди самых экстраординарных действий, которые они (арканзасцы) совершили против чикасо, есть история, которую мне рассказал майор Льюисмор Вогин, один из самых респектабельных жителей этой территории. Чикасо, вместо того чтобы отстаивать свои позиции против куапо

(банды арканзасцев), отступали перед куапо, которых они заметили на расстоянии, из-за нехватки боеприпасов. Последние, понимая ситуацию, были полны решимости избежать оправдания, реального или надуманного, и пожелали, чтобы Чикасо высадились на соседнем песчаном пляже Миссисипи, неожиданно пообещав снабдить их порохом для состязания. Затем вождь квапау приказал всем своим людям высыпать порох из рожков в одеяло, после чего разделил все ложкой и отдал половину чикасо. Затем они перешли к бою, который закончился убийством десяти чикасо и потерей пяти пленных, при этом погиб один квапо.—
Страница 85.

КОРОЛЬ ЛОСЕЙ.

Когда Великий Бобр, дух, который после Мичабу сыграл наибольшую роль в сотворении и управлении людьми и вещами, создал животных, он наделил некоторых из них мудростью, а всех - даром речи. Тогда черный медведь мог беседовать с кайманом, и шепот морской свиньи в ушах моржа и камбалы выражал мысли, которые проносились в его голове. Нужды, которые цапля и гусак теперь выражают кивками и подмигиваниями, тогда передавались простыми, незамысловатыми словами; и хрюканье и писк свиньи, и блеяние козленка, и ржание лошади, и вой собаки, и кукареканье петуха, и кудахтанье курицы, и другие средства, с помощью которых звери, птицы и другие создания в наши дни сообщают о своих нуждах и желаниях, были тогда неизвестны. Если бык был голоден или собака хотела навестить двоюродного брата, он говорил об этом, а если свинья хотела почесать себе брюхо, он говорил как мужчина. Если петух был горд, вместо того, чтобы скакать на шесте, и взмахнул своими крыльями и издавая бессмысленные Ку-ка-ре-ку, как тщетное делает сейчас, он попросил молодка", если она не думаю, что он был красивый мужчина," и она ответила *ай* или *нет*, как она думала. Пантера сказала своей матери простыми, доходчивыми словами, хочет ли он жену; и когда курица выбросила свое яйцо, вместо того чтобы кудахтать, она сказала: "Вот!" Тогда не было никаких трудностей в понимании зверей, потому что они выражали свои желания на хорошем простом индейском, что было намного лучше, чем сейчас, когда вы вынуждены угадывать половину из того, что они говорят. И они не только могли лучше передавать свой смысл, но и их значение становилось ценнее, когда вы его знали. По правде говоря, звери в то время были намного мудрее и хитрее людей, и там, где индеец поймал в свой капкан одного бобра, бобр поймал в свой десять индейцев. В "Войне и мире" их планы и стратагемы были лучше продуманы и успешнее исполнялись, а их беседы [13] были так же полны приятных и мудрых слов, как небо диких голубей в сезон их бегства от суровостей приближающейся зимы. Как жаль, что глупость Великого Вождя Лосей лишила животных важнейших способностей, дарованных им Великим Зайцем, и привела к утрате всеславного дара речи.

Среди оттавов, живших на берегах озера Великого Бобра (1), был молодой человек, происхождение которого никто не знал с уверенностью, но которого все считали сыном бога. За шестнадцать снегов до того времени, о котором я говорю, в большой деревне нашего народа теплым утром в день Лягушачьей Луны был найден маленький мальчик, который мог бы видеть, как распускаются цветы, дважды - старше он быть не мог. Никто не знал, откуда он родом, и он не мог сказать им или предоставить какую-либо информацию, с помощью которой можно было бы установить, кто были его родители, или каково место его рождения, или почему он был брошен. Он не принадлежал к племени — в этом они были уверены; и черты его лица не

походили ни на один из окружающих народов, и его слова или тембр голоса не были такими, какие когда-либо слышали уши Оттавы. Действительно, были свидетельства того, что он был обязан своим существованием любви бога озера к тому, кто носил человеческий облик. Он был по форме похож на человека, то есть стоял прямо, а его ступни и кисти были вылеплены как у оттавца, за исключением того, что первые были плоскими, перепончатыми и когтистыми, как лапы белого бобра (2). Голова, помещенная на пару плеч, похожих на человеческие, больше походила на те головы, которые охотник видит выглядывающими из хижин хитрых маленьких людей [14], чем на головы людей. По форме оно очень напоминало голову горной крысы; нос был длинным, глаза маленькими и красными, уши короткими и круглыми, волосатыми снаружи и гладкими внутри. Затем к форме мальчик добавил повадки бобра. Каждый день он отправлялся к озеру и загорал на его чистой, прохладной глади. Пища, которую он предпочитал, еще больше указывала на то, от кого он произошел. Он совершал путешествие в полсолнца, чтобы найти рака; он с большим трудом взбирался, рискуя своей шеей, на самый высокий тополь в лесу из-за его сочных почек и на стройное дерево из-за его испуганных и застенчивых листьев, которые увядают и отмирают, стоит только прикоснуться к ним. Он обладал большой хитростью и изощренностью, какими и мог бы обладать, если бы в его жилах текла кровь бога, которому поклоняются индейцы.

Этот мальчик, если это был мальчик, или молодой бобер, если мои братья думают, что это был бобр — пусть они сами решают этот вопрос, — вырос с обликом человека, ростом с человека и речью человека, но наделенный многими атрибутами бобра — действительно, по своим способностям он имел большее сходство с этим животным, чем с человеком, и его действия были больше похожи на поведение четвероногого животного, чем двуногого. Нрав у него был очень мягкий и добрый, а трудолюбие не уступало трудолюбию хитрых маленьких людей, от которых он происходил. Он всегда был чем-то занят: ночью, в полдень, утром, в дождь или в сухую погоду, он работал на себя или на других. Пока ленивые оттавы спали на солнечной стороне своих хижин, он таскал домой дрова для костра, или чинил сети, или пропалывал кукурузу. И тогда он стал таким миролюбивым, что за те восемнадцать снегов, что он прожил в большой деревне Оттава, никто ни разу не видел его сердитым, не видел беспокойства в его глазах и не слышал сетования из его уст. Он не жаждал отличий на войне, он никогда не говорил о поле битвы, не пел военную песню, не постился, чтобы воплотить в жизнь кровавые мечты, не брил свою макушку до пышного локона на голове, не красил щеки и лоб охрой гнева, не учился танцевать военный танец — его поступки и занятия были женскими, а все его мысли и желания были направлены на мир. Среди народа, столь доблестного и так любящего поедать своих врагов [15], такого слабого и женоподобного, как оттава, нрав, которым обладает Ребенок Зайца, вызвал бы большой гнев и презрение к его обладательнице. Но, полагая, что отцом юноши был их любимый бог, они никогда не упрекали его в трусости и предпочтении мира войне, а довольствовались словами, что "он был очень, очень хорошим мальчиком, но он никогда не стал бы вождем народа, более воинственного, чем крапивник или луговая собачка". В смехе, который последовал за этими речами, не было ничего дурного, потому что все любили мальчика, каким бы трусливым и уродливым он ни был, и каждый защитил бы его от беды, рискуя собственной жизнью. И так жило Дитя Зайца, пока снега семнадцатой зимы не растаяли и не ушли в объятия Великого Озера.

Именно тогда было замечено, что мальчик, ставший взрослым мужчиной, стал уходить из деревни и избегать труда, который когда-то был для него удовольствием. Никто не знал, куда он ходил и с какой целью. Обычно с заходом солнца он уходил в лес и отсутствовал большую часть

периода темноты. Иногда его путешествия совершались при дневном свете. Старики спросили его, куда он пошел, — он ничего не ответил; юные девушки, всегда славившиеся тем, что докопались до сути тайн и выслеживали их, как выслеживают барсука, пытались разгадать тайну, но не более успешно. Наконец—то хитрая старуха узнала - то, чего не узнает хитрая старуха, — секрет.

На большой равнине, простиравшейся совсем рядом с большой деревней оттава, на расстоянии целого дня пути к стране восходящего солнца, жил народ, с которым у оттавы всегда был мир. Это были существа очень неуклюжей формы, ростом не превышавшие упрямого маленького зверька, на котором приехал сюда наш белый брат, с четырьмя ногами и бородой на шее, такой же длинной, как у людей, которых можно увидеть в Городе Скал. Их головы были очень длинными, морды - очень толстыми, ноздри - очень широкими, и каждый носил на голове, еще до того, как женился, пару длинных и широко раскидистых рогов. Они были покрыты длинной шерстью, цвет которой представлял собой смесь светло-серого и темно-рыжего. Хотя они, по-видимому, были очень тяжелым, неуклюжим, неповоротливым народом, оттавам, когда они присоединялись к ним в охотничьих экспедициях или помогали им в войнах с их врагами, было нелегко держаться рядом с ними, настолько долгой и уверенной была их рысь. Только когда выпал глубокий снег, который, немного растаяв, а затем замерзнув, не выдержал бы их веса, наши люди оказались не хуже их в скорости передвижения. Ибо нога странного народа, будучи раздвоенной, прорвала корку, образовавшуюся от мороза на поверхности снега, и они все погружались и погружались, почти не продвигаясь вперед, пока их силы не иссякли.

Лоси — ибо так звали этих странных соседей оттавы - были в целом очень добродушным, дружелюбным народом. Но когда они однажды приходили в ярость, гораздо лучше было держаться от них подальше, пока они не остынут, — этого курса следует придерживаться всегда, имея дело со страстными людьми. Всякий раз, когда Лось приходил в ярость из-за Оттавы, последний прятался до тех пор, пока снова не становился довольным. Так что в целом две нации потерлись носами друг о друга с большей искренностью, чем любые две дикие нации. Ни тот, ни другой народ не были заинтересованы в том, чтобы бросить топор войны; они оказывали друг другу большую и частую услугу. Всякий раз, когда женщине из Оттавы было тяжело переносить родовые муки [16], она посылала за мудрым Старым Лосем, который быстро принимал роды; и, когда каркаджу затевали ссоры, как они всегда делали со своими тихоокеанскими соседями, оттава становились либо посредниками, либо союзниками лосей. Не могло быть никаких сомнений, что, если бы не наши Храбрецы, каркаджу и Лисы, которые всегда воюют в компании (3), стерли бы Лосей с лица Большого Острова. Но оттавы присоединились к более слабой стороне, что сделало их более чем достойными соперниками (4) для любого живого существа, как, несомненно, известно нашему брату. И именно потому, что наш народ спас добрых Лосей от клыков их жестоких и безжалостных предков, каркаджу были и по сей день остаются такими злейшими врагами нашего народа, вскрывают им яремные вены и снимают скальпы всякий раз, когда могут.

Я не могу сказать моему брату, в какую луну женщина из нашего народа, решив узнать, почему Ребенок Зайца так часто отлучался из деревни, последовала за ним с наступлением ранней ночи в густой и мрачный лес, примыкавший к землям оттава. Это была темная, дикая и поросшая густым лесом лощина, в которую эта бесстрашная женщина бросилась с наступлением темноты, но у нее был мощный мотив встретиться лицом к лицу с опасностью — нужно было разгадать тайну, и она отправилась туда с готовностью и удовольствием. Женщина

многое сделает, чтобы докопаться до сути тайны, которая в течение некоторого времени ставила ее в тупик и совала нос в чужие дела; и много опасностей и неудобств, а также много труда и хлопот должно сулить это путешествие, опасность и неудобство которого, а также труд и неприятности удержат ее от попытки предпринять его, когда его целью является познание того, что, вопреки ее желанию, долгое время оставалось скрытым. Итак, любопытная женщина последовала за Ребенком Зайца в глубокую лощину с ранними сумерками.

Они шли вперед, он впереди, а она позади, долгое время постоянно держа его в поле зрения, пока внезапно, как раз на восходе солнца, не оказались в глубокой долине, окруженной высокими холмами, через которую вела только одна тропа — протоптанная и наезженная, — та, по которой они пришли. Но что больше всего удивило эту предприимчивую женщину, так это то, что, хотя эта долина находилась всего в половине солнечного пути маленького мальчика от деревни Оттава, и хотя она, как и предполагала, посетила каждую часть прилегающей дикой местности, она никогда не видела ее до сих пор и не слышала, чтобы о ней говорили ее соплеменники. Но это обстоятельство не помешало ей восхититься прекрасным местом — оно действительно было самым прекрасным, когда-либо виденным глазами смертных, и вполне заслуживало множества ласковых эпитетов, которыми она его осыпала. Раскинувшаяся насколько хватало глаз, эта долина была зеленой и блестящей, как дубовая роща в Полнолуние, когда их листья полностью раскрываются навстречу теплым и ободряющим лучам великой дневной звезды. В центре этой долины находилось небольшое озеро, окаймленное ивами, ольхой, пеминами и виноградными лозами. Здесь не было совсем без деревьев, хотя их было немного, и они были разбросаны, как отряд пристыженных воинов, возвращающихся домой с вытопанного поля. Здесь, возможно, стояла высокая сосна с несколькими низкорослыми деревьями вокруг нее, напоминая счастливого отца со своими детьми на коленях, вкушающего плоды своей охоты, — вон там, кедр, одинокий, как человек, все друзья которого были убиты неумелым *аутмоином* (5) в Лихорадочную Луну. Хорошо, что женщина сочла, что холодное дыхание неистового и штормового Маткомека [17] никогда не достигало этого места — казалось, что его никогда не посещало ничто более суровое, чем южный ветер весной.

Когда эта женщина, рано вечером последовавшая за ребенком Зайца в лес, стояла и жевала кусочек горячего корня, который устраняет вопиющий грех бесплодия и делает женщин плодовитыми и любимыми [18], до ее ушей донесся звук, похожий на множество сердитых голосов, смешивающих свои акценты. Охваченная женским любопытством узнать, что это было, и стремясь поскорее увидеть битву, которую это сулило, она быстро перешагнула через небольшой пригорок, загораживавший ей вид на часть долины. Какая сцена предстала ее взору! На травянистом холме, затененном от лучей восходящего солнца грядой холмов, о которых я говорил, собралось большее количество лосей, чем даже мой брат мог сосчитать с помощью своего великого лекарства [19]. В центре собравшегося народа стоял Лось удивительного роста, великий вождь, или, как называл бы его мой брат, Король Долины. Он был таким большим, что самые крупные из его соплеменников казались всего лишь мушкетерами рядом с буйволом. Ноги у него были такие длинные, что самый глубокий сугроб не был препятствием для его самого веселого бега; а его кожа, покрытая рыжими и седыми волосами, была устойчива к величайшей ярости оттавского бендера лука. От каждого его плеча отходило по руке, которые хорошо соответствовали месту и выполняли функции одной и той же конечности у нашего народа. Его глаза были размером со шкуру самого большого бизона, а рога, возвышавшиеся у него над головой, напоминали дуб, пораженный гниением до того, что с него облетели листья и оторвались меньшие, но не более крупные конечности. Не могучее

животное, которое спустилось с гор грома, чтобы убивать буйволов в прериях [20], вообще не могло сравниться с ним по размерам. По крайней мере, так сказала женщина, которая последовала за Ребенком Зайца в глубокую лощину с наступлением темноты.

-Что привело тебя сюда? - спросил я. - потребовал один из Лосей, очень пожилой, которого звали Бродхорнс, от женщины, когда она приблизилась к внешней стороне круга. "Разве ты не знаешь, что любой, кто войдет в лагерь Великого Вождя Лосей, карается смертью, если за ним не послали? Что привело тебя сюда?"

- Я последовал за Сыном Бобра.

"Ого, итак, вы пришли к браку, но слишком поздно".

- Какой брак? - спросила женщина, вытаращив глаза еще шире, чем это делает в этот момент мой бледнолицый брат. - Кто? Как? Что? Кто собирается жениться?"

"О, я вижу, вы ничего не смыслите в этом деле", - ответили Лосиные Рога. - Да ведь юноша, которого жители Оттавы называют Ребенком Зайца, а лоси - Мальчиком со Свиным лицом из племени оттава, женился на дочери мудрого старика, который сродни Великому Лосю.

"Ого, и это причина шума?" - спросила женщина.

- Не совсем, - ответили Бродхорны. - Вы видите собравшихся вместе, но обычное число тех, кто следует за нашим великим вождем, выполняя его поручения и оказывая ему почести. Но пойдемте, вы должны пойти и расстелить одеяло дружбы перед великим человеком, которому поклоняются и повинуются все лоси, где бы они ни водились, а также жители долины".

С этими словами старый Лось, который казался авторитетным Лосем, обратился к толпе, приказывая им уступить дорогу женщине, которая пришла из лагеря их друзей, оттавов, навестить Великого Вождя. Тотчас же в толпе образовался проход, через который женщина и ее проводник попали в присутствие могущественного короля долины. Итак, взгляните на нее перед существом, о котором, как она слышала, ее соплеменники говорили утром, днем и ночью, но которого до сих пор никто в Оттаве никогда не видел. Она начала осуждать его гнев из-за ее вторжения в его владения, когда тоном, который должен был быть очень добрым, но который, тем не менее, был громче самых громких тонов *манза уаканче* [21], он заговорил и попросил ее сказать, "почему она пришла без приглашения на брачный пир мальчика со Свиным лицом". из рода Оттава".

Женщина, набравшись смелости от мягкого и обходительного поведения спрашивающего, ответила, что в течение длительного времени молодой человек, которого оттава называли Ребенком Зайца, но которого Лоси, как оказалось, знали под другим именем, бродил в начале ночи, часто отсутствуя по несколько дней подряд, и они не могли узнать, что с ним стало; и что любопытство побудило ее пойти по его следам с мыслью выяснить причину его отсутствия. Это было все, и вот она здесь.

Причина, которую она привела, казалось, удовлетворила Великого Вождя, который лишь слегка рассмеялся и сказал что—то о "любопытстве" — "дремлющая женщина" - "ласка спит". Затем, подозвав к себе старика, который помог ей пробраться сквозь толпу, он велел ему привести Свиное рыло и Маленькую Девочку к нему. Старик, отвесив очень низкий поклон по обычаю белых людей, который также является обычаем медведя, и "дитя Злого Духа", которые оба очень

воспитанны — особенно последний, если его не провоцировать, потому что он очень непослушный парень, — немедленно отправились на задание, оставив предприимчивую женщину из Оттавы в окружении всего народа Лосей. Разве мой брат не подозревает, что она начала сожалеть о том, что последовала за Свинопасом в долину с наступлением темноты?

Пока он отсутствовал, а это было недолго, Великий Вождь развлекался разговорами с женщиной. Он задал ей множество вопросов о ее народе и много хвалил их за исключительное мужество и доблесть, за их великую проницательность, за их хладнокровие и решимость переносить муки, причиняемые их врагами. Он говорил о мудрости своего народа и рассказал ей все о припадках, которым они были так подвержены, и о том, как они излечивали себя, натирая уши задними лапами до появления крови, и о том, что их копыта были лекарством от всех видов падучей болезни, за исключением тех, которые вызывались употреблением крепкой воды, приготовленной из женских языков и сердец воинов [22]. Он собирался рассказать длинные истории о войнах лосей с их заклятыми врагами, каркаджу, когда за пределами лагеря поднялся сильный шум, который помешал ему продолжить. Звук был похож на звук дюжины старых женщин, занятых тем, что ругают своих мужей за то, что им не везет на охоте. Вскоре пространство было расчищено, и то, что производило шум, появилось посреди него в виде могучего зайца, чей язык мелькал быстрее, чем крылья дикой утки, убегающей от птицелова. Благоговейный трепет, боязнь и дрожь охватили женщину из Оттавы, ибо она знала, что стоит в присутствии бога своего народа, Великого Мичабу. И это благоговение и страх не уменьшились, когда разгневанный бог громовым голосом обратился к Великому Лосю, спрашивая, почему он соблазнил сына, которого любил, жениться на дочери ничтожного Лося.

Великий Вождь, несмотря на свою кажущуюся храбрость, дрожал как осиновый лист, когда отвечал, что это не его рук дело.

"Теперь ты лжешь", - ответил бог. "Ты знаешь, что осмелился сделать это, потому что мудрый священник из Оттавы сказал тебе — не благодаря ему, — что от брака Свинопаса с девой-Лосем должно произойти существо, которое уничтожит отца своего отца и сделает Великого Вождя Лосей духом, который будет править вместо него".

Большой Лось, пойманный на лжи, продолжал молчать, как воин, крадущийся к своему спящему врагу, в то время как Большой Заяц продолжал:

"Я не могу помешать браку, ибо он совершен, а то, что сделано, не может быть отменено даже богом. Но я могу предотвратить последствия, которые, как ты надеялся, последуют. Я могу отнять у зверей, особенно у лосей, мудрость для изобретения хитростей для достижения их цели узурпации моей власти; и я могу отнять у них речь, которая еще больше испортит им забаву".

Повернувшись к женщине из Оттавы, он велел ей вытащить нитку из своего одеяния из сплетенной коры шелковицы, что она и сделала, и отдал ему. Затем, подойдя к Большому Лосю, он очень сердитым голосом приказал ему показать язык. Дрожащее чудовище повиновалось, показав язык, который на какое-то время обеспечил бы все племя оттава пищей. Затем бог проделал острым концом шипа отверстие в нижней части своего языка, на полпути между корнем и концом, и еще одно в коже на внутренней стороне челюсти, и, пропустив через эти отверстия нитку, полученную от женщины из Оттавы, он надежно привязал язык. Когда он сделал это, похлопав женщину из Оттавы по плечу, он велел ей сбегать, как хорошей женщине, какой бы она ни была, в ближайшую рощу и принести ему немного черных грибов, немного ягод

семянки, горсть листьев клена скво [23] и небольшое количество цветов шиповника. Она сделала, как ей было велено, принесла их и положила к его ногам. Он заставил их растереть, взбить вместе, смочить слюной Большого Лося и сформировать множество маленьких шариков величиной с глазные яблоки колибри [24]. Когда вся масса была превращена в шарики, он приказал всем замолчать. Когда в лагере стало так тихо, что стрекот кузнечика или жужжание пчелы можно было услышать от края до края, он крикнул громким голосом: —

"Правящие духи зверей, птиц и рыб, придите сюда! Главенствующий над всеми, кроме человека, населяющими землю, воздух и воду, услышите голос Мичабу и повинуйтесь ему".

Едва он закончил говорить, как воздух потемнел от крыльев Манитуса, спешащего к этому месту, и, несмотря на то, что поступь духов светлее тени, падающей на землю при заходе солнца, долина содрогнулась от тяжести копыт, которые давили на нее. Там были духи всех рыб в воде, и птиц в воздухе, и зверей, и четвероногих или еще более двуногих существ на земле или в ней, и какие-то очень странного вида существа там были (6). Каждому из этих духов, когда он предстал, Большой Заяц давал по одному из маленьких круглых шариков, приказывая ему проглотить его. Все с готовностью повиновались, за исключением Маниту из "Птиц-пересмешников" и Маниту из "странной птицы с крючковатым носом", которую на [25] люди научили кричать: "Будь прокляты индейцы". Последний откусил лишь небольшой кусочек от этого шарика, а первый, прожевав его, выплюнул все это с большим презрением. Вот причина, по которой эти двое до сих пор сохраняют часть своей речи — все остальные существа проглотили свои яйца и с тех пор никогда не говорили человеческими языками.

Большой Заяц, лишив зверей дара речи и отняв у них основную долю сообразительности, которой они собирались так нехорошо воспользоваться, повернулся к женщине из Оттавы и любезно предложил ей все маленькие шарики, которые у нее остались. Она взяла их и аккуратно завернула в уголок своего халата. Перед смертью, которая наступила только после того, как ее годы стали больше, чем у черепахи, она подозвала свою старшую дочь к своему ложу и отдала ей мячи, сказав, чтобы она передала их своей старшей дочери с такими указаниями, которые гарантировали бы их пребывание среди оттав до тех пор, пока будет расти трава и течь вода. Они передавались от дочери к дочери и от сына к сыну до настоящего времени. И чтобы мой брат не думал, что у меня раздвоенный язык, а говорил слова правды, я покажу ему маленькие яйца. Вот они, завернутые в кусок халата, который в то время носила женщина из Оттавы, которой их подарил Большой Заяц.

С этими словами рассказчик из Оттавы развернул кусок выделанной оленьей шкуры и достал оттуда несколько маленьких шариков, размером примерно с пилюли, которые продают аптекари, которые он отдал месье Вердые.

Примечания.

(1) *Озеро Большого бобра.*—с. 49.

У оттавов Великий Бобр является главным божеством после мичабу. Именно он образовал озеро Ниписсинг; и все пороги или течения, которые встречаются в реке Оттава, являются остатками дамбы, которую он построил, чтобы завершить свой замысел. Они также добавляют, что он умер в том же месте и что похоронен под горой, которую вы видите на северном берегу озера Ниписсинг. Было замечено, что эта гора, если смотреть с одной стороны, вполне естественно

представляет собой фигуру бобра, и это обстоятельство, без сомнения, послужило поводом для всех этих рассказов. Индейцы, однако, твердо утверждают, что именно Великий Бобр придал такую форму горе после того, как выбрал ее местом своего захоронения, и они никогда не проходят мимо нее, не оказав ему своего почтения, предложив ему дым своего табака.

(2) *Белый бобр.*—с. 49.

Путешественники утверждали, что существует разновидность бобра совершенно белого цвета. Я сильно сомневаюсь в этой истории. Если бы существовали белые бобры, они водились бы в полярных регионах, но это факт, что там они совсем черные. В странах с умеренным климатом их цвет коричневый, и по мере приближения к югу он становится все светлее и светлее, но нигде не становится белым.

(3) *Туши и Лисы воюют в компании.*—с. 55.

Каркаджу, или дикая кошка, является естественным врагом лося, который, кстати, стал почти таким же редким животным на западном континенте, как мастодонт или мамонт. Как только он поравняется с лосем, он прыгает на него и обвивается вокруг его шеи, обвивая ее своим длинным хвостом, а затем перерезает ему яремную вену. У лося нет иного способа избежать этого бедствия, кроме как броситься к воде в тот момент, когда его схватит этот опасный враг. Каркаджу, который не выносит воды, немедленно покидает свою хватку; но если вода окажется на слишком большом расстоянии, он убьет лося еще до того, как тот доберется до нее. Поскольку этот охотник не обладает способностью обоняния с наибольшей остротой, он берет с собой трех лисиц, которых посылает на поиски. Как только они учуют запах лося, двое из них становятся рядом с ним, а третий занимает пост позади него. Они управляют с этим делом с такой ловкостью, что заставляют его пойти к тому месту, где они оставили каркаджу, с которым впоследствии договариваются о разделе добычи. По крайней мере, так говорят индейцы.

(4) *Сделал их больше, чем просто парой.*—стр. 55.

Североамериканские индейцы - самый тщеславный народ на свете. "Невежественный, как белый человек", "глупый, как белый человек" - обычные выражения для них. Поскольку они ценят только физическое величие, их низкое мнение о нас проистекает из того, что они видят, насколько нам не хватает качеств, дающих этот вид превосходства. Они ценят, помимо любого другого приобретения, кажущуюся нечувствительность к боли — мы вздрагиваем, возможно, вскрикиваем, когда у нас ломит зуб; на войне мы становимся жертвами самой заурядной стратагемы, в то время как их никогда нельзя застать врасплох. Они видят, что превосходят нас в охоте - в выносливости к боли — в способности противостоять трудностям и опасностям дикой жизни — более того, во всех видах знаний, которые они считают ценными, - по своим стандартам они превосходят нас. "Ты почти так же умен, как индеец", "Ты глуп, как белый человек" - обычные выражения для них. Они считают, что созданы для самых благородных целей. Великий Дух создал их, чтобы они жили, охотились и готовили лекарства и талисманы, в которых, как им кажется, они преуспевают. Белые люди, с другой стороны, были обречены на тяжелую работу по изготовлению одежды, оружия и т. Д. для использования индейцами.

Пять народов называли себя *угве-хохугве*, то есть людьми, превосходящими всех остальных. Это мнение, которое они старались привить своим детям, придавало им ту отвагу, которая делала их такими ужасными для соседей и, более того, для далеких народов, поскольку их враждебные набеги простирались до Флориды.

Индийские врачи обладали большим мастерством в том, что касалось простых лекарств. Но в их обычае было заявлять, что они лечат болезни скорее с помощью фокусов и колдовства, чем теми средствами, которые были простыми и подручными. Если бы их можно было заставить смотреть на болезнь как на чисто естественную, чего они не могут, и лечить ее соответствующим образом, их *materia medica* обладала бы замечательной эффективностью в их руках. Они широко используют свои препараты для лечения ран, переломов, вывихов, вывихов и разрывов. Несомненно, что они владеют секретами и средствами, достойными восхищения. Сломанная кость немедленно вправляется и через восемь дней становится совершенно твердой. Один путешественник рассказал, что французский солдат, служивший в гарнизоне форта в Акадии, был поражен эпилепсией, и припадки стали почти ежедневными и чрезвычайно жестокими; индианка, случайно присутствовавшая при одном из его припадков, сделала ему два болюса измельченного корня, название которого она не раскрыла, и пожелала, чтобы ему дали один болюс при следующем припадке, предсказав определенные последствия и его полное излечение вторым болюсом, что действительно произошло, и с тех пор он наслаждался прекрасным состоянием здоровья.

В Акадии знахарей или врачей называли по имени, указанному в тексте, *Отмоин*; обычно этим достоинством удостаивался глава деревни. Церемонии и обычаи, соблюдаемые акадийскими жонглерами, являются общими для "профессии" всех индейских народов, поэтому я приведу рассказ о них из Шарлевуа.

Когда они посещали пациента, они сначала осматривали его в течение значительного времени, после чего дышали на него. Если это ничего не дало, "несомненно, - сказали они, - в нем сидит дьявол; однако он должен очень скоро выйти из него; но пусть каждый будет настороже, поскольку этот злой дух, если он сможет, со злобы нападет на кого-нибудь из присутствующих". Затем они впали в своего рода ярость, были потрясены агонией, громко кричали и угрожали мнимому демону; они разговаривали с ним, как будто видели его своими глазами, сделали несколько пассов, как будто хотели ударить его ножом, всем своим существом только для того, чтобы скрыть свое обман.

Войдя в хижину, они заботятся о том, чтобы воткнуть в землю кусок дерева, к которому крепится шнур. После этого они предъявляют зрителям конец веревки, приглашая их в то же время вытащить деревяшку, и поскольку это редко кому удается, они обязательно говорят ему, что это дьявол держит ее; затем, делая вид, что они собираются ударить этого мнимого дьявола, они мало-помалу ослабляют деревяшку, разгребая вокруг нее землю, после чего легко вытаскивают ее, при этом толпа кричит. К нижней части этого куса дерева была прикреплена маленькая косточка или что-то в этом роде, чего сначала не заметили, и знахари, показывая ее собравшимся, воскликнули: "Вот, - воскликнули они, - причина болезни; пришлось убить дьявола, чтобы добраться до нее".

Этот фарс продолжался три или четыре часа, после чего врач почувствовал, что нуждается в отдыхе и подкреплении. Он ушел, заверив их, что больной человек непременно выздоровеет, при условии, что болезнь еще не прогрессировала, то есть при условии, что дьявол перед своим отступлением не нанес ему смертельную рану. Дело было в том, чтобы узнать, есть у него это или нет. Отмоин притворился, что обнаружил это благодаря своим снам, но он старался никогда не говорить ясно, пока не увидит, какой оборот приняла болезнь. Поняв, что это неизлечимо, он

ушел; все точно так же, по его примеру, бросили больного. Если по истечении трех дней он был все еще жив, "Дьявол, - сказал он, - не позволит ему ни вылечиться, ни умереть; вы должны из милосердия положить конец его дням". Тотчас же лучший друг пациента принес холодную воду и лил ее ему на лицо, пока он не испустил дух.

В примечании, том i, страницы 141, 142, приводится описание церемоний, практикуемых делавэрскими жонглерами.

(6) *Духи зверей.*—с. 66.

У каждого вида есть свой руководящий гений, и к нему индейцы часто обращаются со своими молитвами. Некоторые из них высоко ценятся, некоторые - мало. Гений бобров пользуется большим уважением. Прежде они придерживались мнения, что бобры наделены разумом и имеют собственное правительство, законы и язык; что у них есть офицеры, которые назначают каждому его задачу и выставляют часовых, чтобы поднимать тревогу при приближении врага и наказывать ленивых. В одном томе едва хватило бы места, чтобы рассказать об их традициях, связанных с этим животным.

Медведь также является почитаемым животным - однако считается, что видеть во сне медведя не так благоприятно, как бобра. Прежде чем отправиться в экспедицию на его поиски, необходимо поститься, чтобы побудить его гения-хранителя выяснить, где можно найти наибольшее их количество. Они также во время этих постов призывают духов медведей, которых они убили на своей прежней охоте. Шкуры медведей обычно надевают жонглеры, выполняя свои подвиги притворного колдовства, а их зубы и т. Д. Считаются мощными амулетами или оберегами.

Они при любых обстоятельствах стараются умиловить духов животных, будучи убеждены, что у каждого вида животных есть гений, который следит за их сохранением. Однажды француз выбросил мышь, которую он только что поймал, и маленькая девочка взяла ее, чтобы съесть; отец ребенка, заметивший это, выхватил ее у нее и принялся ласкать мертвое животное. Француз спросил его о причине этого. "Это, - ответил он, - для того, чтобы умиловить духа-хранителя мышей, чтобы они не мучили мою девочку после того, как она ее съест". После чего он вернул животное девочке, которая его съела.

К Маккензи пришел индеец с просьбой снабдить его средством, которое можно было бы применять для лечения суставов его ног и бедер, от которых он в значительной степени отвык на пять зим. Это несчастье он приписал своей жестокости примерно в то время, когда, обнаружив волчицу с двумя детенышами в старой бобровой хижине, он поджег ее и съел их. —*Дневник путешествия Маккензи и с. 4то. Лондон, 1801 год.*

ДОЧЕРИ СОЛНЦА.

В южной части земель, которые когда-то занимали крики, уокуллы и другие индейские племена, раскинулось болото уакуафеноган. С одной стороны от него протекает река Флинт, с другой - Окмалджи. Это болото очень обширно, настолько, что требуется несколько лун, чтобы обойти его. В сезон дождей, когда с южного неба на землю обрушиваются обильные дожди, вся поверхность этого болота кажется огромным озером. Тут и там оно перемежается большими

островами и холмами богатой земли, один из которых, самый большой остров, расположенный в центре озера, нынешнее поколение Криков представляет как самое блаженное место на земле. Они также называют этот маленький остров Уакапхеноган и передают следующую традицию его открытия, которую я повторю своему брату.

Давным-давно, много веков назад, в племени Ручьев жили четверо молодых охотников, и эти четверо молодых охотников прекрасным летним утром взяли свои охотничьи копья, луки и стрелы и отправились в лес. Охотничьи угодья, к которым они направлялись, лежали на окраине этого болота. В то время был сухой сезон года, и поверхность озера снова превратилась в трясину. Четверо охотников, обнаружив узкую и извилистую тропинку, ведущую через пустошь с возвышенностей над болотом, решили, чтобы убедиться, что на ней не водится никакой дичи, пройти по этой тропинке небольшое расстояние, но ни в коем случае не заходить так далеко, чтобы потерять из виду маяки, которые должны были направить их стопы обратно в их деревню. Они знали, что очень много охотников пропало на этом болоте, что многие выжили, чтобы рассказать историю своего замешательства, и многие, кто так и не вернулся с охоты, можно было только предположить, что они поддались искушению забрести в роковую трясину и погибли в ее лабиринтах. Таким образом, вооруженные знанием того, что случилось со многими и, как предполагалось, должно было случиться еще с большим количеством, охотники отправились по узкой и извилистой тропинке, которая вела к острову Уакуафеноган в одноименном озере.

Четверо охотников отошли недалеко, когда один из них спросил другого: "Где те холмы, которые сверкают в лучах утреннего солнца, за хижинами наших отцов?" Другой ответил: "Я их не вижу и не знаю, в каком направлении их следует искать. Глубокие туманы застилают землю и скрывают солнце от наших глаз; отсутствуют знаки, которые могли бы направить наши стопы по пути нашего возвращения; ибо мох растет одинаково со всех сторон дерева; воды лежат мертвыми, спящими и застойными, так что никто не может почерпнуть из их потока информацию о своем пути; не тот час дня, когда Звезда Охотника засияет в глазах нашего судьи; ни один ветер не шевелится, чтобы сообщить нам, идет ли он с цветущей земли Юга или с холодных холмов Севера — как же тогда я могу помочь своему сердцу? сбитые с толку братья, кто я такой сбитый с толку? Я не вижу, откуда мы пришли, я не знаю, где мы находимся; Я знаю только одно — что мы вступили на узкую и извилистую тропинку в озере Уакуафеноган и заблудились, как и многие из нашего народа раньше, в запутанных лабиринтах, рисковать которыми равносильно смерти". Так заключил молодой охотник.

Четверо сбитых с толку охотников все еще продолжали свои попытки вернуться на прежний путь, но безуспешно. Еще более темными и унылыми становились эти лабиринты — более влажной и топкой становилась трясина. Наступила ночь, но она не принесла звезд, которые позволили бы им найти дорогу обратно к своим жилищам, не было ни южного, ни северного ветра, который направлял бы их шаги — вода все еще стояла, и по бокам дерева все еще рос мох. Ни одна птица не пролетела мимо, чтобы направить свой полет к месту своего гнездования или к гнезду своей возлюбленной на сухих холмах за пустошью, — вдалеке не было слышно жалоб животных, которые не любят воду или сырую землю. Они знали не лучше, чем дитя последней луны, путь, который должен был привести их обратно в безопасное место.

Пока они блуждали по болотным лабиринтам, один сказал другому: "Я слышу звуки голосов". Прислушавшись, они вскоре смогли различить звуки музыки и веселья, доносившиеся с

поляны на небольшом расстоянии, в направлении маленькой тропинки, по которой они шли. Следуя по этой тропинке, они вскоре вышли к небольшому холмику на высокой и плодородной земле. Ничто не могло быть прекраснее, чем вид этого маленького местечка. Тут и там виднелись купы деревьев, покрытых плодами на всех стадиях их роста, и цветы наполняли воздух своим ароматом. Земля была покрыта одеянием цветов; птицы пели на ветвях и прыгали по сучьям, наполняя воздух сладкой мелодией, и маленькие ручейки журчали вдали по пологим склонам. С одной стороны холма раскинулось чистое озеро, в котором резвились лебеди, белые, как лилии, и красноголовые, и зеленокрылые утки, и множество других красивых пернатых созданий. Но самые красивые предметы еще предстоит раскрасить. Это были четыре высокие и стройные девушки, прекрасные, как покрытые цветами деревья и увенчанные цветами холмы их собственного острова, и сладостные, как дыхание лимонного дерева. Их глаза сияли так же ярко, как лучи утреннего солнца; яркие локоны необычайной красоты обрамляли их прекрасные брови; а их одежды были сотканы из множества цветов, сверкающих, как радуга. Их груди вздымались, как волны на маленьком озере, когда его лишь слегка колышет весенний ветерок. Их походка — что может сравниться с ней? Птица, парящая над полями; ветерок, слегка шевелящий кусты; антилопа, перепрыгивающая через горный утес; олень, слегка встревоженный криком охотника. Прекрасные создания! Великий Дух никогда ничего не создавал, даже деревьев, ни весенних цветов, ни поля со спелыми зернами, ни солнца, сестрами которого были эти четыре девушки, какими бы прекрасными они ни были.

Они пришли — эти четыре прекрасные девушки — к четверем сбитым с толку путникам, к которым они обратились таким образом, и их голос был слаще музыки певчего воробья — "Кто вы?" Охотники ответили, что они были людьми племени Ручьев, которые отважились забрести в болото Уакуафеноган и заблудились в его запутанных лабиринтах. Они сказали, что два дня были без еды; они ослабели и устали и требовали подкрепления, такого, которое они дали бы, если бы голодный путник подошел к их двери и сказал: "Еды у меня нет, дай мне, или я упаду в обморок". Прекрасные девушки ответили, что мужчины их народа, давным-давно загнанные с большим кровопролитием в неприступные крепости острова Уакуафеноган, на одноименном озере, предками нынешнего поколения Криков, так глубоко сохранили в своей груди память о своих обидах, что они были уверены, что подвергнут им самым мучительным пыткам и заставят их умереть огненной смертью. Такова, по их словам, была бы судьба четырех сбитых с толку охотников, если бы их отцы или братья обнаружили их сейчас. Они горячо умоляли их бежать; но сначала, с той нежностью и состраданием, которые присущи женщинам, когда они видят другой пол в беде, они принесли из маленькой хижины, стоявшей неподалеку, увитой прекрасными виноградными лозами в цвету, обилие провизии, помимо апельсинов, фиников и других фруктов, сладких, спелых и соблазнительных, как они сами. Они разложили их на усыпанной цветами земле и пригласили четырех охотников отведать. Усадив каждого рядом с девушкой по его выбору, они вкусили угощение, приготовленное прекрасными руками дочерей солнца, упиваясь любовной страстью из их больших и блестящих глаз. Не только мягкий язык взглядов был средством выражения мыслей; слова языка обменивались такими же сладкими, как и слова глаз. Доведенные, наконец, до исступления страсти и ободренные тающими взглядами девушек с голубиными глазами, юные охотницы умоляли их благословить их своей любовью — стать женами их сердца. Едва слышно покачали головой, едва слышно выдохнули "Нет" и кротко опустили на голубые цветы у своих ног мягкие и нежные глаза, которые не могли бы поднять их и сохранить свою тайну. Наконец, одна из девушек, старшая сестра — ибо они были сестрами — начала так:

"Юные и любезные незнакомцы, нам подобает сказать вам, кто мы такие, чтобы вы могли подумать, отважитесь ли вы на опасность, которая будет сопутствовать союзу одного из представителей нашей расы с одним из ваших. Мы рождены от матерей и являемся детьми отцов, которыми управляет влияние солнца, подобно тому, как приливы и отливы повинуются приказам своей госпожи луны, а звезды совершают свой круг служения в небе по приказу Владыки всего сущего. Наш характер — характер нашей расы - столь же изменчив, как и ветры, на которые воздействует наш великий отец. Временами вы видите его пламенным — как и мы сами — с ним происходит перемена, его лучи становятся мягкими, излучая добродушное тепло и радость; наши, как и его, тоже смягчаются, и, хотя они не могут обладать его силой, все же они созданы по его образцу, и мы в наши добрые моменты даруем все возможное счастье тем, кого любим. В те моменты, если бы было возможно наполнить всю землю любовью, заставить куст, дерево, цветок, человека, зверя, птицу говорить языком нежной страсти, а холмы, долины, горки и долинки вторить ей, мы бы сделали это. Мы снова меняемся; и тот, кто заметил быстрое затемнение солнца в Месяц Почек, может оценить переменчивость нашего характера. Тогда слезы льются из наших глаз потоками, как ливень из облака, и так же быстро, как туман рассеивается ярким утренним лучом, улыбки вновь озаряют наши лица, и наши лица и сердца наполняются радостью. Буря и ясная погода, тьма и солнечный свет странно сочетаются в нас. В нашей природе странным образом сочетаются элементы бытия. Можете ли вы прижать к своей груди жен, которые будут поражать вас такими же великими, внезапными, разнообразными переменами, как перемены окружающих вас стихий? Вам приятно считать нас красивыми, и, возможно, так оно и есть; но помните, что вы видите нас в один из наших приятных и счастливых моментов. Ждите, пока произойдет несчастный случай или напасть, пока придет нужда или бедствие, или возникнет противоречие, или на нас обрушатся какие-нибудь невзгоды, которые присущи человеческой жизни, как тучи и бури природе. Но, если вы думаете, что ваша любовь сможет пережить ураганы, которые обрушатся на ваши жилища, когда у нас шторм; если вы сможете вынести, как молнии наших глаз гневно сверкают на вас, а наши голоса громом отдаются в ваших ушах — я говорю за себя и сестер, — возьмите нас, и мы обеспечим вам много мгновений яркого солнечного света, много дней мира и счастья — непрерывного солнца и безоблачного неба ". Прекрасная дочь солнца, которая говорила за себя и своих сестер, закончила так, и старший из четырех охотников поднялся и ответил такими словами:

"Прекрасная девушка, которая говорит за себя и сестер, не думай, что то, что ты сказала, испугает нас. Я говорю за себя и за братьев — мы примем вас со всеми вашими недостатками, с вероятностью ураганов и штормовой погоды, связанных с надеждой на моменты яркого солнечного света и дни мира и счастья. Поверьте мне, голубоглазые девы, что женщины озера Уакуафеноган, что на одноименном острове, не одиноки в своей склонности временами бушевать. Нет нужды объяснять мужчинам племени Крик, что лицо женщины, какой бы страны она ни была, справедливо можно сравнить с апрельским днем, попеременно сияющим и дождливым, и что ее душа подобна утру при Изменчивой Луне, которая в один момент может быть одета в плотную мантию облаков, а в следующий - в сверкающее одеяние солнечного сияния. Нет нужды говорить сыну моей матери, что женский голос иногда подобен нежному ручейку, а иногда - облаку, наполненному ядом нагретого и разреженного воздуха. Разве Крики не люди, и должны ли они испугаться того, что является всего лишь минутным бредом? Нет. Посмотрев на зимнюю бурю и летнюю непогоду и увидев яркие звезды, сменяющие одну, и теплое и ободряющее солнце — другую, мы можем спокойно — даже с удовольствием - слушать

бурю женского гнева и наблюдать, не дрожа, не прячась и не убегая, за молниями ее гнева, потому что мы знаем, что после бури наступает затишье. Мы знаем, что солнце сияет ярче всего, когда его лучи впервые раскрываются из-за того, что тучи, скрывавшие его, рассеиваются; мы знаем, что лицо женщины прекраснее всего, когда она вытирает слезы гнева со своих щек и одевает его улыбкой, чтобы вернуть любовь, которой ее безумие поставило под угрозу. Мы возьмем вас, прекрасные создания, подверженные подобающим страстям, о которых вы говорите, наполненные всем прекрасным неистовством женского темперамента. Мы знаем, что все женщины, независимо от того, живут ли они среди Ручьев или на острове Уакуафеноган, на одноименном озере, одинаковы по своему характеру. Прекрасные создания, в нашей стране и среди всех народов, о которых, как мы слышали, говорили наши отцы, издавна учили, что мужчины должны брать себе жен, но только сейчас мы вспомнили эту максиму, только сейчас мы признаем мудрость наших учителей. Итак, если бы люди выбирали только тех, чей характер никогда не менялся, один, два, может быть, три из всех сынов человеческих взяли бы жен; если бы кто-то искал девушку с незамутненным челом и душой, то изготовление мокасин для ног того, кто путешествует в поисках невесты, могло бы стать трудом целой нации. Поэтому мы принимаем вас со всеми вашими недостатками, полагая, что они у вас есть, но общие для всего вашего пола, и не в большей степени, чем у других. И мы возлагаем на ваши прекрасные чела цветы, символизирующие привязанность и постоянство, и мы вкладываем в ваши мягкие и прекрасные руки символы заботы, которую мы возлагаем на них, когда делаем вас женами наших сердец".

Так эти четыре прекрасные дочери солнца стали обрученными невестами четырех сбитых с толку крикских охотников.

"Но, - сказали прекрасные девушки своим возлюбленным, - мы рассказали вам о жестокости наших отцов и братьев и о ненависти нашего народа к потомкам людей, которые свергли и вырезали наших предков. Мы не можем подвергать вас опасности их гнева; вы должны бежать, но, что бы это ни было, мы полетим с вами". Так четыре прекрасные дочери солнца навсегда покинули остров Уакуафеноган и одноименное озеро и стали женами и матерями охотников и воинов. Временами они были очень вспыльчивы, но в целом не хуже других женщин. Иногда их лица напоминали апрельские дни, попеременно сияющие и осыпающиеся дождем, но в нашей стране были женщины, которые совсем не были похожи на солнце и никогда не видели Уакуафеногана, которые были так похожи на них, как если бы они были сестрами. Их глаза, действительно, иногда метали залпы молний, а их языки издавали тяжелые раскаты грома, но ни один из них не был ни громче, ни пронзительнее, чем у женщин, которые на протяжении веков дарили луч одного и музыку другого мужчинам Криков. И если они иногда называли своих мужей "скот", то не больше, чем других мужей называли раньше. И если они действительно в момент урагана отогнали своих мужей от очага, то они ни в коем случае не были первыми, кто это сделал. В целом, у четырех охотников не было особых причин сожалеть о своем замешательстве на болоте Уакуафеноган.

ДЕВУШКА И ПТИЦА.

Это не может быть чем-то новым для моего бледнолицего брата, ибо ему достаточно часто говорили, что, помимо Великого Повелителя Жизни, краснокожие люди леса поклоняются

великому множеству духов, которыми, по их мнению, населены все части света. Согласно нашей вере, Маниту обитает на каждом холме и в каждой долине; на каждой открытой поляне и темном болоте; в камерах каждой пещеры и в сердце каждой скалы; в каждом источнике, в водной глубине и бегущем ручье. Эти духи очень не любят белых людей, потому что они всегда вторгаются в их покой, лишая холмы и долины их величественных деревьев, разрывая недра земли, проникая в каждое темное болото и пещеру и загрязняя, тем или иным способом, каждый источник, и водную глубину, и бегущий ручей. Индейцы не хотят провоцировать их и поэтому пытаются умиловить их невинными и бескровными подношениями. Мы расстилаем на горных вершинах, или развешиваем на утесах, или раскладываем на полках пещер, или бросаем в воду венки из цветов, пояса вампума, гроздья дикого винограда, блестящие початки кукурузы и другие дары, которые привязывают их к нам. Когда рождается индийский ребенок, будь то ребенок мужского пола или ребенок женского пола, немедленно выбирается дух для его защиты, и ожидается, что его будущая жизнь будет благополучной или нет, поскольку дух-хранитель силен и благосклонен к своему подопечному, или слаб, и выполняет свою задачу по защите с неохотой.

Маленький Белый медведь ирокезов отдыхал ночью в своей хижине на берегу своей собственной чудесной реки, в месяц спелых ягод, когда он увидел при свете луны, как лесной вождь во всей своей гордости входит в хижину. Шаги незнакомца были бесшумны, как падающий снег, и ни слова, ни звука не произнес он сам. Вождь тускарора встал, снял свой жилистый лук и вытащил из колчана острую стрелу с зазубринами — фигура растаяла, как утренний туман под лучами солнца, и скрылась из его глаз. Тетонтуага разбудил своих товарищей, которые лежали, разбросанные по комнате, в беспечном сне - они ничего не видели, не слышали и им ничего не снилось. Он снова лег и, плотнее закутавшись в бизонью шкуру, попытался закрыть глаза и уши, забыв обо всем на свете, и обуздать свое воображение, чтобы видеть другие формы, кроме воздушных.

Как только он успокоил свое тело и призвал благодетельного духа, управляющего сном, даровать ему сон, не нарушаемый отвратительными или хмурыми фигурами, призракный воин снова поднялся и встал рядом с ним. Теперь у ирокезов была полная возможность рассмотреть его фигуру и черты лица. Он казался гигантского телосложения, а его одежда была такой фактуры и фасона, каких вождь никогда прежде не видел, — о возрасте и нации которого никто не мог догадаться. Он был наполовину выше самого высокого человека Пяти народов, которые считаются самыми высокими из всех краснокожих людей страны, а его конечности были вдвое больше обычных размеров ирокезского воина. Его угольно-черные глаза были больше, чем у буйвола, но они были тусклыми, как у мертвеца; его зубы, крупные и цвета костей, выбеленных солнцем и дождем, стучали, как зубы человека, измученного холодом Медвежьей Луны. На плечах у него было длинное одеяние из причудливо раскрашенной ткани, скрепленное у горла куском блестящего металла, и меховая шапка из шкуры животного, никогда не виданного ирокезами, над которой высоко поднимался плюмаж из перьев птицы, неизвестной в индейских землях. Мокасины были из цельного куска, доходили без видимого шва до колен, а на жилистых бедрах он носил одежду, по форме напоминающую ту, что носил белый незнакомец. Его язык, когда он заговорил, был странным и грубым, но ирокезский воин понял его, и он почувствовал, как, услышав странный звук, его значение овладевает его мозгом, как сильный человек овладевает и связывает слабого и бессильного. Удивительными были те вещи, которые свирепый призрак рассказал испуганному ирокезскому воину. Он говорил о войнах Аллегви, и о потоках крови, которые хлынули в Мичиган, и Эри, и Гурон, и Горную реку [26], и о Немеси Сипу,

обесцветивших свои некогда чистые и покрытые красной пеной некогда спокойные и миролюбивые воды. Он рассказал, как люди аллеви были избиты и изгнаны - никто, кроме Великого Существа, Маниту и духов в Благословенных Тенях, не знал, куда, - предками ирокезов, пришедшими с далекого севера, через рукав Замерзшего моря, встретили аллеви, первобытных обитателей земли, которые окопались за огромными курганами, которые все еще сохранились, и отправили их в вечное изгнание. Он описал пигмеев и племена великанов, чьи могилы и курганы еще можно увидеть, что вызвало удивление любопытных и привело людей даже из Города Скал [27] посмотреть на них, открыть их и запечатлеть свои мысли о них на светлой белой коже [28]. Дикая и неестественная триумфальная песнь, хриплая, как карканье ворона или выпи, сорвалась с его губ, повествуя о доблестных подвигах его племени, о том, что и он сам был среди них, в давние времена, когда дуб, ныне умирающий от старости, был маленьким ребенком, а огромные скалы были по силам взрослому воину. Он говорил о народах, названия которых до тех пор никогда не достигали ушей изумленных ирокезов, и рассказывал об их любви и ненависти, об их лесных войнах.

Затем он сменил тему и заговорил о стране душ, светлой области, куда удаляются духи добра, когда тело должно превратиться в прах. Он описал удовольствия, которые являются уделом его обитателей, и сообщил в уши воина, какие описания людей было разрешено принимать в нем; каковы были деяния, которые понравились и умиротворили Великое Существо, и какие преступления закрыли врата Моста Душ перед странником, находящимся там. Он подробно описал счастливую землю, предназначенную для обители душ ирокезов, где тень храбреца все еще преследует лесное стадо или прижимает к груди фигуры солнечноглазых дев его родного края; и зеленые и счастливые острова, где живут влюбленные гуроны, и замерзшую и лишенную зелени пустошь, предназначенную для трусов всей земли. Исчерпав эти темы, он рассказал воину множество преданий старины, сказок о любви к лесу и о доблести людей древних времен. Он продолжал посещать вигвам вождя каждую ночь в течение луны, развлекая его с тем же неподвижным и тусклым взглядом и тем же хриплым голосом этими старыми историями. Маленький Белый Медведь ирокезов запер все это в великом хранилище своей памяти, и каждый день, когда солнце возвращалось на землю, а вместе с ним уходил призрак древнего человека, он рассказывал своему удивленному племени предания, которые ему на ухо нашептывал призракный воин. И это было первым.

Луна ярко сияла на деревьях и цветах, на полянах и реках, на земле и воде; звезды мерцали, а ветры спали в пещерах земли, когда юноша и девушка — он, высокий и прямой, как лесное дерево; свирепый, как пантера, по отношению к своим врагам, но нежный, как ребенок, по отношению к тем, кого любил; она, маленького роста, как росток одного сезона, но самое кроткое и прекрасное из всех смертных созданий - вышли из леса. Конь, на спине которого они спасались от врагов, лежал обессиленный на опушке леса, и теперь они стояли одни у серебряной реки.

"Здесь покойся, моя возлюбленная, - сказал юноша, - мы в безопасности. Наш добрый конь стрелой промчался сквозь чащу; наши преследователи, мой соперник, твой отец, твой брат и все твоё племя, разбитые и падающие в обморок, остались далеко позади нас. Ветер больше не доносит ни шагов, ни криков; голоса разгневанных людей, называющих алгонкинов именами, которых у них никогда не было и за чье бесчестие он не может отомстить, давно затихли в наших

ушах, как голос умирающего облака на Луне Грома. Покойся с миром, мой возлюбленный!—как молодая птичка, уставшая летать, отдыхает на ветке дерева, пока не пройдет ее слабость, так и ты должен лежать на зеленом берегу, пока к тебе не вернутся силы. Я иду вон к той реке искать барку, которая отвезет нас в земли моего народа, в мою милую хижину у ручья, где я впервые перевел дух. И он поднялся, чтобы уйти.

"О, не оставляй меня!" - воскликнула девушка, ее нежные щеки были покрыты слезами, а глубокие вздохи вырывались из ее подавленного сердца. "Когда ты далеко, я дрожу от ужаса. Когда я не вижу света в твоих глазах, я полон смятения. Моя мать приходит в гнев, чтобы отчитать меня, и она не щадит меня; мой суровый брат бушует, как зимняя буря; мой отец бушует и угрожает; а затем, подобно пантере, которая встает на пути одинокого охотника, появляется твой ненавистный соперник, чтобы угнетать меня рассказами о своей любви и хвастовством своими успехами".

"Нет, ты грезишь, моя возлюбленная", - сказал молодой воин. "Если фантазия должна овладеть тобой, пусть твои видения будут окрашены веселым лучом надежды. Рядом с тобой нет опасности, и скоро я увезу мою прекрасную невесту в земли моего народа, в мою уютную хижину на берегу прекрасной реки, где я впервые перевел дух".

С этими словами он легко спрыгнул на берег и скрылся из виду. В момент его исчезновения облако закрыло лик яркой луны, заслонив ее благословенный свет. Девушка, сочтя это дурным предзнаменованием, села на зеленый берег и, подперев голову рукой, позволила слезам течь сквозь ее тонкие пальцы. Но тщетным было предзнаменование — напрасными были ее страхи. Облако исчезло с лица бледного шара, и вот! вот ее возлюбленный. Он идет радостной походкой и смеющимися глазами, как будто добился успеха в своих поисках дальнейшего пути к бегству. Не унывай, Мекайя [29]; это действительно твой Moscharr [30].

"Теперь поспеши, мой возлюбленный", - сказала Горное Растение. "Я нашел объект своих поисков. Вот каноэ, и скоро оно перенесет мой Звездный цветок по быстрому приливу. Скоро мой маленький барк понесется над шумным течением, и я и моя возлюбленная окажемся совершенно вне власти наших преследователей".

С этими словами он быстро увлек непокорную девушку вперед. Они добрались до берега, сели в каноэ и пустили его по течению. Держа ее за руку, мягко положив голову ему на плечо, в то время как его рука нежно обнимала ее тонкую талию, они заскользили вниз по быстрой Горной реке. Не было поднято ни одного паруса, чтобы поймать ветер; не использовалось ни одно весло, чтобы вести их по воде; и все же, прежде чем девушка успела вздохнуть, легкое каноэ заскользило, быстрое, как мысль, по середине течения. Затем девушка заговорила.

- А теперь скажи, о Мошарр, куда ты ведешь лодку? Разве ты не заметила, любимая, как мы плывем вниз по течению к ужасному Ониягараху?

"Успокойся, моя Мекайя, - ответил возлюбленный, - я всего лишь веду тебя вон к тому берегу, где течение становится полным и сильным. Успокойся, моя Мекайя, мы в безопасности.

Девушка придержала язык, ибо разве она не была с тем, кого любила? И вот они уходили все дальше и дальше, в то время как пенящиеся воды обтекали их все быстрее, и мимолетнее, и неистовее, и с каждым мгновением ужасный водопад казался все менее далеким. Его рев был

подобенгрохоту приближающейся тучи, из которой раздаются раскаты грома. И снова робкая девушка обратилась к своему возлюбленному:

Теперь скажи мне, о Мошарр, куда ты направляешь лодку? Смотри, берег дальше, и слушай! что это за ужасный шум, который доносится до моего слуха из-за черной завесы впереди нас? Это не могут быть раскаты грома, потому что нет облаков; это не может быть голос Великого Духа, потому что он друг девушки из Оттавы".

"Успокойся, моя Мекайя, - ответил влюбленный, - опасности нет; это твой возлюбленный направляет кору, и он будет осторожен с цветком лесных дев. Я вижу берег — я вижу скалу — и, когда захочу, могу направить и к тому, и к другому".

Тогда вдали разносится их легкий лай, а они все несутся вперед со скоростью стрелы, выпущенной из хорошо натянутого лука. Высокие темные леса, возвышавшиеся над местом их старта, быстро исчезают из виду, и слушайте! раскаты подобны грому небесному, реву могучего водопада, попадание под влияние которого приводит к мгновенному разрушению.

- А теперь скажи мне, о Мошарр, что это за ужасный звук, который так громко и сердито врывается в мое ухо из-за черного занавеса? - потребовала девушка.

"Это волна разбивается о песчаный берег или ночные ветры носятся по лесу", - ответил он.

- А скажи мне, что это за люди, которые поднимают перед нами свои белые головы, когда снег, выпавший в безветрие, уносится вихрем, который следует за ним?

"Волны разбиваются о мели, окружающие вон тот маленький остров".

Тогда прочь, прочь уносится их маленькая посудина, мчась среди диких волн, подобно листу, подхваченному летним вихрем в воздух, пока все они вдруг не обрушатся на охваченную ужасом девушку в своем самом огромном и устрашающем облике - воды широко известного, чудесного Онагараха. Посмотрите на белое полотнище пены, которое поднимается в брызгах, насмехаясь над парением утренней птицы. "Только Великий Дух может спасти нас сейчас!" - воскликнула обезумевшая девушка. "Смотри, мой Мошарр, мы спешим в страну душ!"

"Сам Великий Дух, если бы захотел, не смог бы спасти нас", - ответил влюбленный тоном, который казался нечестивым. "Будь он здесь сам, со всеми Обитателями земли, и воздуха, и потопа, и огня, собранными вместе с гор, и долин, и лесов, и прерий, он не смог бы спасти нас. Вместе, Мекайя, мы будем спать в бурном водопаде.

Девушка молча выслушала ужасные слова. Но даже тогда она показала глубину своей привязанности. Любовь женщины претерпевает все перемены; она не сжимается при смерти, поэтому любимый человек всегда рядом с ней. Когда прекрасный лесной цветок увидела, что ее судьба приближается, и так близко, она упала в объятия своего Мошарра, как будто умереть там было приятнее, чем где-либо еще; и мягкая улыбка, ибо она улыбалась даже в этот ужасный момент, сказала, что она была бы счастлива умереть, если бы могла умереть на груди того, кого любила.

Но послушай, что это за голос взывает к тебе, несчастная девушка! Разве тот, кто покорило твое юное сердце, когда оно было еще маленьким и трепещущим, не произносил так любимое слово "Мекайя"? Разве не *это* был тот тон и акцент, которые часто раздавались в дуплистых буковых

лесах, когда вы вместе шли собирать созревшую мачту и случайно расходились, пока крик не отозвался? И смотри—смотри, кто-то стоит на нависающей скале над тобой, среди грохота водоворота, в который ты брошен, его руки простерты к тебе, прекрасному цветку дикой природы, и его взгляд полон невыразимой муки и отчаяния. Это Мошарр, прекрасная Мекайя, это он сидел рядом с тобой в игривые часы младенчества и покори твое маленькое сердечко еще до того, как оно осознало, зачем бьется. Со скоростью взрыва он последовал за тобой вниз по берегу водопада, и теперь он стоит на краю ужасной пропасти, на его лице написан ужас, его глаза устремлены вверх в мольбе к Великому Духу, чтобы ты еще мог быть сохранен, и на его лице написаны агония и сомнение, чтобы молитва, которую он произносит, не была услышана. И если это твой возлюбленный, который отчаянно зовет к тебе со скалы жуков, то кто же тот, кто сидит рядом с тобой, принимая форму и подобие этого возлюбленного и говоря мягким и добрым тоном, который всегда был у него, когда он обращался к цветку лесных дев? Увы! роза пустыни, это правящий дух разгневанного потопа, ужасный Маниту Водопада!

Один полный слез взгляд, который девушка бросает на своего измученного возлюбленного, прежде чем каное скользит над пропастью и, стремительное, как камни, сброшенные весенними дождями со склона гор, исчезает в ужасной пропасти внизу. Один полный слез взгляд, один душераздирающий вопль, который перекрывает даже рев водопада, когда каное погружается в пену, и она исчезает из его глаз, как перышко, подхваченное крыльями сильного ветра.

Что это за прекрасная маленькая птичка, которая спускается вон с того серебристого облака, парящего так высоко в небесах, что только стервятник может отважиться долететь туда или серый орел устремиться к ней в своей гордыне? Прекрасное создание! прекрасная птица(1)! не такой большой, как ласточка, с ярко-зеленой шеей, алыми крыльями с белыми крапинками и шлейфом, втрое длиннее тела, в котором смешаны все цвета радуги. Оно дошло до того места, где влюбленная, обезумевшая от ужасной катастрофы, стояла, скорбя, как мать, потерявшая своих детей, и, трижды обойдя вокруг его головы, привлекала его внимание всеми доступными смертным средствами, за исключением речи. Влюбленный наконец видит прекрасное создание и знает, *чей* это посланец. Но почему вестник надежды приходит к нему в час отчаяния? Может ли Великий Дух, каким бы всемогущим он ни был, помочь ему? Может ли его еще ждать радость? Так и должно быть, иначе зачем он ниспослал своего собственного посланника с неба? Это Существо слишком доброе, чтобы питать ложные надежды; не в его натуре выражать намерение помочь, если только он на самом деле не питает такого намерения. Утешься, Горное растение, у тебя есть друг!

И вот началось их трудное путешествие вниз по склону водопада. Птица-дух вела, а осиротевший возлюбленный следовал за ней. Паря на радостных крыльях, маленький вестник порхал перед ним, распевая сладкие песни обещания, пока они не спустились в ужасающую бездну, и ее тайны не раскрылись перед ними. Потрясающее зрелище! потрясающий звук! Их глазам предстал ужас при виде волн, вздымающихся до самых небес, — огромных масс воды, низвергающихся с ужасающей пропасти в обширную впадину, которая казалась достаточно большой, чтобы быть могилой гигантского Чаппеви; и их уши были встречены звуками, громкость и неистовство которых в тысячу раз превосходили звуки бури, раскатов грома или землетрясения. Они нащупывали свой отчаянный путь дальше, за пределы самого страшного

падения, пока вдруг оказались в ужасной пещере, окутанной глубочайшей ночью и мраком. Несмотря на водоворот и стремительный порыв ветра, и хотя земля качалась вокруг них, как каноэ на бурных волнах залива Духов озера Гурон (2), все же храбрый и терпеливый Мошарр, неумолимый и бесстрашный, следил за полетом своего маленького проводника через перевалы и ловушки, по течению и кручам. Держа в поле зрения лампу, которую несла птица-дух, он не обращал внимания на огромные камни, обрушивающиеся над его головой и каждое мгновение угрожающие ему мгновенной гибелью, но продолжал свой опасный путь, пока они не преодолели лабиринт и не оказались в пещере, столь же непохожей на первую, как спокойное летнее небо непохоже на бушующее небо в Луну Бурь.

Пещера, в которую они теперь нашли вход, была озарена сиянием, которое казалось таким же сильным, как если бы сто солнц сияли одновременно. Так поразителен был блеск, так превосходна красота тех предметов, которые служили светильниками в этом огромном зале, что ирокезский воин на мгновение забыл о причине, приведшей его сюда, и остановился, чтобы полюбоваться великолепием, которое было разбросано вокруг него. Он действительно был наполнен всем, что могло ослепить и восхитить взор. Над ними сиял небосвод, казалось, усыпанный звездами, но излучавший свет гораздо более яркий, чем когда-либо давали ночные звезды. А стены пещеры переливались великолепными оттенками, отражавшимися от разноцветных камней, из которых она была выложена.

Но почему дух-птица-проводник останавливается и почему он закрывает свой светильник? Почему он смотрит тревожными глазами на те светлые комнаты в пещере? Что за существа появляются в этой комнате, и чьи акценты падают на жадные уши влюбленных? Я вижу ложе, сделанное из лонжерона, которое блестит, как сосульки, в лучах солнца. Он покрыт самой мягкой травой, какая растет на дне ручья, и на нем лежит, тяжело дыша от усталости и страха, прекрасная женщина — это цветок лесных дев, потерянная Мекайя! Рядом с ней, больше не изображая ирокезского воина, но являя себя во всем своем врожденном уродстве, с искривленным и непропорциональным телом, волосами, жесткими, как сорняки, растущие на скалах великого соленого моря, глазами, зелеными, как весенний луг, огромным ртом и ушами, как у буйвола, стоит ее преследователь и насильник, Дьявол Водопада. И так он ухаживал за прекрасным беспомощным существом, лежавшим на ложе из ослепительного камня:

"Мекайя, прекрасная Мекайя, могущественный Маниту из Ониагараха просит твоей любви. Если ты отдашь это мне, я отдам тебе взамен все сокровища земли и наводнения, алмазы, которые лежат в глубинах водопада, и блестящую руду, за которую в других землях можно купить как тела, так и души людей. То, чего ты желаешь, будет в пределах досягаемости твоей руки, как только пожелаешь; и, чтобы доставить тебе удовольствие, мой облик снова примет форму и облик того, кого ты любишь. Сейчас я ухожу, прекрасная дева, но скоро я вернусь к тебе и буду любить. Но, если ты снова откажешь мне, Маниту придет ухаживать за тобой, как за самим собой, и в своем собственном подобающем облике, выглядящем более отвратительно, чем тот, который он носит сейчас, и наделенный втрое большим нынешним ужасом, предъявит свои права. Когда его желания будут удовлетворены, он отвергнет тебя и выбросит твое тело в поток".

С этой тяжелой угрозой Маниту исчез. А теперь ловите, ловите, возлюбленные, счастливую минуту! Это миг судьбы. Летите, летите! и смотрите, воздушный посланник Того, кто управляет всем сущим, манит их вперед. Они повинуются безмолвному призыву и с быстротой горных козлов выбегают из пещеры. Их путь темен и ужасен, но страх придает им крылья. Они

знают из уст своего прекрасного проводника, Птицы-Духа, которая, наконец, открыла свой рот, чтобы сказать им слова доброй поддержки, что с рассветом дьявол потопа всего лишь смертен — что с криком петуха его силе приходит конец; и они заставляют свои конечности двигаться с максимальной скоростью, ибо, видите, красный отблеск говорит о том, что день близок. Маленький посланник Великого Духа по-прежнему указывает путь, и под его опекой и руководством они быстро достигают среднего роста. Увы влюбленным! Да сохраняют их Небеса в этот час крайней опасности, ибо, смотрите, ужасный дьявол идет по их следу, напрягая все нервы в погоне; и он настигает их так быстро, что, если не будет послана помощь от какой-нибудь высшей силы, они скоро окажутся в его руках.

Но храбрый Мошарр все еще цеплялся за надежду спастись и по-прежнему прилагал к этому почти сверхчеловеческие усилия. Одной рукой обхватив безжизненное тело девушки, другой он воспользовался, чтобы перебраться с помощью торчащих кустов через крутые пропасти. Внезапная мысль позволила ему на некоторое время сбить с толку мрачного преследователя. Его нога, упершаяся в рыхлый камень, с грохотом обрушила его на дьявола, которого тяжелая масса отбросила назад на половину расстояния полета стрелы. За то время, пока он пытался освободиться от тяжести, которая пригвоздила его к земле, влюбленный почти преодолел самую дальнюю границу королевства Маниту. И смотрите, пурпурно-серое вспыхивает с востока. Наступает день, и власти Маниту, насколько это касается его духовной природы, приходит конец. Призови, о Мошарр, всю свою силу и быстроту, и одним отчаянным усилием избавься от его личной силы, поскольку удачное появление луча дневного света сделало тебя недостижимым для его сверхъестественной силы! Поторопись! поторопись! Царство Маниту простирается лишь до самого нижнего пузырька пены — оно заканчивается с последним всплеском порогов — цель перед вами; она всего в половине выстрела из лука от вас — поспешите, и она выиграна. Поторопись! поторопись! в тот момент, когда вы достигнете границы царства дьявола, множество добрых духов - ваших друзей, но смертельных и непримиримых врагов для вашего врага — отправятся вам на помощь.

С девушкой на руке, весь израненный и истекающий кровью, с израненным телом, но непреклонный, как всегда, храбрый Мошарр продолжает свое бегство. Но он чувствует себя так, словно момент смерти был близок. Измученный своими почти нечеловеческими усилиями спастись, он обнаруживает, что слабость и дрожь овладевают его конечностями, теряет сознание и падает со своей прекрасной ношей на землю в самый момент победы и безопасности. Маниту добрался до него и с дьявольским смехом на своем ужасном лице ликуяще наклоняется вперед, чтобы схватить своих беспомощных жертв. Одну руку он кладет на нежную ручку лесного цветка, другую - в волосы возлюбленной. Но когда он наклоняется вперед, внезапный рывок ирокеза, вызванный возвращением жизни, невольно увлекает его за черту, которая отмечает границы его королевства и власти. В одно мгновение — на одном дыхании — прежде чем глаз успел моргнуть или дух успел подумать - множество ярких существ появляется из каждого уголка, лощинки и лощинки - с полей и заливов. Глубокое пространство, скалы над ними, под ними, сбоку от них, воздух над ними и вокруг них, насколько хватает глаз, наполнены благодетельными духами. "Он наш!" - кричат они. "Он наш! Он покинул регион, над которым имел власть; он оставил владения и державы, которыми правил. Он наш! он наш! Не напрасно мы покинули наши зеленые беседки на далеком озере Тысячи островов, чтобы поспешить на помощь лесной деве-цветку и ее храброму и верному возлюбленному. Это был Великий Дух, который вдохновил нас прийти сюда, чтобы мы могли спасти от смерти и, что было гораздо хуже, прекрасную невесту доблестного Мошарра. Он наш! он наш! Маниту наш! Теперь

запускайте свой легкий лай, братья — запускайте свой легкий лай! Лодки, доставившие нас сюда, должны быть пришвартованы в спокойных бухтах нашего дорогого острова до того, как яркое солнце выглянет из-за вершин восточных холмов. Но сначала мы должны наказать нашего безжалостного врага. Давайте навлечем на него ту же участь, которой он угрожал прекрасной деве — давайте свяжем его и бросим с этих скалистых берегов в волну, которая яростно катится вниз! Он наш! он наш!"

Сразу же — по окончании их триумфальной песни — тысячи ярких форм набросились на распростертого и бессильного Маниту, связали и потащили его к обрыву. И в это время снова раздался их дикий, но мелодичный крик: "Он наш! он наш!" они бросили его в грохочущий поток вниз, который унес его искалеченное и безжизненное тело в полное забвение.

Когда уничтожение дьявола было завершено, прекрасная птица-дух, которая, пока совершалось его смертоносное деяние, пристально наблюдала за ними с обломка скалы над их головами, поднялась со своего насеста и, обрушив на пару со своих сияющих крыльев потоки света в знак любви своего Хозяина к ним, взмыла обратно в небеса, откуда прилетела. Затем счастливый Мошарр и его любимая Мекайя сопроводили дружелюбных духов, которые помогли свергнуть злого Маниту, в их дом на прекрасном озере Тысячи Островов. Пара была встречена песнями и ликованием на берегах духов, и шумными были пирушки и неистовое веселье его маленьких обитателей. Для них были устроены триумфы, смешанные с ликованием по поводу падения их давнего и ненавистного врага. И когда они продемонстрировали свою любовь к этой паре всеми доступными им средствами — танцами, пиршествами и добрыми речами, — они отпустили их по домам, осыпав их головы множеством благословений и призывая Доброго Духа защитить и даровать им процветание. Храбрый Мошарр и его прекрасная невеста вскоре добрались до дома своего народа и дожили до того, чтобы увидеть, как дети их детей с немим изумлением слушают рассказ о победе родителей их отца от Маниту с Водопада.

Примечания.

(1) *Красивая птица.*—с. 104.

Птица-Дух, или Птица Вакон, - индийская райская птица. Индейцы чрезвычайно почитают ее как особую птицу Великого Духа. Название, которое они ему дали, выражает его высочайшее совершенство и то почитание, которое они к нему питают; птица Вакон на их языке означает птицу Великого Духа. Он почти размером с ласточку, коричневого цвета, с ярко-зеленым оттенком на шее; крылья более темного коричневого цвета, чем тело; его хвост состоит из четырех или пяти перьев, которые в три раза длиннее его тела и красиво оттенены зеленым и фиолетовым. Он носит это прекрасное длинное оперение так же, как павлин, но неизвестно, поднимает ли он его когда-нибудь в вертикальное положение, как это иногда делает эта птица. Наудовессы считают его более высоким по рангу, чем любое другое пернатое создание.

(2) *Громче, чем гром бухты Духов на озере Гурон.*—стр. 105.

Почти на полпути между заливом Саганаум и северо-западным краем озера Гурон лежит бухта, которая называется Тандер-Бей. Индейцы, которые часто посещали эти места с незапамятных времен, и каждый европейский путешественник, проезжавший через них, единодушно согласились назвать его этим именем из-за непрекращающегося грома, который они всегда наблюдали здесь. Пока Карвер совершал над ним переход— который длился почти

двадцать четыре часа, большую часть времени он гремел и светился в чрезмерной степени. Трудно объяснить это явление — возможно, органическая структура соседних скал способствует концентрации электрического флюида в этом месте.

ОСТРОВ ОРЛОВ.

Недалеко от водопада Святого Антония есть небольшой скалистый остров, покрытый огромными деревьями - дубами, соснами и кипарисами, его изрезанные водой берега и крутые утесы, образованные неровными камнями, о которые волны водопада разбиваются и пенятся в тщетных попытках сокрушить его. Этот маленький остров, столь раздражаемый могущественными и гневными демонами, которые сидят в этой волне, известен среди индейских народов тем, что является обителью духов воинов Андирондак — племени, которого больше не существует, — которые когда-то, много веков назад, сражаясь с духами водопада, были полностью низвергнуты и силой своих врагов превращены в орлов. В наказание им было приказано вечно жить на этом туманном и шумном острове; они были обречены на более тонкое восприятие слуха, чем свойственно смертным, чтобы их участь была еще ужаснее. Если мой брат желает услышать традицию, пусть он широко откроет двери своего понимания и помолчит.

Племя Андирондаков было самым могущественным племенем страны — ни по численности, ни по доблести они не имели себе равных — их правление простиралось от широкого озера Гурон до реки Осейдж, от Аллегани до Миссисипи. Все племена, жившие по соседству с ними, были вынуждены склонить головы и платить им дань. Гуроны присылали им бобровые шкуры; эри ткали им вампум (1); даже ирокезы, этот надменный и воинственный народ, который повелевал своими восточными соседями со свирепостью волков, кланялись этим могучим воинам, андирондакам, число которых превышало количество голубей в месяц перед снегопадом, и которые размахивали копьями, натягивали луки и выкрикивали свой боевой клич с большей силой, чем любое другое племя или народ в стране. Некоторые из более отдаленных племен, чтобы обезопасить себя от вторжения, прислали послов с трубкой мира, завернутой в мягкие меха в качестве подарка; другие предлагали своих самых красивых женщин в жены "владыкам страны" — все это различными способами свидетельствовало об их неспособности справиться с ними в войне и об их стремлении стать друзьями и соседями. Если гордые Андирондаки даровали мир, к нему всегда прилагалось какое-то жесткое условие; не всегда оказанная ими услуга в конечном итоге оказывалась услугой.

Столь долгий и непрерывный путь процветания породил гордыню и высокомерие в недрах Андирондаков, и они забыли Существо, которое даровало им столько благословений, сделав их жен плодородными, как виноградная лоза на плодородной почве, дав им победу над всеми врагами, здоровье, обильный урожай и удачную охоту. Они больше не поклонялись этому Великому Существу; больше не предлагали ему сочных плодов своей охоты; больше не поднимались на высокие холмы при восходе или заходе солнца, намазывая головы глиной, чтобы излить свои души в песне благодарности за прошлые или в молитве о будущих милостях; они больше не калечили свои тела в знак осуждения его гнева, но, полагая себя — тщеславными глупцами! будучи в состоянии обойтись без его помощи, они отказались от своего долга и верности ему и бросили ему вызов, если не насловах, то, по крайней мере, на деле. Гордыня теперь владела их душами, а черствость - сердцами.

Нет нужды говорить моему брату, что Великий Дух не склонен к гневу. Зная свою силу сокрушать одним движением своего глаза каждое живое существо; разрывать на части самые могучие холмы, да, сотрясать до центра саму землю одним дуновением своего дыхания; он не решается проявить свою силу или призвать к действию вихри своего гнева. Он терпит, когда люди поносят его задолго до того, как он попытается наказать их; он позволяет им много раз поднять палец в знак неповиновения, прежде чем он опустит его, и позволяет языку произнести множество презрительных слов, прежде чем он обрекает их на смертное молчание. Так бывает с существами этого мира, и мой брат должен это знать. Самый сильный человек — тот, кто чувствует себя наиболее уверенным в своей способности отразить агрессию и вызвать уважение и повиновение, медленнее всего поддается на провокации, а когда приходит в ярость, его легче всего успокоить. Луговая собачка чаще скалит зубы, чем волк; слабоумная гадюка чаще, чем смертоносная гремучая змея. И мой бледнолицый брат рассказал нам чудесную историю о том, что в его родной стране за Великими Водами могучее животное, называемое Царем Зверей, за исключением тех случаев, когда ему не хватает пищи, кротко, как голубь или певчий воробей. Так было и с Великим Духом, когда он взирал на насмешки и злобу Андирондаков. Долго он сопротивлялся настойчивым просьбам подчиненных Маниту, чтобы надменное племя было наказано за свою дерзость; долго он ждал с надеждой, что у них откроются глаза, раскаяние овладеет их сердцами и наступит исправление. Он ждал напрасно, с каждым днем им становилось все хуже, пока, наконец, они не обрушили на свои головы возмездие, которое больше нельзя было откладывать.

Среди Андирондаков жил юноша, который с момента своего рождения был любимцем существа, правящего миром. Когда он был еще неоперившейся птицей, его слова были словами седовласой мудрости; когда он был еще мальчиком, его рука была рукой сильного человека, его глаза — глазами хладнокровного человека, а его сердце — сердцем храброго человека. Он был хладнокровен, как воин, доживший до глубокой старости в сценах войны. Пока он сидел в своей ивовой колыбели, его отец случайно рассказал ему о походе, который Храбрецы собирались предпринять против далеких Копперминов, располагавших своими вигвамами на берегу моря вечного льда. Мудрый ребенок велел отцу собрать вокруг себя вождей и советников нации и сказал им: "Вы не добьетесь успеха в этой войне. Медные горцы обитают в регионах сильного холода; прежде чем с ними можно будет встретиться, необходимо встретиться с ледяными холмами и замерзшими озерами, штормовыми ветрами и унылыми бурями. Если вы встретитесь с ними, успех будет сомнительным, потому что они находятся на своих холмах, с нервами, способными переносить пронизывающий холод, и обладают тем, чего так не хватает Андирондакам, — доскональным знанием каждой тропинки, пересекающей их покрытые снегом долины и скованные льдом воды. Оставайтесь дома, Храбрецы, помогайте своим женщинам сажать кукурузу и разделывать мясо бизонов, а не отправляйтесь в экспедицию, из которой вы никогда не вернетесь. Разве я не вижу зажженных пыточных костров и Храбрецов в андирондакских мокалинах, привязанных к столбу смерти? Разве мои уши не слышат предсмертную песнь на андирондакском языке? И разве эти бесстрашные звуки, доносящиеся до моих ушей, не крики стервятника и волка, дерущихся за останки человеческой туши с андирондакским пучком шерсти? Оставайся дома, Андирондак, помогай своим женщинам сажать кукурузу и разделывать мясо бизонов, а не отправляйся в экспедицию, из которой ты никогда не вернешься".

Но молодые и пылкие воины сказали, что это слова мальчика, и они не захотели их слушать. Они сказали, что, будь слова Пискарета словами мужчины, они могли бы прислушаться к ним,

но был ли он, сидящий в своей ивовой колыбели, подходящим советчиком для седовласых мудрецов или даже для молодых Храбрецов, которые съели горький корень, надели новые боевые доспехи, постились шесть солнц и стали мужчинами? Тщетно мальчик уверял их, что его *лекарство*, Большая Белая Сова, открыла ему много странных вещей, и среди прочих вот что— если Андирондаки вступят в войну против коппермайнов, гнев Великого Духа, поклонение которому они оставили, падет на них, и из тех, кто ушел, ни один никогда не вернется. Они смеялись над его словами, относясь к ним так, как отнеслись бы к пению пролетевшей птицы. Они надели свои мокасины и, взяв копья, луки и стрелы, попрощались с землей, где покоились кости их отцов. Вернулись ли эти отважные юноши, и оправдались ли слова мальчика-пророка? Пусть волк, гриф и горный кот ответят на этот вопрос. Они расскажут моему брату, что их ненасытные племена устроили пир в далекой стране Коппермайнов, и что остатками этого пира была огромная куча человеческих костей. Были ли это кости жителей Андирондака? Были, и таким образом пророческие слова мудрого мальчика сбылись, и его репутация утвердилась по всей стране.

И когда годы одолели его, и огонь ранней зрелости засиял в его глазах, проявились те же признаки того, что он был благосклонен Небесами. Ему не нужна была практика, чтобы побеждать во всех видах спорта и упражнениях, которыми увлекаются мальчики его страны. Он превзошел их во всем, что свидетельствовало об обладании мастерством и мужеством, необходимыми для того, чтобы стать терпеливым и опытным охотником или храбрым и успешным воином. Во время игры в стрельбу из лука его стрела всегда оказывалась ближе всего к цели, а при метании копья он чаще всего перерубал тростинку, которая была закреплена в качестве метки. Не успел он собрать и пятнадцати урожаев кукурузы, как мог одолеть в борьбе самого крепкого мужчину племени, и ноги его в беге были быстрее, чем у оленя, убегающего от шагов краснокожего охотника. Когда седовласые мужчины собирались на совет, чтобы обсудить дела племени, их вторжения или планируемый переезд в другие охотничьи угодья, они спрашивали: "Где мудрый мальчик?" Если его не было на месте, за ним посылали, и никакого решения не принималось до тех пор, пока он не приходил и не высказывал свои мысли. И так рос юный Пискарет, пока не достиг своей двадцатой весны.

В соседнем народе Оттава жила девушка, которая так же славилась своей красотой, обаянием и остроумием, как андирондакский юноша силой, мудростью и благоразумием. Ее индийское имя было Менана, что означает "Дочь Потопа". Она достигла шестнадцатого лета своего пребывания среди оттавов, самая кроткая и беззаботная сердцем, самая кроткая и милейшая девушка, которая когда-либо смотрела на бледную полную луну или сверкающие звезды, или слушала пение воробья, или водопад. Она знала, как делать все, что было красиво или полезно. Если вы видели кусок великолепно раскрашенного вампума, или халат, причудливо сплетенный из коры шелковицы, или перья канье или боевого орла, вам не нужно было спрашивать, кто это сделал — вы могли быть уверены, что это была Менана. Ее голос был самым сладким, что когда-либо слышали, ее лицо — самым прекрасным из когда-либо виденных — в первом была мелодия птиц, с выражением, которого у них никогда не будет, пока они не одарятся разумом, данным мужчине, - в последнем - но что может быть прекраснее лица прекрасной женщины! И тогда ее смех был таким же радостным, как танец воинов после великой победы, а ее нога была самой быстрой ногой, которая когда-либо смахивала росу с травы. Все любили ее, и она любила всех. Такая добрая, и так хорошо, и с таким мягким характером, и такая красивая девушка никогда не была известна среди оттавцев, хотя они и славятся по всей стране добрыми, рассудительными, и с мягким характером, и прекрасными девушками.

Она не была дочерью женщины из Оттавы или какой-либо другой женщины, и ее отец не был мужчиной из Оттавы или каким-либо другим мужчиной. Она была дочерью могучего водопада. Луна, в которую она прибыла в страну оттава, была луной, в которую на лесных деревьях распускаются первые почки и распускается маленький голубой цветок, который наши лесные девушки любят вплетать в свои волосы, а наши лесные мальчики собирать как предвестник возвращающегося тепла, радости и веселья. Сначала она не приехала в деревню Оттава в совершенном человеческом обличье. Это было много лет назад, и однажды утром, когда главный воин нации вышел, по своему обыкновению, посмотреть на утреннее небо, он обнаружил сидящее у своей двери маленькое существо такой формы, какой он никогда не видел и даже не мечтал. Женщиной она казалась от пояса и выше, но рыбой или, вернее, двумя рыбами ниже. Ее лицо было лицом прекраснейшей девушки в те чарующие часы, когда она начинает мечтать о высоких юношах; ее глаза были голубыми, как глубочайший оттенок воды, и кроткими, как летнее утро, зубы белыми, как зубы лосося, а локоны ниспадали до самой земли. Ее кисти были идеальной формы, но они были покрыты чешуей, кое-где окрашенной в красный цвет, который блестел, как вечернее солнце на складках облаков. Ее рост был примерно как у маленького ребенка, который только начинает пользоваться ногами. Странное маленькое создание не пошевелилось, когда воин приблизился к нему, но безучастно позволило ему осмотреть себя, и, когда он любезно вытер росу с его развевающихся локонов, устремило на него взгляд с глубочайшей благодарностью, написанной на его лице. Поскольку индеец верит, что у каждой вещи, даже у деревьев, рек и гор, есть душа, или духи, и все достойно быть принятым им в качестве защитника, воин обратился к странному существу и попросил его стать его заступником перед Великим Духом, его окки в мире и войне. Каково же было его удивление, когда оно ответило ему тоном, очень похожим на человеческий, и на диалекте народа оттава, следующим образом!

"Я не могу быть твоим духом-хранителем, ибо я собираюсь сбросить свою духовную природу и стать таким же, как ты, смертным, или, скорее, я должен принять свою прежнюю природу и состояние. Хотя я ношу облик, который не является ни рыбой, ни мясом, все же я не всегда был таким. Когда-то, много лет назад, я был человеком. Однажды вечером, глядя на голубое небо, наполненное сияющими огнями, мою душу охватила страсть увидеть их поближе. Я умолял Владыку Жизни позволить мне подняться в страну этих ярких вещей и посетить прекрасные радуги, которые в равной степени были объектами моего нежного созерцания. Моя молитва была услышана; я заснул, а когда проснулся, то обнаружил, что нахожусь там, где хотел быть. Я был среди звезд, плывя вместе с ними, как орел или облако, уносимые ветрами, которые проносятся над нижним миром. Я видел их великолепными, какими вы видите их с земли, - яркие, круглые и мерцающие шары всевозможных размеров, все наполненные жизнью, и все деловито исполняли свои замысловатые танцы под музыку, исходившую из невидимых рук. Моими словами невозможно описать великолепие сцены. И все же я должен сказать "Оттава уорриор", что сцена и танцы вскоре перестали доставлять удовольствие. Кто пожелал бы вечно смотреть на солнце, каким бы ярким и ослепительным оно ни было? На что из всего прекрасного на земле можно вечно смотреть с восторгом? Его озера, реки, горы, смелые юноши, прелестные девушки и многое другое очень красиво, но каждое из них утомило бы, если бы взгляд был прикован только к нему одному. Вскоре я устал от великолепия звездного мира и пожелал снова оказаться на земле. Я попросил у Повелителя всего разрешения вернуться. Он сказал: "Ты был развоплощен, твоя плоть истлела — ты всего лишь дух, этого не может быть". "Не могу ли я, - сказал я, - оживить какую-нибудь форму, из которой только что вышло дыхание?"

разве я не могу войти в тело какого-нибудь ребенка и прожить остаток дней избранного смертного?"

Великий Дух ответил: "Этого не может быть. Но если ты согласен вернуться на землю и принять облик, который не будет ни смертным, ни бессмертным, ни человеком, ни зверем, пусть будет так. Помни, ты не получишь облика человека до тех пор, пока не услышишь в водопаде, где Я обрекаю тебя жить, голос того, кто взывает: "Сейчас самое время". Тогда ты покинешь наводнение, отправишься на землю моего любимого народа, оттавы, и там постепенно вернешься к тому облику, который когда-то был твоим. Но бессмертной душой ты не будешь обладать до тех пор, пока твое лоно не озарится пламенем любви".

- Так сказало Великое Существо, и в мгновение ока я обнаружил, что спускаюсь из страны звезд по великолепной радуге. Быстрым и непрерывным был мой спуск, пока я не добрался до могучего водопада; его обширное и бурное лоно приняло меня, и там я обитал с Духами Потока, приемной дочерью их вождя, до сих пор. Смотри, Оттава! Я у твоей двери, странное создание, но требую от тебя гостеприимства и защиты. Дашь ли ты мне это, пока мне не будет позволено принять ту форму, которая даст мне силы человеческого существа, и почувствовать, как моя грудь озаряется тем пламенем, которое может дать мне того, кто будет кормить и защищать меня?"

Оттава ответил, что "в его хижине был тихий уголок, и там должна была отдохнуть незнакомая девушка — если, конечно, это была женщина —; его дом всегда был обителью изобилия, и к нему должен был приобщиться незнакомец". Таким образом, существо, которое не было ни рыбой, ни мясом, продолжало проживать в каюте "Оттавского воина".

Но с каждым днем было замечено, что она все больше и больше принимает облик смертной девушки. Чешуя упала с ее рук, которые утратили свой красный оттенок и стали мягкими и светлыми, как плоть новорожденного ребенка. Две рыбы постепенно превратились в две стройные ноги. Но хотя теперь она отождествилась по форме с человеческой расой, она сохранила многие из тех склонностей, с которыми жила раньше. Она любила резвиться в водопаде и купаться в озерах и реках. Часто она улетала от общества оттава к своим старым друзьям, Духам Наводнения. Как светились бы ее глаза детским восторгом, когда дождь хлестал бы из облаков проливными потоками, и как бы она радовалась, когда весенние оттепели усилили шум и громкость водопада! И ей больше нравилось питаться тиной и семенами травы, которые находили в ручье, и теми видами рыб, которые становились добычей более крупных, чем пищей, приготовленной на очаге Оттавы. Постепенно, однако, и, наконец, полностью, ее вкусы стали соответствовать вкусам тех, с кем она жила.

Однако у нее не было души — в ней был дух рыбы, но не дух смертной. Она не могла ни плакать вместе со страждущими, ни смеяться вместе с радостными. Она действительно знала своего Создателя, ибо все вещи, одушевленные или неодушевленные, знают Его; но поклонение, воздаваемое ей, было поклонением не того, у кого есть причина для того, что он делает, а того, кто следует побуждениям инстинкта. Она все еще сохраняла страсть к вечеру и ярким шарам, которые его освещали, но больше любила смотреть на их отражение в воде, чем на то, как они танцуют в голубом небе.

Наконец в атмосфере поднялось черное облако - Андирондаки и Оттава больше не были друзьями. Любая мелочь порождает ссору между сынами пустыни. Легкомысленно сказанное

слово, олень, пораженный на расстоянии полета стрелы сверх определенного предела, давнее, но неотмщенное оскорбление, женщина, уведенная от признанного любовника, - все это считается достаточно важным, чтобы задействовать всю энергию нации для мести. Депутация андирондаков прибыла в главную деревню оттава, требуя компенсации за вторжения в их охотничьи угодья и за глупый поступок, столь порицаемый краснокожими жителями леса, что приводил к частым войнам, — убийство хищных зверей вне сезона. Среди вождей был юноша Пискарет, который, хотя ему едва исполнилось двадцать лет, считался, как я уже говорил, самым сильным, мудрым и, судя по всему, храбрейшим человеком нации. И с ним приехал его престарелый отец, великий вождь Андирондаков.

Пир был приготовлен и съеден, танцы завершились, и вожди, советники и воины курили огромную трубку мира, когда прекрасная девушка, носившая имя Менана, вошла в каюту совета. Теперь она потеряла все следы своего происхождения из вод и, судя по всему, была смертной женщиной. Она вошла без той робости, которая бывает у смертных дев, когда они внезапно оказываются брошенными в толпу другого пола, не имея никого из своих, кто мог бы оказать им поддержку. Но Менана не была сведуща в обычаях смертных и не испытывала ни одного из тех чувств, которые заставляют краснеть щеки и трепетать сердца мирских дев. Окинув с минуту суровый строй воинов любопытным и вопрошающим взглядом, она подошла к юному Пискарету и сказала ему нежным тоном: "Ты очень красив. Скажи мне, смогу ли я завоевать твою любовь?"

Храбрец, сраженный чарами прекрасного создания, прижавшись к ней, прошептал, что любит ее больше всего на свете и желает, чтобы она стала женой его сердца. Затем он с готовностью описал ей прелести своей родной земли и рассказал о высоких старых дубах, которые отбрасывали свою гигантскую тень на берега тихой реки, и о множестве густых полей, заполненных здоровыми оленями, и озерах, изобилующих вкусной дикой птицей, которую можно было найти в охотничьих угодьях его страны. Он рассказал ей о изобилии, царившем в хижинах Андирондаков, и о том, насколько лучше живется их женщинам, чем женщинам соседних племен. Дочь Потока ласково улыбнулась юноше, и слезы, первые в ее жизни, и вздохи, первые в ее жизни, свидетельствующие о том, что она обрела человеческую душу, наполнили ее сердце и глаза.

И теперь она получила душу и овладела теми способностями, которые даруют удовольствие и боль и создают для их обладательницы счастье и несчастье, радость и печаль. Теперь она была жива для надежд и страхов, которые возвышают или угнетают существование, — у нее были слезы для тех, кто плакал, и смех для тех, кто смеялся. Она, вошедшая в это собрание воинов, бесстрашная, как орел, восседающий на вершине высокой сосны, теперь сразу, в мгновение ока, наполнилась трепетом, тревогой и предчувствием и попыталась скрыть свой румянец, наполовину спрятав лицо на груди того, кого любила.

Но гордыня, которая часто прерывала течение любви, а также приводила к падению наций, проникла в советы Андирондаков, и они отказались разрешить молодому воину взять в жены девушку не смертного происхождения. Они сказали, что в ее жилах текла кровь духов водопада, расы, которая наслаждалась тем, что проливали холодный и чумной пар на деревни своего народа, и уничтожила несколько андирондаков, чья кровь осталась неотмщенной. Напрасно юноша умолял о своей любви; напрасно он доказывал, что если духи потопа воюют со своими соседями, которые не в состоянии нанести рану своим противникам, то это не дает никаких

оснований для запрета прекрасной девушки, такой милой и такой безобидной. Она не пострадала, тогда почему ее следует отвергнуть? Но его доводы не подействовали на воинов и не склонили их суровые сердца к жалости. Они вырвали прекрасную Менану из объятий того, кого она любила больше всего, и, пользуясь властью, столь могущественной среди краснокожих людей пустыни, отца, вождей и старейшин, они увезли возлюбленного из деревни Оттава, разделив таким образом тех, кого Великое Существо так явно создало друг для друга.

Но мой брат спрашивает, что стало с прекрасной девушкой. Пусть он послушает, и я расскажу ему. Она изнывала от горя из-за разлуки с мужчиной, которого любила. Она пела не ту сладкую песню, которую поют юные девушки, не знающие ни любви, ни заботы, — но ее песня была одинокой и печальной, как у ночной птицы. Она бродила одна по темным и мрачным лесам, как порхает птица, лишившаяся своей пары, или олень, получивший смертельную рану от стрелы охотника. С каждым днем ее глаза теряли часть своего блеска, а походка — плавность. Она больше не смеялась, не присоединялась к танцу дев, не ходила с ними собирать полевые цветы; но ее развлечения, если их можно было назвать развлечениями, заключались в том, чтобы плакать и вздыхать, бродить в одиночестве вялой походкой и сидеть на краю водопада, рассказывая свою печальную историю духам наводнения. Великий Дух, видя ее горе и зная, что разбитому сердцу больше нет дела среди вещей этого мира, повелел ей присоединиться к своим друзьям в приливе водопада. Она услышала хорошо знакомый и напоминающий голос и приготовилась повиноваться. Собрав вокруг себя друзей, которых она завоевала своей милостью и добродушием, она со слезами на глазах попрощалась с ними и получила такую же дань доброты. Молодые Храбрецы, которые ранее пытались завоевать ее любовь, столпились вокруг нее, чтобы увидеть ее последнее прощание, встревоженные, но в то же время боящиеся попытаться изменить решение, продиктованное Великим Духом. В руках у них были крепкие копья, за плечами — хорошо набитые колчаны, а их щеки и брови были окрашены в цвет гнева, ибо они были готовы отомстить надменным андирондакам за пренебрежение и увечья, нанесенные прекрасной Менане. Девушки пришли засвидетельствовать ее уход, по их щекам текли слезы. Все провожали ее до края водопада и видели, как она бросилась в его страшное лоно.

Не успела она достичь вод этого бурлящего потока, как из его недр поднялись ужасные головы падших духов, которые были его обитателями. Ярость наполнила их лица, и ужасные проклятия сорвались с их губ, когда они поклялись отомстить этому высокомерному и злому народу, андирондакам, который причинил страдания приемной и лелеемой дочери потопа. В последнее время, когда оттавы видели их, они успокаивали прекрасную Менану, которую, подержав несколько мгновений на поверхности воды, отнесли в их хрустальное жилище под пенящимся потоком. Однако сначала они наняли посланца из Оттавы, чтобы тот передал их вызов своим врагам и заверил их в своей вечной ненависти.

Вскоре после этого большой военный отряд Андирондаков, состоявший из цветка этой нации и возглавляемый Пискаретом, поднялся вверх по Миссисипи, чтобы совершить вторжение на территорию нации, проживавшей на ее границах выше Водопадов. У племен есть обычай, путешествуя по реке, подходить к краю водопада, а затем перевозить свои каноэ вокруг него. Андирондаки были на расстоянии выстрела из лука от водопада, когда внезапно поверхность воды покрылась ужасными головами, которые смотрели с ненавистью и вызовом на андирондаков, которые, хотя и были полны мужества, отважившись встретиться с людьми их собственного облика и природы, затряслись от нового чувства страха, когда увидели

отвратительные лица и воздетые руки духов потопа. В центре толпы водных духов они увидели лицо прекрасной Менаны, все еще сияющее во всей своей былой красоте, ее глаза горели огнем неугасимой любви. Подняв свой ужасный крик о мести, духи собрались вокруг каноэ парализованных жителей Андирондака и приступили к своей разрушительной работе. Но *один* был защищен существом их собственного порядка — храбрый и юный Пискарет оказался пойманным и защищенным руками своей верной Менаны еще до того, как в него была пущена стрела или нанесен укол копьем. В то время как духи воды были заняты тем, что сеяли смерть среди своих врагов, сопротивление которых не имело успеха, прекрасная девушка стащила своего возлюбленного с его места в каноэ и исчезла с ним под водой. В тот момент, когда влюбленные погрузились в воду, духи с ужасным криком тоже утонули, оставив лишь немногих андирондаков в живых после их нападения. Почти все они погибли от нападений существ, против которых человеческое оружие было бесполезно, которые смеялись над ничтожным сопротивлением смертных и боялись их битвы меньше, чем каркаджу боится мыши или канье — колибри.

Великое Существо, по молитве духов воды, повелело душам убитых жителей Андирондака принять облик орлов, повелев им вечно обитать на маленьком острове, который находится прямо под водопадом, в пределах слышимости его непрекращающегося и ужасающего рева. Чтобы они могли получить полную награду за свое высокомерие, гордыню и жестокость, он настолько усовершенствовал их слух, что хлопанье крыльев летучей мыши было для них таким же громким, как раскаты грома в горах для человека, обладающего лишь обычным слухом. Каков же тогда должен быть шум могучего водопада, который, перепрыгнув через каменный обрыв, на каменистое ложе, улетает обратно в пене и брызгах выше, чем стрела, пущенная из самого крепкого лука, натянутая самой сильной рукой!

Если мой брат поверит в мою историю "пение птицы", пусть он посетит водопад и воспользуется своими собственными глазами и ушами. Если он не увидит этот маленький остров, покрытый орлами, чьи крылья никогда не рассекают воздух, кроме его собственного; если он не услышит гневный голос духов в кипящих водах, да, и если он не увидит их после наступления ночи; тогда пусть он назовет меня лжецом.

Мне больше нечего сказать.

ПРИМЕЧАНИЕ.

(1) *Вампум*.—с. 118.

Вампум - индийское слово, обозначающее мышцу. Ряд этих мышц, соединенных вместе, называется нитью вампума, которая при длине в сажень называется поясом вампума, но слово "струна" обычно используется независимо от того, длинная она или короткая. До прихода англичан в Северную Америку индейцы делали свои нити вампум в основном из небольших кусочков дерева одинакового размера, окрашенных в черный или белый цвет. Немногие были сделаны из мускулов, которые считались ценными и сложными в изготовлении. Но вскоре европейцы научились делать нити из вампума, аккуратные и элегантные, и в большом изобилии. Индейцы немедленно отказались от использования старых деревянных заменителей вампума и приобрели те, что сделаны из мускулов, которые, хотя и подешевели, всегда считались ценными.

Эти мышцы в основном встречаются на побережье Вирджинии и Мэриленда и ценятся по их цвету — коричневому, фиолетовому и белому. Первые иногда имеют такой темный оттенок, что их принимают за черные, и стоят они вдвое дороже белых. Сначала их распиливают на квадратные куски длиной около четверти дюйма и толщиной в восьмую часть, обтачивают их круглой или овальной формы на обычном точильном камне. Затем в каждом просверливается продольное отверстие, достаточно большое, чтобы пропустить проволоку, шнур для плетения или большой ремешок, их нанизывают, как бусины, и нить вампума готова. Четыре или шесть нитей, соединенных в одну ширину и скрепленных друг с другом тонкой нитью, образуют пояс из вампума шириной около трех-четырех дюймов и длиной три фута, содержащий, возможно, четыре, восемь и двенадцать сажень вампума, пропорционально его требуемой длине и ширине. Это определяется важностью предмета, который эти пояса призваны объяснить или подтвердить, или достоинством лиц, которым они должны быть вручены. Каждая важная сделка, совершаемая на торжественных советах либо между самими индейцами, либо с европейцами, утверждается и приобретает силу с помощью веревочек и поясов из вампума. Раньше они давали санкцию на свои договоры, принося крыло какой-нибудь крупной птицы, и этот обычай до сих пор преобладает среди более западных народов при ведении дел с делаварами. При вручении шнура может быть произнесена длинная речь и много сказано по рассматриваемому предмету; но при вручении ремня произносится немного слов, но это должны быть слова большой важности, часто требующие объяснения. Всякий раз, когда говорящий произносит какое-то важное предложение, он произносит строку вампума, добавляя: "Я даю эту строку вампума в подтверждение того, что я сказал". Но главный предмет своей речи он подтверждает поясом. Ответы, данные на произнесенную таким образом речь, также должны быть подтверждены веревками и поясами из вампума того же размера и количества, что и полученные. Ни цвет, ни качество вампума не являются безразличными, но и то, и другое имеет непосредственное отношение к тем вещам, которые они призваны подтверждать. Коричневый или темно-фиолетовый, который индейцы называют черным, всегда означает что-то серьезное или сомнительное, но белый - это цвет мира. Таким образом, если веревка или пояс из вампума предназначены для подтверждения предупреждения против зла или серьезного порицания, они преподносятся в черном цвете. Когда нацию призывают к войне или против нее объявляют войну, пояс бывает черным или отмечен красным, который они называют *цветом крови*, с изображением посередине топора из белого вампума.

Индийские женщины очень ловко вплетают нити вампума в пояса и помечают их различными фигурами, что прекрасно согласуется с различными темами, содержащимися в речи. Эти фигуры отмечены белым вампумом на черном фоне и черным на белых поясах. Например, на поясе мира они очень ловко изображают черным вампумом две соединенные руки. Пояс мира имеет длину в сажень и ширину ладони. Чтобы отличить один пояс от другого, у каждого есть свой особый знак. Ни один пояс, за исключением боевого пояса, не должен быть красного цвета. Если они вынуждены использовать черный вампум вместо белого, они обмазывают его белой глиной, и, хотя черный цвет может просвечивать насквозь, все же по ценности и значению он считается равным белому. Эти веревки и пояса из вампума также являются документами, с помощью которых индейцы запоминают основные статьи договоров, заключенных между ними самими или с белыми людьми. Они относятся к ним как к общественным архивам, бережно храня их в специально сделанном для этой цели сундуке. В определенные сезоны они встречаются, чтобы изучить их значение и обновить идеи, эмблемой и подтверждением которых они были. В таких случаях они садятся вокруг сундука, достают одну

бечевку или поясок за другой, раздавая их каждому присутствующему; и, чтобы все они могли понять его значение, они повторяют слова, произнесенные при его вручении, во всей своей связке. С помощью этих средств они получают возможность помнить об обещаниях, взаимно данных различными сторонами. И, поскольку у них есть обычай допускать на эти собрания даже маленьких мальчиков, состоящих в родстве с вождями, они рано знакомятся со всеми государственными делами; и таким образом содержание их документов передается потомкам, и их нелегко забыть.

ЛЕГЕНДА ОБ АТОНЕ-ЛАРРЕ. [31]

Когда нансемонды использовали в качестве охотничьих угодий обширные леса, раскинувшиеся между горами и Великим Морским рукавом [32], они были повелителями дикой природы и правили ею по своему усмотрению. Во всей стране не было равных им в быстроте и ловкости в охоте, и они были первыми среди народов по своей доблести в войне. Когда их крик был услышан среди далеких холмов Ленапе, трусливым возгласом этого робкого народа было: "Нансемонд! Нансемонд!" — когда они пустили свои каноэ по далекой Миссисипи, люди того региона разбежались, как испуганные олени или лоси от рычания каркаджу.

Сейчас их число поредело; многие густонаселенные деревни исчезли - брат, Нансемонды уже не те, что были, по крайней мере, численно. Но они не утратили своего мужества и отваги, не утратили древней славы своих отцов, и уменьшение численности их нации ни в малейшей степени не запятнало репутацию тех немногих, кто еще жив, и не заставило их врагов считать их ниже людей. Никто не может сказать, что они когда-либо поворачивались спиной к врагу или избегали встречи с тем, кто желал сразиться. Даже ирокезы, чьи руки всегда были обращены против них с томагавком и которые, в свою очередь, сталкивались с их смертельной местью, признают их очень храбрыми и всякий раз, когда они берут их в плен, удостаивают их длительных пыток, которые имеют право терпеть только храбрые и отважные.

Давным-давно в этом племени, некогда столь могущественном и прославленном, но ныне столь немногочисленном и слабом, жила девушка по имени Атон—Ларре, одна из душ которой — та, что говорит о вещах, понятных всем, и рассуждает на понятном всем языке, - покинула свой дом во плоти, чтобы отправиться в Чеке-Чекекаме, или страну ушедших духов. Другая душа все еще обитала в теле, но именно душа заботится о том, чтобы во рту были мясо и питье, удовлетворяя потребности плоти, которая окутывает его, снабжая пищей и одеждой и защищая от огня и мороза. И все же, хотя разумная душа ушла, это не отняло у нее ни памяти, ни способности видеть вещи, невидимые другим смертным, или рассказывать занимательные истории.

Она была очень красива, но ее красота носила странный характер. Ее фигура была очень высокой и властной, и она была прямой, как тростинка. Из-за расстроенного состояния ее ума ее темные глаза приобрели очень дикое выражение, но никто из тех, кто знал ее, не боялся ее, потому что она была невинна и безобидна, как ребенок. В ее длинные черные волосы, касавшиеся земли у ее ног, были вплетены яркие бусины, ракушки и еще более веселые полевые цветы, а вокруг запястий и лодыжек были закреплены нитки из зубов аллигатора. Для нее было величайшим удовольствием сесть в свое каноэ и пустить его по течению реки. Затем, дрейфуя, она распевала дикие и меланхоличные песни, ударяя по воде через неравные

промежутки времени длинным веслом, которое держала посередине и которое вместе с песней образовывало своего рода концерт, как будто пели два человека.

Это было странно, но ее народ заявил, что разумная душа покинула ее, когда она поклонялась Великому Духу в *Киккосане* [33]. Там, во время исполнения священного танца вокруг резных столбов [34] ее душа была призвана в счастливые края, и ее разум стал подобен облаку во время сильного порыва ветра или сухому листу, унесенному в небо вихрем. Другие утверждали, что она осмелилась плюнуть на ГИПЕРССЫЛКУ *Urawsoqanse*, и за это была наказана Великим Существом потерей чувств. Не имеет большого значения, что было правдой, поскольку одно из них должно было быть правдой; ибо только Великий Дух может отнять дар разума, которым он наделяет, и он отнимает его только у тех, на кого он сердит. Так жила обезумевшая Атон—Ларре - странно, что ее грудь испытывала муки любви, и это для такого уродливого существа, как маленькая Оггесс.

Этот Огессе был юношей, ногам которого не хватало быстроты, а руке - мужской силы, но, тем не менее, он был любимцем Великого Духа. Ростом он был ниже человека и к тому же горбат, его рост был немного больше, чем у высокой птицы [36], которая любит расхаживать по песчаному берегу, подбирая рыбу, радостно порхающую в лучах теплого и ободряющего солнца. Но если он был миниатюрен телом, то велик душой — он восполнял недостаток мудрости у других. Его звали Огессе, что означает "Куропатка". Братья дали ему это имя из—за того, что он предпочитал мир войне — из-за того, что ему больше нравилось охотиться на менее опасных животных, на *макон*, чем на *маква* [37], и ловить на копье рыбу, которая доставляла мало хлопот, и ловить в силки мирных птиц - все виды спорта, недостойные мужчины. Но этот ручной и миролюбивый дух был прощен в Огессе, потому что он был маленьким и уродливым и, к тому же, любимцем Великого Духа. Никто не мог вызвать дождь из облаков, или вызвать их в ясном небе, или предсказать приближение бури, как он. Если он приказывал женщинам сажать кукурузу, они могли быть уверены, что ливень близок; если он приказывал воинам отправиться в далекую экспедицию, они знали, что она будет успешной. Его благословение, произнесенное над Сеной, было так же хорошо, как и ее брак [38]; его молитва Великому Духу в пещере или на вершине холма принесла его народу здоровье и обильный урожай. И таков был Огесс.

Необычными были средства, с помощью которых Атон-Ларре свидетельствовала о своей привязанности к маленькому человечку. Она часами бродила в поисках сладких ягод, потому что он их любил; и когда в доме ее отца готовили сочный бизоний горб, она всегда просила отнести самые вкусные кусочки ему, которого она любила. Когда зима принесла свои снега и бури, она приходила утром и вечером в хижину, в которой он жил, чтобы убедиться, что там есть огонь, чтобы согреть его, и, если болезнь нападёт на него, и боль уложит его на одре болезни, потому что сил у него было мало, а тело слабое, кто, как не обезумевший Атон-Ларре, даст ему питье, которое снимет судорогу с его конечностей и вернет ему здоровье?

И маленький Огесс не забывал о ее доброте — он отвечал на ее любовь такой же взаимностью. Если она приносила ему спелые ягоды, он выражал свою благодарность способом, который вознаграждал ее за нежность, а мясо, которое она ему давала, хотя оно было таким старым и жестким, было для него самым сочным, что когда-либо касалось губ человека. Он мог посидеть на берегу реки в полудреме, наблюдая за ее каноэ, которое несло по течению, и слушая ее очаровательные песни, в которых его собственное имя упоминалось с такой любовью. И когда, утомленная своим трудом, она направляла свою лодку к берегу, Огесс, несомненно, встречала ее с распростертыми руками и помогала донести каноэ до навеса из сосновых веток. Долгими

вечерами снежных и морозных лун она сидела и рассказывала ему — ибо память не покидала ее — истории о доброте Великого Духа и коварстве Злого Духа; о войнах племени, и о путешествиях, которые она совершала в страну душ, и о снах, которые ей снились, и о странных рыбах, которых она видела в морских глубинах, и о странных птицах в верхних слоях воздуха, и о странных зверях в диких лесах. Воистину, она видела много чудесного, если верить тому, что она говорила, — а кто мог поступить иначе, поскольку ее душа отправилась в Счастливые Охотничьи Угодья, а ее глаза обладали двойной природой — природой духа и природой смертного? Именно в одну из таких долгих и ненастных зимних ночей она рассказала племени историю о *Макуа*, которая вышла замуж за Гремучую змею.

Давным-давно, - начала она, - в племени макуа, врагов моего народа, жил молодой воин по имени Кайенгираго. Он был храбрейшим и бесстрашнейшим из людей — о его подвигах говорили все, от бурных берегов диких Абенаки до горного климата свирепых Наудовессий. Пока он был еще мальчиком, его подвиги были подвигами мужчины — еще до того, как пятнадцать летних солнц осветили его голову, он прошел военным путем взрослых Храбрецов до логовищ могикан на берегах Большого Соленого озера. И, прежде чем растаяли снега следующей зимы, он стал Храбрецом и вероотступником [39]. Но к его огромной силе и отважной доблести примешивался дурной и жестокий нрав — сердце его было очень порочным и нечестивым. Когда священники заговорили с ним о Великом Духе, он сказал им, что никогда не поверит в существование такого духа, пока не увидит его — он не упускал возможности поиздеваться над этим добрым существом и посмеяться над его громовыми речами. Его насмешки над этими мудрыми и хорошими людьми, священниками и пророками, которых Великий Дух любит и почитает, знакомя их со своими желаниями и волей, постоянно изливались наружу. Он не обращал никакого уважения к пожилым людям; он вынул мясо бизона из изголодавшегося рта своего отца и выбил флягу с водой из рта своей измученной жаждой матери. Если он видел человека слабее себя, он забирал у него все, чего тот желал, и не возвращал то, что находил. Если он бросал взгляд на девушку, и она слушала его лживый язык, вскоре ее слезы, несомненно, текли быстрее, чем у косули [40] охотнику приходится нелегко. Братья и сестры, которые были в хижине его отца, если они переходили ему дорогу, были избиты, как собака, пойманная на воровстве; если он давал клятву следовать за вождем (1), он обязательно забывал об этом; если он давал клятву помогать другу в опасности, он обязательно покидал его, не из страха, а потому, что ему доставляло удовольствие поступать неправильно и причинять увечья. Так жил Кайенгираго, Великий Стрелок племени макуа.

Однажды, когда этот храбрый, но плохой вождь охотился в одиночку в дикой местности, в месте, которое Великий Дух забыл выровнять (2), он наткнулся на большую пещеру на склоне холма. Это было в зимнее время, в час страшного дождя с градом. Чтобы спастись от гнева духов воздуха, он вошел в эту глубокую пещеру на склоне холма, захватив с собой много дров и добычу, добытую в погоне. Войдя в нее, он услышал много странных и пугающих звуков, но Кайенгираго был воином, хотя и злым, и, несколько не обеспокоенный страшными звуками, он продолжил свой путь в глубь пещеры. Было темно, как облачной ночью в то время, которое следует за закатом луны, но он заметил, что пещера была освещена, и темнота частично рассеивалась тем, что казалось маленькими звездочками, чрезвычайно яркими субстанциями, которые напоминали глаза волка, хотя меньше и гораздо ярче, и которые постоянно перемещались по пещере медленным и неуверенным движением. Затем в качестве звука раздался непрекращающийся грохот, шипение и шлепки, которые почти оглушили его шумом. Двинувшись дальше, он обнаружил, что ему мешает что-то, в чем постоянно увязали его ноги и

что, по его мнению, было сыпучим песком. Когда он отошел достаточно далеко отхода, чтобы оказаться свободным от потока воздуха, проникавшего через него в пещеру, он положил мясо оленя, которое принес на спине, достал кремь и труть и высек огонь. Должным образом разложив принесенные им дрова и разжег огонь, он выпрямился, чтобы осмотреть пещеру. Кто опишет ужас, наполнивший душу Кайенгираго, каким бы сильным и бесстрашным он ни был, когда он очутился посреди огромного скопища гремучих змей и понял, что именно среди этих смертоносных животных, толстый слой которых покрывал пол пещеры, он некоторое время барахтался? Именно их глаза освещали пещеру, а их шипение, грохот и шлепки отдавались у него в ушах. Под его ногами и со всех сторон, насколько хватало глаз, были подняты головы с маленькими огненными языками, торчащими из зеленых челюстей и двигающимися быстрее, чем вспышка летней молнии. Головы вокруг пещеры были толще, чем у вороватых воронов на молочно-белом кукурузном поле. В тот момент, когда свет костра, который он разожег, позволил им увидеть незваного гостя, все они бросились к нему, хотя никто не попытался причинить вреда. Ближайшие приблизились на шаг; те, что стояли позади, перелезли через спины более продвинутых, пока не легли грудой со всех сторон, высотой с плечи высокого человека. Поскольку Кайенгираго был окружен самым ядовитым и ужасным из всех животных, созданных Великим Духом, он не забывал поддерживать огонь и доставать кисет, набитый хорошим табаком. Восстановив хладнокровие и самообладание и снова став мужчиной, он набил свою трубку любимой травкой и, раскурив ее, начал выпускать клубы дыма. С каждым разом, когда он затягивался, он замечал, что змеи отступают от него все дальше, пока, наконец, не стало видно, как они скользят в темноту, окутывавшую дальнюю часть пещеры.

Пока он лежал, греясь у огня и испуская клубы ароматного дыма, кто-то рядом с ним воскликнул очень резким и визгливым голосом: "Бу-у-у!" Подняв глаза, Кайенгираго увидел стоящее позади него очень уродливое существо, но человека или зверя, поначалу ему было трудно определить. Его кожа была черной, как сажа, а волосы белыми, как снег. Его глаза, которые были очень большими, были цвета зеленых дальних зорких глаз [41], которыми бледные лица обозревают удаленные объекты, и выдавались так далеко от головы, что, если бы один из них располагался посередине лба, скатившаяся с него слеза попала бы на кончик носа. Его зубы, которые были очень большими, были белыми, как снег; его желтые уши были меньше листа черного грецкого ореха и имели точно такую же форму. Его ноги не были по форме похожи на человеческие, а представляли собой две прямые кости без плоти или суставов, черные и блестящие, как обугленная береза. Но что делало его еще более ужасным на вид, так это то, что змеи, ядовитые гремучие змеи, обвивались вокруг его ног, тела и рук - спрыгивали с него и набрасывались на него, завязывались узлами у него на шее и проделывали другие трюки с ужасающей ловкостью. Понаблюдав несколько минут в глубоком молчании за этим неотесанным существом и его боязливыми спутниками, Кайенгираго обратился к нему так:

"Кто ты?"

"Твой господин".

"Макуа — мужчина, - яростно возразил воин. - он никогда не преклонял колен - он не признает господина".

— Ты долго и верно служил мне, Кайенгираго - я Абамоcho, Дух Зла, и это мое пристанище.

"Ты избрал темную обитель и странных спутников", - ответил воин.

"Они не мои товарищи, а мои воины, мои храбрецы, мои мучители", - ответил Дух Зла. "Именно с их помощью я мучаю плохих людей, как макуа используют старых женщин, чтобы мучить пленных, которых они берут в бою. Но не бойся, Кайенгираго, ты был мне верным слугой — я не допущу, чтобы мои люди причинили тебе вред. Знаешь ли ты, что я намереваюсь отдать тебе в жены свою дочь?

"Я этого не знал?" - спросил Макуа.

"Она будет твоей", - сказал Злой Дух. "Но я предупреждаю тебя, что было очень много более приятных спутников, чем она, потому что она чрезмерно раздражительна и страстна. К тому же она так любит восхищаться, что я не сомневаюсь, что она отдала бы чейза самой уродливой жабе, которая когда-либо пожирала червяка, чтобы пленить его. Она настоящая женщина".

- Что отец даст Макуа за то, что он женится на ней?

—Вампум, много вампума...

- Я заберу ее.

- Много бобровых шкур и много медвежьего мяса...

- Кайенгираго сделает ее своей женой.

- Отомстить гуронам, которые убили так много его воинов в последнюю Бобровую Луну. Он будет пить их кровь обильными глотками, он будет есть их детей, зажаренных на огне, и кормить своих людей бульоном, приготовленным из мяса их Храбрецов [42]."

"Она моя!"

- А ты знаешь, что она гремучая змея?

- Мне все равно, поэтому она принесла мне в качестве своей доли богатые подарки и сладкую месть, о которой ты говорил. Увидит ли макуа деву?"

"Он должен, но отец велит ему помнить одну вещь. Когда свадьба состоится, пусть муж не забудет отрезать хвост своей жене. От того, вспомнит ли он это предписание, зависит его жизнь. Если он забудет его, невеста овдовеет раньше, чем станет женой".

С этими словами Дух удалился во внутреннюю часть пещеры. Вскоре он вернулся, неся с собой огромную неповоротливую гремучую змею. - Это, - сказал он, подходя к Макуа, - девушка, о которой я говорил, и жена, которую я давно предназначил тебе. Она несколько толще, чем нужно, — тем меньше она будет есть. Возьми ее, ты была хорошей служанкой, и я должен тебя вознаградить. Кайенгираго!"

Воин ответил: "Я слышу".

"Я еще раз предупреждаю тебя, что моя дочь очень раздражительна и страстна и к тому же так любит восхищение, что ничто в виде ухмылки не идет ей впрок. Больше всего на свете она любит, когда ее хорошенько тискают. Хотя я и Злодей и Отец Зла, я не настолько порочен, чтобы желать тебе жениться на женщине такого склада, не зная, каким сокровищем ты будешь обладать.

- Но ты обещал мне отомстить гуронам, которые убили столько моих воинов в последнюю Бобровую Луну, помни об этом. — И вождь начал свою песню, которая звучала так:

Я вкусю мести;
Я окуну свои руки в пурпурную кровь;
Я смочу губы кровью людей,
Которые одолели моих Храбрецов;
Я придам озеру такой синий
оттенок, который оно носило,
Когда я стоял, какмышь в логове дикой кошки,
И видел, как гуроны роют могилы
моим добрым и верным Макуа!

Я разведу костер
Из сухих веток гикори,
И сучков сосны, источающей смолу,
А кедровые листья и шишки,
Сухая солома разожжет погребальный костер.
И там умрут гуроны —
Из Плоти, крови и костей!
Но сначала он познает боль от
раскаленного камня на глазном яблоке,
И раскаленного копья в позвоночнике.
И если он пробормочет хоть зернышко,
Какие крики огласят небо,
Чтобы увидеть, как трусливый гурон вздрагивает,
Когда макуа разрывают его дюйм за дюймом?

Макуа, закончив свою "песнь крови", повернулся к своей невесте и ласково заговорил с ней, рассказав ей, как счастливо они должны жить, и многое другое, что обычно говорят в таких случаях, и что оказывается правдой так же часто, как жаворонки падают с небес. Теперь Злой Дух заговорил с Кайенгираго, приказав ему следовать за собой во внутреннюю комнату пещеры и немедленно завершить бракосочетание. Он повиновался, ведя свою пышнотелую невесту за веревочку, которую обвязал ей вокруг шеи. Вся стая гремучих змей последовала за парой — шипя, шлепая, размахивая хвостами и высовывая раздвоенные языки; но Кайенгираго то ли от радости, то ли от горя, то ли ему было все равно, или он не счел нужным тратить время на расспросы. Наконец они пришли в маленькую комнату, которая была освещена большим синим камином, горевшим в центре. Злой Дух сказал, что это комната его дочери, и там они проведут ночь, во время которой девушка притворилась, что ей очень стыдно. Теперь пара вступила в индейскую форму брака, и Макуа стал мужем гремучей змеи, дочери Злого Духа Абамоcho.

Они очень приятно провели вечер вместе, и Кайенгираго был так увлечен приятными историями, которые она ему рассказывала, ее остроумием, добродушием и поцелуями, которые она ему дарила, что совершенно забыл совет ее отца. Итак, после того, как они провели

некоторое время в разговорах и ласках, невеста прокралась к своему ложу из листьев, и муж последовал за ней.

Мало—помалу Макуа сказал своей жене: "Твое тело очень холодное - ляг подальше".

"Мое тело теплое, - ответил другой, - но ты натянул на себя все покрывала, и дух холода тяжело дышит на меня из дальней пещеры".

После этого они принялись яростно спорить о любви, ненависти, холоде и многих других вещах, о которых здесь нет необходимости упоминать. Их голоса становились все громче и ожесточеннее, спор становился все ожесточеннее, пока жена, потеряв остатки терпения, которым она обладала, не нанесла смертельный удар, обрекающий на мгновенную смерть, чтобы привлечь мужа на свою сторону в споре. Ужасный крик сообщил о том, что тонкий яд пополз по его венам. Прошло совсем немного времени, прежде чем он превратился в окоченевший, распухший и почерневший труп.

И так погибла злая Макуа, которая вышла замуж за гремучую змею и забыла отрезать ей хвост.

Гремучая змея очень часто фигурирует в индийских традициях. Они полагают, что он наделен большей проницательностью, чем любое другое животное, за исключением совы, и является особым их заступником перед Злым Духом. Их *Окки*, или "Дух Врачевания", чаще всего является гремучей змеей, чем любым другим животным — его зубы и погремушки неизменно входят в состав их аптек. У них есть предание, что когда-то между могавками и Гремучими змеями состоялась великая беседа, или совет, и между двумя народами установился "прочный мир", который длился до прихода белых.

Примечания.

(1) *Поклянись следовать за вождем.*—стр. 153.

Все те, кто записывается в военную экспедицию, дарят вождю кусок коры со своим клеймом на нем, и тот, кто после этого отступит, вряд ли будет в безопасности при жизни; по крайней мере, он будет обещан навсегда.

Однажды завербовавшись, поворачивать назад, по их мнению, настолько позорно, что они скорее идут навстречу смерти, чем покоряются ей. Они воплощают этот рыцарский принцип в такой степени, которая не находит параллели ни в современной, ни едва ли в древней истории. Льюис и Кларк в своей "Экспедиции вверх по Миссури" (т. 1. с. 60, Филадельфия, 1814) говорят об ассоциации среди янктонов, "самых храбрых и активных молодых людей, которые связаны друг с другом привязанностью, скрепленной обетом *никогда не отступать ни перед какой опасностью и не уступать дорогу своим врагам*". Когда янктоны переправлялись через Миссури по льду, прямо на их пути лежала яма, которой можно было бы легко избежать, пойдя в обход. Передовой из отряда пренебрег этим, но пошел прямо вперед и погиб. Остальные хотели последовать его примеру, но были насильно остановлены остальным племенем. Когда-то таких воинов было двадцать два, но в битве с индейцами-кайтами в Черных горах восемнадцать из них были убиты; остальных четверых утащили с поля боя их товарищи".

(2) *Пятно, которое забыл выровнять Великий Дух.*—стр. 153.

Индейцы верят, что сначала земля была сложена очень неплотно и не предназначалась для чьего-либо постоянного проживания. Их мнения относительно шероховатости поверхности разнообразны и забавны. Я спросил одного индейца племени чероки, почему поверхность земли такая неровная. После минутного колебания он ответил: "Это было сделано в поединке по борьбе и боксу между Великим Духом и Злым Духом. Пока они дрались, последний, обнаружив, что его легко передвигают, время от времени упирался ногами в землю, чтобы дольше стоять. Долины были ямами, в которых ступали его ноги, а холмы и горы - выброшенным песком".

ДУХ ОГНЯ.

Мои братья знают, - сказал нансемондский воин, - что у нашего племени есть обычай сжигать каждое время года большую поляну, или прерию, лежащую за холмом, которую Великий Дух поразили своими молниями в Жаркую Луну. Ежегодно они видят пламя, пожирающее сухую и спелую траву, но они не знают, что привело к появлению этого обычая; вероятно, они никогда не слышали, что это делается во исполнение торжественного обещания, данного их отцами Духу Огня. Пусть они послушают, и я расскажу им эту историю.

Давным-давно, когда нансемонды воевали против эри, которые жили на берегах озера с таким названием, они были пойманы в узкой долине или овраге, лежавшей между двумя высокими холмами. Один из выходов в эту долину открывался в озеро; другой, тот, по которому они вошли, был занят вскоре после того, как они вошли в него, и на некоторое время, без их ведома, сильным отрядом их врагов. Вполне может возникнуть вопрос, почему группа воинов, хитрых, проникательных и опытных, какими были Нансемонды, должна была таким образом быть поймана, как глупый бобр в капкан. Я скажу воинам — они были заманены в эту опасную долину плутоватыми и распутными выходками Духа Огня.

Этот поспешный и вспыльчивый дух, который очень хорош и добр, когда его хозяин держит его в должном подчинении, но который, когда он выходит из-под его контроля, никогда не упускает случая натворить много бед, сжечь кукурузу и распугать зверей, которых Великий Дух дал индейцам, или уничтожить их пищу, прислал Чепиасквита^[43] возглавить нансемондов —глупых людей! они предположили, что это место для лагеря, где должны быть прохладная тень и пресная вода — и заманить их туда, где они станут легкой добычей своих врагов. У них и в мыслях не было входить в эту опасную долину. Вскоре после наступления темноты они увидели этот предательский шар на открытом пространстве перед собой и, полагая, что это светильник, протянутый дружественным духом, чтобы провести их, как я уже говорил ранее, к месту отдыха и безопасности, они последовали за ним без колебаний и, таким образом, оказались полностью во власти своих врагов. Но они были хорошими воинами — людьми, испытанными и зарекомендовавшими себя во многих смертельных конфликтах, и такие никогда не чувствуют прикосновения страха или не проявляют беспокойства, даже когда видят разожженный огонь и уготованные им пытки. Поэтому, когда они оказались в сетях своих врагов, подобно стаду буйволов, окруженному отрядом конных охотников, они хладнокровно сели, чтобы обдумать средства и прикинуть шансы на спасение.

Пока они сидели и разговаривали, внезапно в тени дерева неподалеку от них появился человек необычной формы и пропорций. Он был приземистым и таким толстым, что походил на освежеванную свинью, выращенную в сезон изобилия орехов и мацты. Его лицо было гораздо

шире, чем длинное, и плоть и жир ниспадали большими складками на его тело, ноги и руки, которые были совершенно обнажены и цвета яркого огня; его волосы торчали во все стороны, как языки пламени, раздуваемые порывистым ветром; а когда он открывал рот, исходящее из него дыхание ощущалось обжигающим на расстоянии половины выстрела из лука. Его глаза, которые были двумя горящими углями, испускали искры, как кусок березового дерева, смоченный в горькой воде [44]. Нансемонды были охвачены великим ужасом при виде этого отвратительного Духа, и прошло много времени, прежде чем они осмелились заговорить с ним. Собравшись с достаточным запасом храбрости, они направились к нему, и предводитель отряда обратился к нему так:

"Кто ты?"

"Дух Огня", - ответил он.

"Где твоё жилище?"

"Мое жилище находится во многих и разнообразных местах — в пещерах земли, и где бы ни обитали смертные, там нахожусь Я".

"Почему ты, Дух, заманил нас в сети наших врагов, Эри? Узри, что мы пойманы в ловушку, как волк попадает в ловушку хитрого охотника".

"Тогда я вкушу мести!" - ответил Дух и разразился шипящим смехом. "Разве вождь нансемондов не помнит, что, когда я своим дыханием разжег костер во время сильного ветра и наслаждался великолепной перспективой отдать сухую прерию всепожирающему пламени, мужчины его народа собрались и сначала отразили, а затем и погасили это пламя. С этого момента я искал мести — я нашел ее — самые храбрые из Нансемондов пойманы, как куропатка в сеть, и вскоре, подобно этой куропатке, станут пищей для нарушителя спокойствия".

"Хотя мы тогда и согрешили против тебя, - ответил вождь, - но разве во все другие времена мы не были твоими истинными почитателями? Когда видели твои огненные метеоры, пересекающие долины и вспыхивающие, как звезды, над прериями, мы склоняли головы или возвращались в свои хижины, пока они не прошли, и в обоих случаях не смогли смягчить гнев Того, кого мы считали их повелителем. И все же, Дух, ты отдал нас в сети наших свирепых врагов, эри!"

Со странным смехом, который был чем-то средним между шипением и ревом, Дух ответил вопросом: "Откуда ты знаешь, что я отдал тебя в сети твоих свирепых врагов, Эри?"

- Какова ширина долины, в которую завлек нас твой предательский глаз? - спросил надменный Вождь.

"Едва ли на два выстрела из лука", - ответил Дух.

"У входа в него, по обе стороны узкого прохода, стоят Эри, хорошо вооруженные луками, стрелами и копьями, ожидающие, как хитрый кайман поджидает в осоке ничего не подозревающую водяную утку".

- По обе стороны узкого прохода действительно поджидают Эри, как кайман поджидает водяную утку.

- Значит, вы навлекли Нансемондов на опасность, от которой нет спасения?

- А у долины нет другого конца? - спросил я.

"Есть, и какая от этого польза? Так же сильно, как лук и стрелы в руках того, у кого отнялись глаза, или копье в руках парализованного человека. По обе стороны долины далеко вдаются в озеро холмы, на отвесные склоны которых не может взобраться никто, кроме духа; и где каноэ, которые доставят нас в безопасное место?"

- Что дадут Нансемонды, если Дух Огня освободит их от опасностей, которые их окружают?

"Они будут ежегодно разжигать огонь во время сильного ветра, чтобы их избавителю представилась великолепная перспектива увидеть сухую прерию, охваченную всепожирающим пламенем".

- Хорошо! при этом условии я спасу тебя.

С этими словами он встал и, зачерпнув из лужи посреди долины пригоршню ила, скатал его в шарик, при этом дыша на него, пока тот не стал цвета его лица; сделав это, он надел его на большой палец правой ноги и, подбросив в воздух, назвал "*Чепиасквит*", приказал ему "привести добрый народ Нансемондов в безопасное место". С этими словами он повернулся к воинам и велел им следовать за своим проводником, который скоро выведет их из затруднения; и он велел им не забывать о своем обещании поджечь прерию во время сильного ветра в честь того, кто правит этой стихией. Произнеся эти слова, он начал исчезать из их поля зрения, как гаснет огонь, в который не подлили топлива. Сначала исчезли искры из его глаз, затем его дыхание перестало быть горячим и обжигающим, а глаза красными и пылающими, и вскоре осталось лишь смутное сходство с существом, имеющим форму человека. Еще немного, и даже это слабое мерцание исчезло.

Нансемонды поднялись и уверенно последовали за огненным шаром вниз по долине. Пройдя некоторое время по открытой тропинке, они вдруг вышли на берег озера; они увидели, как его маленькие волны набегают на гладкий песок, и звезды отражаются в прозрачных водах. Огненный шар теперь изменил свой курс вдоль берега. Следуя по ней, они подошли на расстояние трех выстрелов из лука к небольшой бухте, где нашли несколько каноэ, хорошо снабженных веслами, и в каждом лежал калек из хорошего нешкаминника и кусок жареного оленьего мяса. Они сели в каноэ и отправились к озеру. И снова шар Духов уговорил их идти дальше. Теперь темнота скрывала луну и звезды, но это только делало их путеводный свет более заметным. Следуя по нему до рассвета, они снова высадились на берег и, к своей великой радости, оказались у подножия хорошо знакомой тропы, которая вела от озера в их родную страну. Шар-Дух исчез, но сначала он вывел их за пределы досягаемости опасности. Несколько солнц - и наши отцы снова стояли на берегах своей собственной чудесной реки Нансемонд, слушали веселый лепет своих детей и смотрели в ясные глаза своих любящих жен.

И при этом они не забыли своего обещания Духу. Ежегодно, во время сильного ветра, они разжигали костер в сухой прерии, чтобы их избавитель мог насладиться великолепной перспективой увидеть, как его охватит всепожирающее пламя. Воины знают, что этот обычай сохранился до сих пор; они знают, что каждый год в Полнолуние, когда трава в прериях созрела и высохла, вождь или жрец выходит на место и, положив в траву зажженный уголек, кланяется ему, произнося эти слова: "Благодарю тебя, Дух!" - когда трава немедленно вспыхивает, а прерия объята пламенем.

ПРОИСХОЖДЕНИЕ ЖЕНЩИН.

Было время, когда по всему острову, ни на суше, ни в воде, ни в поле, ни в лесу, нельзя было найти ни одной женщины. Тщеславных существ было предостаточно — здесь были индейка, и лебедь, и голубая сойка, и лесная утка, и птица вэйкон; и шумных, болтающих, поющих созданий, таких как галка, и дрозд, и грач, и луговая собачка, было в изобилии - и того и другого было больше, чем радовало слух, — но женщин, тщеславных, шумных, смеющихся, болтающих женщин, не было ни одной. Это был, действительно, довольно тихий мир по сравнению с тем, что есть сейчас. Будет ли она лучше и шумнее, во многом будет зависеть от мнения людей о тех, кто изменил ее характер со спокойного и миролюбивого на буйный и шумный. Некоторые подумают, что это значительно улучшилось благодаря обстоятельству, лишившему кикапу их хвостов, в то время как другие будут сильно сожалеть об этом.

В то время, о котором я рассказываю моему брату, кикапу, да и вообще все краснокожие люди, где бы они ни водились, — а в то время в мире не было никого, кроме краснокожих людей, — были снабжены длинными хвостами, как у лошадей и буйволов. Было очень удобно иметь эти придатки в стране, где мух было много и они доставляли беспокойство, как это было в стране кикапу — хвосты были гораздо более резкими в движениях, чем руки, и более удобно расположены, как должен видеть каждый, для отгоняния мух, сажащихся на спину. Тогда они были очень красивыми, эти длинные хвосты, особенно когда были красиво раскрашены и украшены, как их украшали их владельцы, бусинками, ракушками и вампумом — и поскольку они предназначались для естественного украшения животного, лишение его этого вполне могло вызвать, что и произошло, много игр и веселья среди других животных, которые не были вынуждены мириться с лишением. Лис, который довольно дерзок, долгое время после того, как они были отрублены, каждый день посылал к кикапу справляться, "как у них хвосты", а медведь тряс своими жирными боками от смеха над шуткой, которую он считал очень удачной, о том, чтобы послать одного из своих детенышей с просьбой о "дюжине запасных хвостов".

Я уже говорил, что во всей стране не было женщин. Там были люди — их было много, земля была кишмя кишита ими — не рожденными, а созданными из глины - и оставленными запекаться на солнце, пока они не обретут жизнь, — и эти люди были очень довольны и счастливы. Войн тогда было очень мало, ибо никому не нужно говорить, что половина возникших войн была вызвана ссорами из-за любви к женщинам, а другая половина - из-за их содержания. На всей земле царили всеобщий мир и гармония. Кикапу ели мясо своего оленя вместе с потоватоми, охотились на выдру вместе с осейджами и на бобра с гуронами; а свирепые ирокезы, вместо того чтобы поднимать дикий боевой клич, отправились в страну сауков и айовеев покупать вампум, чтобы украсить им свои хвосты. Краснокожие были бы счастливы, если бы они все еще были снабжены этими придатками и нуждались в тех, которые были предоставлены вместо них, — женщинах!

Но последствия, которые обычно сопутствуют процветанию, произошли с индейцами. Они стали очень гордыми и тщеславными и забыли своего создателя и хранителя. Они больше не приносили самую жирную и отборную дичь *намемахоппу*, или алтарный камень, и не выказывали никакой благодарности, не пели и не танцевали в его честь, когда он посылал свои дожди, чтобы очистить землю, и свои молнии, чтобы охладить и очистить воздух. Когда их

кукуруза созревала и становилась высокой, они приписывали это своему собственному хорошему поведению и хозяйствованию; когда их охота была успешной, их собственному мастерству и настойчивости. Не считаясь, как в прошлые времена, с верховенством Великого Духа над всеми вещами, они полностью изгнали его из своих гордых и надменных сердец, научив их забывать, что есть нечто более великое и могущественное, чем он сам.

Хотя Великий Дух не спешит впасть в гнев и долго выжидает, прежде чем вспомнить о полученных им провокациях, в конце концов, когда искупление не совершается, он всегда налагает адекватное наказание за каждый проступок. Видя, какими злыми стали индейцы, он сказал своему Маниту: "Пришло время наказать кикапу и других краснокожих. Они смеются над моими раскатами грома, они высмеивают мои молнии и ураганы, они пользуются моими щедротами, не поблагодарив меня за них. Когда их кукуруза созревает и становится высокой, вместо того чтобы приписывать ее пышность моим теплым солнцам и живительным ливням, они говорят: "Мы хорошо с ней справились"; когда их охота оказывается успешной, они приписывают это своему собственному мастерству и упорству. Не считаясь, как в прошлые времена, с моим надзором за всеми вещами, они полностью изгнали меня из своих надменных сердец и приучили себя забывать, что есть нечто более великое и могущественное, чем индеец".

Сказав это, он приказал своему главному Маниту отправиться в места обитания красных людей и, чтобы наказать их за их злодеяния, лишить их того, что они больше всего ценили, и насладиться на них бич и скорбь, соответствующие их преступлениям. Дух повиновался своему хозяину и спустился на землю, осветив земли, занятые кикапу. Вскоре он обнаружил то, что этот народ и другие индейцы ценили больше всего. По тому, как они старались украсить свои хвосты яркими красками, бусинками, ракушками и вампумом, он понял, что они ценили их превыше всего остального. Созвав всех краснокожих, он ознакомил их с волей своего хозяина и потребовал немедленного принесения в жертву предмета, которым они так дорожили. Невозможно описать печаль и раскаяние, которые наполнили их груди, когда они обнаружили, что расплатой за их злодеяния должен был стать этот прекрасный и любимый придаток. Но их молитвы и мольбы о том, чтобы их избавили от унижения и жертвоприношений, были напрасны. Дух был неумолим, и они были вынуждены положить свои хвосты на плаху и наблюдать, как их ампутировали.

Когда наказание было частично исполнено, Дух затем вспомнил о даре, который должен был стать для них "бичом и страданием, адекватными их проступкам". Это было сделано для того, чтобы превратить обрубленные таким образом хвосты в тщеславных, шумных, болтающих, смеющихся существ, чьи лица должны были быть подобны небу в Луне Растений, а сердца должны были быть коварными, непостоянными; и все же, как ни странно, их следовало любить превыше всего остального на земле или в небесах. Ради них жизнь часто подвергается риску — репутация, слава и добродетель часто утрачиваются — причиняются боль и позор. Они должны были стать бременем, возложенным на плечи и без того перегруженного человека; и все же это бремя он скорее стремился бы нести, чем отказаться. Далее он распорядился, чтобы они сохранили эластичность материала, из которого были изготовлены, и они сохранили это по сей день.

Великий Дух, решив, что неприятности, которые он причинил краснокожему человеку, недостаточно разозлят и накажут его, решил добавить еще одно наказание, жало которого, хотя и не такое сильное и надоедливое, не должно было принести никакого облегчения. Он насладился

огромные стаи мускитосов. Лишенные хвостов, которыми можно было отмахиваться от мух к удовольствию тех, кто их носил, индейцы долгое время влачили жалкое существование. Мускитосы жалили их, а их хвосты дразнили. Маленькие насекомые постоянно беспокоили их, а их резвые спутницы, женщины, были кем угодно, только не чашей с целебным напитком. Наконец Великий Дух, видя, как страдают бедные индейцы, милосердно вывел большую часть мускитосов, оставив несколько в память о вредителе, который прежде досаждал им. Кикапу просили, чтобы у них также забрали женщин и вернули их старые придатки, но Великий Дух ответил, что женщины - неизбежное зло, и они должны остаться.

ХОЛМ ПЛОДОРОДИЯ.

ТРАДИЦИЯ МИННАТАРИЕВ.

На расстоянии солнечного полета от ручья, называемого на языке белых людей Ножевым ручьем, который разделяет большие и меньшие города Миннатариса друг от друга долиной шириной не более четырех выстрелов из лука, есть два небольших холма, расположенных на небольшом расстоянии друг от друга. Эти холмы известны у всех народов запада способностью, которой они когда-то обладали, приносить облегчение тем женщинам, которые прибегали к ним с целью поплакать и оплакать то обстоятельство, что у них нет детей. Именно там, если они были осторожны в произнесении надлежащих молитв и использовании надлежащих причитаний, упрек в бесплодии был снят; и те, чьи руки никогда не держали собственного младенца, чьи уши никогда не слышали невинного лепета детей, рожденных их собственными телами, могли наслаждаться величайшим из человеческих счастья; могли ощутить изысканное удовольствие, которое возникает, когда маленькие создания прижимаются к их коленям или берут пищу жизни из их груди.

Давным-давно, много лет назад, среди миннатариев жила женщина, которую звали Намата-вашта, или Красивое Дерево. К несчастью, она была замужем, когда была еще совсем ребенком, за очень гордым и плохим человеком, который вскоре стал обращаться с ней с большой жестокостью и несправедливостью. Она была очень строгой и набожной поклонницей Великого Духа и никогда не упускала случая, будь то в поле или в хижине, ночью или днем, вознести молитвы и часть каждого приобретения тому Существо, которое даровало ей это. Великий Дух увидел ее доброту и полюбил ее. Он вырастил у нее кукурузу гораздо крупнее, чем у любой другой женщины в деревне; и урожай в ее саду всегда был намного раньше и качественнее. Но она была бесплодной женщиной, и отсюда происходили ее страдания. Семь томительных сезонов прожила она в вигваме своего мужа; и в то время как у семи других его жен на коленях сидели дети, восклицая: "Мама моя!" - никто не называл ее этим нежным именем и по—детски шепелявил о ее восторге, когда она возвращалась с маисового поля, и не дарил ей невинных ласк после разлук, которые неизбежно происходят в лесной жизни. Отсюда происходила крайняя суровость ее мужа и постоянные насмешки со стороны жен, которые были благословлены потомством. Добрая Намата-вашта долгое время терпела их дурное обращение, не жалуясь; но, в конце концов, часто повторяющиеся жестокости ее мужа и непрекращающиеся оскорбления ее товарищей стали ей так тягостны, что она привыкла убегать от них в уединение леса.

Однажды вечером она вышла из хижины своего мужа и добралась до ближайшего из двух небольших холмов, о которых я рассказывал своему брату. На этом холме она уселась и была занята оплакиванием своего рокового несчастья бесплодия и молитвой Великому Духу отвратить его, когда кто-то прошептал у нее за плечом: "Намата-вашта!"

Подняв глаза, она увидела высокую женщину, одетую в длинное ниспадающее одеяние из белой козьей шкуры; ее мокасины были кроваво-красного цвета; глаза были черными, как скорлупа сливочного ореха; ее волосы, которые тоже были черными, были украшены яркими цветами. После того, как она некоторое время молча смотрела на плачущую Наматашту с видом большого сострадания, она сказала ей мягким голосом: "Женщина, почему ты плачешь?"

"Я плачу, - ответила бедная индианка, - потому что я не родила своему мужу детей!"

"И поэтому ты плачешь, введенная в заблуждение и влюбленная женщина! Скорее тебе следовало бы радоваться, что ты не способствовала увеличению количества человеческих страданий. Гораздо счастливее та, кто ничего не добавила в отношении детей к сумме человеческих страданий, чем та, кто стала матерью и видит, как ее отпрыски гибнут в битвах воинов, или от голода, или от нищеты, или от изнуряющих болезней. То, что ты не произвела на свет наследников несчастья, должно доставлять тебе радость, а не печаль, Намата-вашта!"

- Но поэтому я мало значу и не представляю никакой ценности в доме моего мужа. Мое место узурпируют те, у кого есть дети; другие жены моего мужа требуют и пользуются правом возлагать на меня тяжелое и позорное бремя, потому что я бесплодна. Мой муж избивает меня, его жены осыпают меня насмешками и упреками — даже деревенские дети, когда я прохожу мимо них во время их игр, кричат: "Бесплодная женщина!" И поэтому они постоянно беспокоят меня, пока я не буду вынужден улететь в пустыню за отдыхом и умиротворением!"

"Хотела бы ты стать матерью детей, Намата-вашта?"

- Я бы так и сделал.

"Твое желание исполнится. Прислушайся к моим словам. Холм, на котором ты сидишь, когда-то был прекрасной женщиной, а его сосед, другой, более крупный холм, был мужчиной и воином. Женщина, которая является холмом, на котором мы сейчас стоим, была первой женщиной, которая когда-либо жила, и первой, которая когда-либо стала матерью. Я скажу тебе, Намата-вашта, кем она была. Когда Великий Дух решил заселить Остров человеческими существами, он повелел им взойти из земли, как в наши дни вырастают кукуруза и овощи; и повелел каждому взять качество и природу почвы, в которой он пророс. Краснокожий человек выбрался из богатой и зимостойкой прерии, окруженной высокими деревьями; белый человек пустил корни на каменистом, поросшем крабами холме; и оба сохранили свою изначальную природу.

"Женщина, ставшая этим холмом, выросла на глубокой и очень жирной почве и оттуда стала очень плодородной - самой плодородной женщиной, когда-либо известной. Она вышла из земли в первый день Луны Бизонов, и, прежде чем она повисла в небесах, как согнутый лук, у ее груди родился ребенок. Каждую луну она дарила своему мужу сына или дочь, и все эти сыновья и дочери были одинаково плодовиты, как и их мать. Великий Дух, видя, что если человечество продолжит так плодиться, Остров вскоре будет перенаселен жителями, решил отнять у пары дыхание, которое он им дал, а вместе с ним и силу неограниченного продолжения рода и плодовитости, переданную их потомкам. Он превратил их в эти два холма. Но чтобы

способность, которой они обладали в такой замечательной степени, не была потеряна для мира, а могла по-прежнему предоставляться тем, кто в ней нуждался и должен был искать ее надлежащим образом, он сказал холму, который был плодоносящей женщиной: "Всякий раз, когда бесплодная женщина приближается к тебе, искренне сетуя на свою тяжелую судьбу и должным образом моля о пощаде, ты должен слушать ее с жалостью и состраданием. Я наделяю тебя силой исполнять ее молитвы. Ты должен попросить ее вернуться в свою деревню и вернуться на ложе своего мужа. Когда пройдет двенадцать солнц, она вернется к тебе вскоре после рассвета. Подойдя к тебе поближе, она увидит ребенка, возможно, двух детей, очень легких на ногу и ростом едва ли превышающих белку. Она должна приблизиться к ним, но они будут убегать от нее, и ее предельная скорость не позволит ей догнать их. Они бросятся на твою защиту, и ты не должен отрицать этого — их нужно принять в свое лоно. Холод их холодного убежища уничтожит их, и их души войдут в лоно просящей женщины, и она станет плодотворной и почитаемой матерью".

"Это были слова Великого Духа; и часто ощущалась сила, которую он передал этому холму, снимая поношение с бесплодных женщин. Намата-вашта, иди ты и делай то же самое. Следуй указаниям, которые я дал тебе, и, если рождение детей сделает тебя счастливой, ты будешь счастлива — если быть матерью более многочисленного потомства, чем любая жена в твоём народе, может сделать тебя почетной женщиной, ты будешь удостоена чести".

С этими словами Дух исчез на глазах Намата-вашты, которая больше никогда ее не видела. Она вернулась в хижину своего мужа, повиновалась словам незнакомца и увидела, как произошли предсказанные результаты. Она стала матерью более многочисленного потомства, чем любая женщина ее народа, возглавила ложу своего мужа и была любима им больше, чем любая другая из его жен. Она стала столь же почитаемой народом, как и прежде, презираемая им, и умерла с репутацией величайшей благодетельницы нации, которая жила со времен двух мудрых мальчиков, открывших высший мир [45].

Способность, которой обладал этот холм, приносить плодородие сохранялась до тех пор, пока злобность Миннатаригов не стала настолько вопиющей, что Великий Дух, решив, что этих плохих людей будет предостаточно, если предоставить им естественные средства размножения, изъял ее и никогда больше не восстанавливал.

РАССКАЗЫ О ПРИЗРАКЕ БЕЛОГО ЧЕЛОВЕКА.

И. ГАРАНГА.

Если ноги моего брата из далекой страны когда-либо приводили его к тому месту, где Освегачи впадает в реку, называемую его народом Святым Лаврентием, он, должно быть, видел разрушенную каменную стену, которую тот же самый народ построил очень скоро после того, как они овладели Высокой Скалой и превратили ее в великую деревню бледнолицых. В то время краснокожие жители дикой природы были не очень хорошо расположены к пришедшим к ним чужакам, рассматривая их как волков, пантер и катамаунтов, которые очень мешают индейцам, и поэтому они как можно скорее избавились от них. Наконец, великий вождь или губернатор города Хай-Рок, обнаружив, что людям, которых он оставил за большими стенами, которые он

построил на реке Освегачи, каждую минуту грозила опасность быть перебитыми их свирепыми и воинственными соседями, ирокезами, отозвал своих солдат под свое крыло после их опасного бегства и приказал им больше не подниматься в этом опасном направлении. Так что высокие стены, которые он воздвиг, чтобы служить преградой лесному воину, рухнули на землю и так и не были восстановлены. Над ними выросла трава, среди них засвистели ветры, и множество духов, белых и красных, пришли и поселились в углах и укромных уголках опустевшего жилища.

Среди белых духов, обитавших в разрушенном форте, был один, который был очень добр к индейцам и часто вел с ними долгие беседы, хотя они никогда его не видели. Часто, когда солнце удалялось на свое место отдыха за западные горы — ибо оно поддерживало беседу только тогда, когда тьма покрывала землю, — индейцы выходили за пределы руин, и, взывая к "Хорошему Малышу", он приходил и развлекал их, пока пурпурные и серые тона утра не засияли на востоке неба, рассказами о своей собственной бледной расе и о другой, красной, связанной с ними. Нетерпеливым слушателям рассказывали о хижинах, в которых поклонялись Великому Духу, которые были в два раза шире полета стрелы и в три раза длиннее ее полета, и были такими высокими, что на них не отважилась бы даже утренняя птица. И он научил их многому удивляться и немного смеяться, рассказав им, что, когда люди шли поклоняться Существо, в честь которого и для поклонения которому была построена хижина, они одевались в свои самые роскошные одежды и надевали длинные мантии, раскрашенные под веселых лесных птиц и подражающие яркостью красок луке в облаках после проливного дождя. Когда индейцы рассмеялись над этим, он сказал им, что Великий Дух, по мнению белых людей, никогда не слушает тех, кто плохо одет и "выглядит франтовато". Он сказал, что белые люди не похожи на индейцев; они поклоняются Хозяину Жизни только в седьмой день недели и несколько других дней, тогда как индейцы поклоняются ему каждый день — и это, по его мнению, самый лучший способ. И он рассказал индейцам много других вещей, уважая белых людей, живущих над Большим Соленым озером, некоторые из которых заставили их думать, что они очень мудрые, доблестные и благоразумные, но большая часть того, что он сказал, доказала, что они большие дураки. И когда он сказал им, что мужчины пропалывают кукурузу, в то время как женщины сидят, ничего не делая, или "скачут от хижины к хижине", индейцы, которые так хорошо узнали его, что могли говорить свободно, попросили его вернуться и рассказать своему народу, насколько лучше индейцы справляются с этими делами.

Однажды, когда он сидел и рассказывал свои истории удивленным гостям-индейцам, он сказал им: "Слышали ли вы когда-нибудь о Гаранге, прекрасной птице, которую человек из моего народа снял со своего насеста в хижине Белого журавля, великого воина ирокезов?"

Все индейцы ответили, что Нет; и они ответили бы так же, если бы услышали это двадцать раз, потому что он менял свои истории каждый раз, когда повторял их, как всегда делают бледнолицые; так что они были уверены, что у них будет новая история, хотя у нее и старое название. - Тогда я расскажу тебе это, - сказал он и начал так.

В этот форт, когда он еще стоял во всей своей гордости, прибыл молодой вождь моего народа, чтобы стать его губернатором. Он был всего лишь юношей, которому доверили столь высокий и ответственный пост, но, несмотря на юность лет, он был стар по пониманию. Кроме того, он был очень красив на вид, и его рост был самым высоким из сынов земли. Индейские девушки, посещавшие форт со своими отцами и братьями, много хвалили его прекрасную и

мужественную фигуру, а их друзья другого пола делали то же самое с его отвагой и превосходством в тех упражнениях, в которых нужно преуспеть, если хочешь завоевать уважение и возбудить благоговейный трепет у краснокожих людей леса. Мужчины сравнивали его быстроту с оленем, а ловкость - с горной кошкой, силу - с медведем, а отвагу - со всем, что есть отважного; женщины сравнивали его кожу с водяной лилией, а глаза - с голубым небом, когда оно самое синее, а волосы - с шелковистыми кистями созревшей кукурузы, походку - с походкой оленя, а голос - с певчим воробьем. Все, что есть прекрасного среди творений природы, было приведено для сравнения, чтобы выразить свое восхищение грациозным и галантным незнакомцем.

Среди ясноглазых девушек, посетивших форт, как они говорили, чтобы купить бусы и веселые игрушки, но на самом деле посмотреть на благородного вождя, была прекрасная Гаранга, дочь одного из главных воинов ирокезов. Когда она впервые увидела его, ее маленькая грудь наполнилась пламенем любви, но она никогда никому не говорила об этом. Пока другие девушки сидели, повторяя нежные слова, которые он прошептал им на ухо, потому что у него был раздвоенный язык, которым всегда обладают белые люди, кроткая и прелестная дочь Белого Журавля ничего не сказала, только вздохнула. Красивый незнакомец с первого взгляда пленил ее сердце — ее маленькая грудь наполнилась любовью к благородному воину. И тот, кого она любила, не мог не отметить прелести девушки. Он выделял ее среди всех смуглых дев, в какой-то степени за красоту, но больше за мягкость и скромность, и спрашивал себя, какая из женщин его страны превосходит ее во всем, что могло бы доставить удовольствие тому, кто сделает ее своей. Его сердце ответило: "Нет". Итак, узнав по красноречивым глазам прекрасной девушки, что она полностью готова стать птицей в его доме, его спутницей, его женой, он спросил ее об отце. Вождь, гордый тем, что связан узами брака с таким выдающимся воином, без колебаний отдал ее ему, и она стала его женой.

Они поженились в Месяц Сбора Урожая, и был устроен большой пир, который порадовал сердца как белых, так и краснокожих. Раздалась громкая пушечная пальба, и пожиратель огня был отдан индейцам, которые очень опьянели и снова огласили лес своим неистовым весельем. Еще до того, как наступил месяц, в который индейцы собирают кукурузу, в доме губернатора появился птенец того же пола, что и его отец. Не успел ребенок прожить и луны, как отец сказал матери задумчиво, но ласково:

"Любишь ли ты своего мужа?"

"Только Великий Дух знает, насколько сильно и насколько глубоко", - ответила любящая жена.

"Радуетесь ли ты ясным глазам, улыбающимся щекам и прелестному смеху нашего маленького сына?"

"Я безмерно рада за нашего сына", - ответила мать, прижимая своего младенца теплыми объятиями к груди. "Когда я смотрю на его юное лицо, и его тихий смех звенит у меня в ушах, и когда я вижу яркий свет его глаз, сияющих на мне, как звезды, мое сердце подпрыгивает, как у оленя, насмерть пораженного стрелой охотника. И часто, пока ты дремлешь рядом со мной, я лежу без сна, и мои глаза наполняются слезами при мысли, что он может умереть. И все же я испытываю огромную радость от нашего ребенка".

"Разве тебя не огорчает мысль, что ты, и он, и я, возможно, не встретимся вместе в стране душ?"

"Мы не можем встретиться вместе в стране душ? Почему? Ты послал стрелу в мое сердце, муж мой. Почему врата смерти разделяют тех, кто любил друг друга при жизни?"

"Наши боги разные, и обители душ белого и краснокожего человека далеко друг от друга".

"Почему ты не хочешь прийти в землю, где хранятся души усопших *измоей* расы? Ты любитель охоты и часто предпочитаешь времяпрепровождение в виде охоты на оленя, медведя и пантеру в диком лесу отдыху в объятиях своей Гаранги. В стране — *моей* стране душ - ты будешь наслаждаться своим любимым занятием. Там ты можешь вести оленя по цветущим лугам и по травянистым холмам и ничего не знать о горьких препятствиях, которые преграждают путь земному охотнику. Для нас будет построена приятная хижина на берегу спокойной реки в этой стране — и на зеленых берегах, в широко раскинувшейся тени вечнозеленых лиственниц и кипарисов, будет назначен наш отдых. Вознесись на *мои* небеса, мой возлюбленный муж!"

"Гаранга! моя прекрасная Гаранга! мать моего сына! этого не может быть!" - ответил муж. "Рай христианина не похож на рай неверного, и он не представляет себе тех наслаждений, которые, по твоему представлению, должны быть уготованы храброму воину и умелому охотнику — всем, кто верно выполняет свой долг в меру своих сил".

"Тогда я отправлюсь с тобой на твои небеса, ибо я не хочу разлучаться с тобой!" - ответила любящая жена. "Научи меня, как я должен поклоняться *твоему* Учителю, ибо, увы, я не знаю его путей".

Так прекрасная Гаранга отреклась от религии своего народа и повесила себе на шею серебряный крест и четки, которые символизировали веру ее любимого мужа. Напрасно ее отец и его соплеменники уговаривали ее бросить мужа и вернуться к ним и к вере, в которой она была воспитана. Ее любимый брат Мекуме пришел и умолял ее, руководствуясь всеми мотивами национальной гордости и семейного тщеславия, вернуться к своему народу в этом мире, чтобы она не была разлучена с ними в стране душ. Но юная Гаранга, которую ее муж назвал Маргаритой в честь женщины его собственного народа, была связана тройственными узами — любовью к мужу, к сыну и к своей религии. Поняв, что уговорами ему не добиться успеха, хитрый Мекумех прибегнул к хитрости. У мужа была привычка часто спускаться по реке на рыбалку, и, когда он возвращался, он стрелял из своего сигнального ружья - и его жена спешила со своим маленьким сыном встретить его на берегу и запечатлеть на его щеке нежный приветственный поцелуй.

Однажды он отсутствовал дольше обычного, почти на целую луну. Гаранга была полна дурных предчувствий, вполне естественных для человека, нежно любящего, и в то время, когда неминуемые опасности и попытки побега были обычным делом — когда было известно, что люди ее страны, недовольные ее мужем за то, что он отвратил ее от веры отцов, вынашивали глубокие планы мести. Она сидела в высокой башне, откуда открывался вид на большую часть окружающей местности, и наблюдала за возвращающимся каноэ, пока последний луч дня не исчез над водами, и о том, что оно когда-либо было величайшей звездой, можно было догадаться только по яркому лучу, который задержался в складках западных облаков. Сгущающиеся сумерки сыграли злую шутку с ее воображением, и она часто видела вещи, которые казались ей тем, к чему стремилось ее сердце, но которые были всего лишь порождением фантазии, движимой намеком на надежду. Однажды она была напугана водоплавающей птицей, которая, скользя по поверхности воды, представляла в ее

воображении легкое каноэ, приводимое в движение сильной рукой ее мужа. Она снова услышала плеск тяжелого мускалонги, и плеск воды показался ей первым взмахом весла. Это прошло, а за ним последовали разочарование и слезы. Рядом с ней был маленький мальчик; он носил то же имя, что и его отец, и унаследовал воинственный нрав и любовь к отваге, которые выделяли его среди своих товарищей. Рожденный и воспитанный среди людей войны, он умел обращаться с луком и мушкетом; храбрость и отвага, казалось, были его инстинктом, опасность - его стихией, а битвы, раны и подвиги доблестных людей были для него нарицательными. Он посмеялся над страхами своей матери, но, несмотря на насмешки мальчика, они усилились, пока опасения не стали казаться реальностью, и она не заплакала от горя из-за воображаемой смерти своего любимого мужа.

Внезапно тишину ночи нарушил звук сигнального ружья. И мать, и сын вскочили на ноги с криком радости и, взявшись за руки, устремились к внешним воротам, когда часовой или солдат, назначенный охранять их, остановил их, чтобы напомнить, что это приказ ее мужа, согласно которому никто не должен выходить за пределы стен после захода солнца. Она, однако, настояла на том, чтобы пройти, и, сказав солдату, что ответит перед своим мужем за нарушение приказов, миновала внешний барьер. Юный Людовик поднял свой лук и стрелы перед часовым, весело сказав: "Ты же знаешь, я телохранитель своей матери". Часовой увидел слезы любящей жены, уступил дорогу и позволил ей пройти.

Расстояние от форта до места, где командир белых людей обычно пришвартовывал свое каноэ, было незначительным и быстро преодолено. Гаранга и ее маленький сын полетели по узкой тропинке и вскоре достигли берега. Но, увы! вместо лица, которое она любила, и формы, которую она с нежностью ожидала прижать к своей трепещущей груди, она увидела свирепого Мекуме. На небольшом расстоянии от него стояли его спутники. Мольбы и увещевания были одинаково напрасны. Со стороны Гаранги сопротивление не предпринималось, но оно было оказано со всем мужеством воина молодым Луи, который выхватил нож из-за пояса одного из индейцев и попытался вонзить его в грудь Мекуме, когда тот грубо пытался завязать рот Гаранги своим поясом из вампума, чтобы заглушить ее крики. Дядя вырвал у него нож и гордо улыбнулся ему, как будто узнал в храбром мальчике отпрыска своего благородного и воинственного рода. "Ты будешь орлом своего племени, - сказал он, - что никому не покажется странным, поскольку та, что дала тебе жизнь, была дочерью самого доблестного вождя, бродящего по диким местам. У ребенка пантеры будет дух пантеры, и ему не нужно будет учить молодого медведя лазать по деревьям, а орленка летать".

У индейцев было два каноэ: Гарангу посадили в одно, Луиса - в другое; и оба каноэ направили в Освегачи и вверх по течению так быстро, как только было возможно, против течения реки.

Ни слова, ни крика не вырвалось у мальчика: казалось, он был сосредоточен на какой-то цели; и когда каноэ приблизилось к берегу, он сорвал с головы свою шапку из лисьей шкуры и бросил ее так ловко, что она застряла там, где он и предполагал, — на ветке дерева, нависавшей над водой. В шапочке было длинное белое перо. Индейцы заметили движения мальчика; они на мгновение подняли весла и, казалось, раздумывали, не вернуться ли им и не снять ли шапку, но через мгновение снова опустили весла в воду и двинулись вперед. Они продолжали грести еще несколько миль, а затем высадились на берег, спрятали свои каноэ за деревьями на берегу реки и вместе со своими пленниками углубились в лес. Индейцы намеревались вернуться к своим каноэ утром; и не успели они отойти далеко от берега, как разожгли костер, приготовили

немного еды и предложили разделить ее Гаранге и Луису. Бедный Гаранга был совсем не против поесть, но Луи ел с таким аппетитом, словно находился в стенах форта. Наевшись, индейцы растянулись перед костром, но не раньше, чем приняли меры предосторожности, привязав Гарангу к дереву и заставив Луи лечь в объятия брата его матери. Ни один из заключенных не сомкнул глаз в ту ночь. Луи не сводил глаз со своей матери. Она сидела прямо рядом с дубом; веревка была обвязана вокруг ее талии и обвязана вокруг дерева, пораженного молнией. Яркая луна лила свои лучи сквозь голые ветви на ее лицо, искаженное агонией отчаяния и страха. Одной рукой она поднесла к губам ставший теперь любимым символом веры ее мужа — распятие; другой сжимала другой символ — четки. Вид его любимой матери в такой ситуации пробудил смелые мысли в груди героического мальчика, но он бессильно лежал в обнаженных и мускулистых объятиях брата своей матери. Он попытался высвободиться, но при малейшем движении Мекуме, хотя все еще спал, казалось, был в сознании и притягивал его ближе к себе. Наконец крепкий сон, который глубокой ночью погружает чувства в полное забытие, овладел им — его руки ослабили хватку и безжизненно упали рядом с ним, освободив Луи.

Мальчик осторожно поднялся, посмотрел на индейцев и убедился, что все они крепко спят. Затем он завладел ножом Мекуме, который лежал у его ног, и перерезал веревку, привязывавшую его мать к дереву. Ни один из них не произнес ни слова, но, стараясь не шуметь, они продолжили путь, которым пришли с берега, — Луис с уверенностью, а Гаранга со слабой надеждой достичь его прежде, чем их настигнут.

Те, кто слышал это, легко могут себе представить, как часто бедная мать, робкая, как лань, пугалась вечернего ветерка, шевелившего листья, или полета птицы среди ветвей деревьев, но мальчик мчался вперед со всей отвагой своей расы (1), как будто в мире не существовало ни страха, ни опасности.

Разработан и выгравирован У. Х. Бруксом, А. Р. Н. А.

Мальчик осторожно высвободился из объятий Воина. *страница 204.*

Лондон, опубликовано издательством Colburn & Bentley, апрель 1830 г.

Они почти достигли берега реки, где Луис намеревался спустить на воду одно из каноэ и пуститься вниз по течению, когда до их ушей донесся крик индейца, разнесшийся по лесу. Их хватились, их преследовали, и побег был невозможен. Гаранга, грудь которой наполнился непреодолимым страхом, припала к земле. Ничто не могло остановить карьеру Луи. - Вперед, мама! — крикнул он. - К берегу! Она встала и инстинктивно последовала за своим мальчиком. Звуки погони раздавались все ближе и ближе. Они добрались до берега и увидели три каноэ, быстро плывущих вверх по реке. Окрыленный надеждой, Луи выкрикнул лозунг гарнизона, и ему ответил голос его отца.

Возможность побега и уверенное приближение ее мужа вдохнули в Гарангу новую жизнь. "Твой отец не может видеть нас, - сказала она, - пока мы стоим здесь, в тени деревьев; спрячься в той чаще, я нырну в воду". Луи присел на корточки под кустами и был полностью скрыт нависшей виноградной лозой, в то время как его мать сделала несколько шагов к воде, откуда ее можно было отчетливо разглядеть. Крик с каноэ возвестил ей, что ее узнали, и в тот же момент индейцы, которые к этому времени достигли берега, огласили воздух яростными и вызывающими криками. Они постояли мгновение, словно раздумывая, что делать дальше; Мекуме сохранял неустрашимый и решительный вид, но на его последователей, которые не обладали мужеством своей расы, вид вооруженных людей и силы, втрое превосходящей их по численности, произвел эффект, парализовавший их души. Они убежали. Он посмотрел им вслед, крикнул "Позор!", а затем с отчаянным воплем прыгнул в воду и встал рядом с Гарангой. Каноэ были уже в нескольких ярдах — он приставил нож к ее груди — "Дочь Белого журавля, - сказал он, - должна была умереть по приговору наших воинов, но теперь она должна погибнуть от руки своего брата". И он отвел руку, чтобы придать силы смертельному удару, когда стрела из лука храброго мальчика пронзила его грудь, и он упал без чувств рядом со своей сестрой. Мгновение спустя Гаранга была в объятиях своего мужа, а Луи с натянутым луком отскочил от берега и был встречен в каноэ своего отца; и дикие берега огласились приветственными криками солдат, в то время как слезы его отца дождем лились по его щекам.

Не умер и свирепый Мекуме. Его доставили в форт, его рана зажила, и он дожил до того, чтобы считаться одним из старейших мужчин своего народа. Любящая Гаранга убедила его принять религию, которая стала ее собственной, так что они, счастливо жившие вместе в этой жизни, не были разлучены рукой смерти, а вместе отправились на небеса белых людей.

ПРИМЕЧАНИЕ.

(1) *Мужество его расы.*—с. 205.

Североамериканский индеец не знает страха, он совершенно нечувствителен к опасности. Я сейчас имею в виду не ту удивительную стойкость, которую он проявляет, пока его враги проявляют свою хитрость и ловкость в придумывании и приведении в исполнение пыток, которые не поддаются описанию, а то качество, которое цивилизованные нации называют мужеством. Текумсе был одним из храбрейших людей, когда-либо живших, как и знаменитый Макинтош. Однако им должно быть позволено проявлять свою доблесть по-своему. Далее я

проиллюстрирую их замечательное и своеобразное использование этого качества, обратившись к некоторым хорошо засвидетельствованным примерам почти сверхчеловеческой отваги. Первый случай касается молодого вождя племени Андирондак, или алгонкинов, по имени Пискарет. Эта история еще раз проиллюстрирует способ ведения войны, используемый в этих кровавых экспедициях.

"Пискарет отправился в страну Пяти народов примерно в то время, когда начал таять снег, из предосторожности выставив заднюю часть своих снегоступов вперед, чтобы, если кто-нибудь наткнется на его следы, они могли подумать, что он пошел в другую сторону; и, для большей безопасности, пошел вдоль хребтов и возвышенностей, где растаял снег, так что его след часто терялся; когда он приблизился к одной из деревень Пяти народов, он прятался до ночи, а затем проник в хижину, пока все крепко спали, убил всю семью. , и отнес их скальпы в свое тайное убежище. На следующий день жители деревни тщетно искали убийцу. Следующей ночью он убил всех, кого нашел, в другой хижине. Жители на следующий день также тщетно искали убийцу; но на третью ночь в каждом доме была выставлена стража. Ночью Пискарет собрал в узел скальпы, которые он взял двумя предыдущими ночами, чтобы унести с собой в качестве доказательства своей победы, а затем тайком прокрался от дома к дому, пока, наконец, не увидел кивающего индейца, который нес вахту в одном из домов; он ударил этого человека по голове; но так как это встревожило остальных, он был вынужден немедленно бежать. Погоня, однако, не вызвала у него особого беспокойства, поскольку он был быстрее любого жившего в то время индейца. Время от времени он подпускал преследователей к себе, а затем убегал от них. Он сделал это с умыслом, чтобы утомить их надеждой догнать его. Когда начало темнеть, он спрятался, а его преследователи остановились передохнуть. Они, не опасаясь никакой опасности со стороны одного человека, вскоре уснули, и смелый Пискарет, заметив это, ударил их всех по голове и унес их скальпы вместе с остальными". — *"История пяти наций" Колдена, Лондон, 1747, стр. 26.*

Другой пример мужества и неустрашимости, о котором я расскажу, в то же время покажет отмену кровавого обряда, который, как говорят, был характерен для племени пауни лупс, - принесения умиловительных жертв Венере, или Большой Звезде.

"Иетанская женщина, которую привезли пленницей в деревню, была обречена на Великую Звезду воином, чьей собственностью она стала волею войны. Она прошла обычные приготовления, и в назначенный день ее повели к кресту среди огромного скопления людей, которым, возможно, так же не терпелось, как и их цивилизованным собратьям, стать свидетелями ужасов казни. Жертва была привязана к кресту кожаными ремнями, и после выполнения обычных церемоний ее страх перед более ужасной смертью должен был вот-вот рассеяться с помощью томагавка и стрелы. В этот критический момент Петалешару (сын Вождя Ножей) выступил вперед и поспешно, но твердо заявил, что это было желание его отца отменить это жертвоприношение; что, что касается его самого, он предстал перед ними с целью положить свою жизнь на месте или освободить жертву. Затем он перерезал веревки, которыми она была привязана к кресту, быстро пронес ее сквозь толпу к лошади, которую подарил ей, и, сам сев на другую, увез ее за пределы досягаемости для немедленного преследования; когда, снабдив ее едой и посоветовав ей как можно скорее добраться до своей страны, которая находилась на расстоянии по меньшей мере четырехсот миль, он был вынужден вернуться в свою деревню. Освобожденной изтанке, однако, посчастливилось в своем путешествии на

следующий день встретиться с военным отрядом своего собственного народа, который в целости и сохранности доставил ее к своей семье.

Потребовалось еще одно проявление твердости и решимости молодого воина, чтобы отменить это жертвоприношение, надо надеяться, навсегда. Следующей весной воин, захвативший в плен прекрасного испанского мальчика, поклялся принести его в жертву Великой Звезде и, соответственно, отдал его для этой цели под опеку магов.

Вождь Ножей, узнав о решимости воина, посоветовался со своим сыном о наилучших средствах предотвращения повторения ужасной церемонии. "Я спасу мальчика, - сказал Петалшару, - как и подобает воину, силой"; но Вождь Ножей, не желая, чтобы его сын снова подвергал себя такой неминуемой опасности, как та, с которой он однажды столкнулся в этом деле, надеялся заставить воина обменять свою жертву на большое количество товара, который он постарался бы раздобыть с этой целью. С этой целью он отправился к мистеру Паппану, который случайно оказался в деревне по торговым делам, и сообщил ему о своих намерениях. Мистер Паппан щедро пожертвовал значительное количество товаров, и многое было добавлено им самим, Петалешару и другими индейцами.

Все эти сокровища были сложены в кучу в жилище Вождя Ножей, который после этого вызвал к себе воина. Вождь вооружился своей боевой дубинкой и объяснил цель своего вызова, приказав воину принять товар и отдать мальчика, или приготовиться к немедленной смерти. Воин отказался, и вождь взмахнул своей дубинкой в воздухе в сторону воина. - Бей! - сказал Петалшару, который стоял рядом, чтобы поддержать своего отца. - Я навлеку на себя месть его друзей. Но более благоразумный и политичный вождь добавил еще несколько предметов к массе товаров, чтобы дать воину еще одну возможность уступить, не нарушая своего слова.

"Эта уловка удалась; товар был неохотно принят, и мальчик был освобожден". — *Отчет Джеймса об экспедиции в Скалистые горы*, ii, 81.

II. ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ ТЕКАРРЫ.

Было раннее наступление ночи, в теплый и прекрасный день месяца, который белый человек называет июнем, а краснокожий - Горячей Луной, когда небольшая флотилия, состоящая из трех небольших бато, снаряженных в Монреале и перевозивших отряд бледнолицых воинов под командованием человека с седыми волосами и лицом, испещренным шрамами, вошла в устье Освего [46]. К этому мелкому вооружению присоединилось в начале следующего сезона сна большое количество каноэ, в которых находились торговцы, ремесленники и чернорабочие со своими семьями, а также инструменты и утварь, которые были сочтены необходимыми для основания нового поселения, которое вождь чужеземцев намеревался основать на южном берегу озера Онтарио. Они привезли с собой, помимо большого количества провизии, обычные предметы, которыми можно было торговать с владельцами земли. Освего — как известно моим краснокожим братьям — в основном образуется слиянием истоков тех многочисленных небольших озер, которые разнообразят и украшают обширное пространство страны, лежащее между Великим Океаном и озером Штормов [47]. Его курс лежит на север, и, покругившись и вспенившись по узкому и перегороженному протоку, который природа, кажется, неохотно

предоставила для его прохождения, он находит покой в маленькой гавани, носящей его имя, которая смешивает его со спокойными, но могучими водами запада.

В восточной части этой гавани, на участке, достаточно возвышенном, чтобы контролировать вход в нее, эта группа отважных искателей приключений начала возводить защиту от нападений вашей расы. Прежде чем зимние морозы лишили листву окружающий лес, или вынудили дику утку искать убежища в уединенных водах теплого юга, или олени собрались на ложе из листьев в чаще, был возведен и достроен грубый, но эффективный барьер для вражеского нападения. Прошедшее лето ремесленники и чернорабочие провели не только в строительстве крепости, но и в возведении таких хижин и жилых помещений для воинов внутри ее ограды, которые считались необходимыми для защиты ее обитателей от пронизывающих ветров, холодных дождей и ледящих морозов зимы. Тем временем торговцы усердно и успешно обменивали свои бусы и безделушки, ножи, одеяла и горячую воду у жителей окрестных лесов на рыбу и оленину, чтобы удовлетворить насущные потребности воинов, а также меха и шкуры для отправки в страну их рождения. Индейцы, с которыми велись эти сношения и товарообмен, принадлежали к племени онандагас. Они населяли долину, столь прекрасную, насколько когда-либо светило солнце. Из точки в глубине страны, удаленной более чем на расстояние солнечного полета к югу, эта просторная долина открывается и расширяется по мере продвижения на север, представляя в общих чертах огромное пространство с тремя сторонами, основание которого на расстоянии половины солнечного пути омывается водами прекрасного Онтарио. По мере удаления от озера его поверхность постепенно поднимается до точки или конечности, откуда, если бы позволяли острота зрения и форма земли, глаз мог бы полностью обозреть долину и внутренний океан, расстилающийся перед ней. С обеих сторон он ограничен крутыми и высокими холмами, которые приближаются друг к другу по мере того, как тянутся на юг, и высота которых увеличивается, пока они не теряются среди гряды высоких гор в конце долины.

Именно в этом месте из-под огромной и отвесной скалы бьет большой источник чистой воды, прохладный и освежающий, как темный лес, через который он течет, и который, после извилистого течения по центру лощины, получая по мере своего течения приток многочисленных меньших источников и ручейков, передает свои воды в пенистое течение Освего. Представляет ли этот необычный, но прекрасный край сейчас ту форму, в которой он был впервые придан Владыкой Жизни, или с тех пор приобрел форму и облик, которые он носит, в результате прорыва какой-то могучей водной массы, страшных землетрясений или каких-то других великих природных катаклизмов - ни я, ни мои краснокожие братья не можем сказать. И все же кажется очевидным, что никакие конвульсивные толчки землетрясения не могли бы сделать его очертания или поверхность такими гладкими или правильными. Никакой поток воды с вершины горы (к тому же горы, не имеющей вместительной впадины для его приема) не смог бы унести с собой такой огромный массив земли, который, должно быть, был извлечен из промежутков между высокими и широко раскинувшимися холмами.

Но если этот регион был необычен по своему образованию, то не в меньшей степени это касалось характера и нравов племени, которым он был населен. Они заявляли о своем прямом происхождении от Великого Духа — Творца мира. Считая себя его отпрысками, они считали себя особыми объектами его отеческой заботы. Глубоко проникнутые чувством этой сверхчеловеческой связи, мои братья не удивятся, что они будут ссылаться на нее во всех наиболее важных событиях своей жизни и что она окажет свое влияние даже на мельчайшие

обстоятельства их повседневного общения как с незнакомцами, так и друг с другом. Судя по их вере в свою связь с Добрым Духом, они были хорошими людьми. Следовательно, они были, согласно их грубым представлениям о религии, строго религиозным народом; и, хотя они поклонялись предполагаемому основателю своей расы, скорее с определенным обожанием, которое человек оказывает доброму отцу, наблюдающему и направляющему из своего жилища среди звезд судьбы своих земных детей; и, хотя они были нечувствительны к глубокой и смиренной преданности и благочестию, которые присущи поклонникам того же Существа в стране бледнолицых; все же их суеверия были свободны от большей части той грубости, в которой проявляется идолопоклонство людей. в дикой природе обычно хоронят. Их идолы и изображения были действительно многочисленны и грубой работы, но, подобно истуканам, перед которыми преклоняет колени немалая часть жителей земли, которая была моей, им, как утверждалось, поклонялись только как видимым изображениям невидимых духов.

Человеческие жертвоприношения не были известны среди них, поскольку они справедливо считали, что Великий Дух был добрым и любящим *Отцом*, и не мог получать удовольствия от пролития крови своих детей или от того, что их приносили в жертву на его мирных алтарях. У них были многочисленные посты и пиршества, но они не сопровождались жестокими обрядами. Те, кто руководил религиозными церемониями и обрядами этого простого народа, объединили, как это обычно бывает у большинства, если не у всех непросвещенных народов, характер и должность священника и пророка - толкователя видений и сновидений - и установили посты приемлемым образом и в надлежащее время. Их было немного, и все их почитали, любили и боялись. Их влияние и авторитет ощущались в каждой хижине страны. Поскольку на них не налагалось никаких ограничений, как на священников в Городе Скалы, у них не было склонности налагать какие-либо неестественные ограничения на других. Не испытывая никаких внешних соблазнов побаловать себя, их запреты ограничивались очень немногими удовольствиями, несовместимыми с привычками индийской жизни. Алчность была страстью, влияния которой ни они, ни их племя пока не испытывали. Все вещи были общими; и индивидуальное присвоение собственности было неизвестно. "Сильные воды" белого человека, огонь, пожиривший внутренности расы краснокожих, еще не успели рассеять свой яд, и пьянство было пороком, значения которого эти люди не понимали. Моральное влияние на умы своего племени было единственным отличием, к которому стремились жрецы Онондаги. Этого влияния они стремились достичь не путем наложения епитимий на людей, а делая вид, что непосредственно общаются с Великим Духом. Почитая этого Духа, эти добрые сыны леса не могли не уважать каналы, по которым передавались его мудрые и доброжелательные послания.

Эти жрецы Маниту не только руководили служением людей и передавали им отклики того же могущественного Существа во времена опасности, но и завоевали их любовь и доверие, заявляя, что исцеляют их болезни. Отождествляемые с ними в их обычных занятиях, они в обычных случаях отличались от них внешним убранством только костью, которую носили на левой руке, как браслет, чуть выше запястья, и способом укладки волос. На их браслетах были грубо вырезаны изображения определенных животных; а на браслете старейшего из пророков были и другие кабалистические надписи, смысл которых никто, кроме самих владельцев, не мог разгадать. Их волосы, вместо того чтобы свободно свисать на лоб и плечи, как это было обычно у их племени, как и у других краснокожих людей леса, были собраны в пучок на макушке и перевязаны красной веревкой из вампума, причем их кончики могли ниспадать по обе стороны, как того требовала природа или несчастный случай. Когда они хотели обратиться к Великому Духу или узнать его волю с помощью гадания, они надевали другие одежды: шкуры медведей

или буйволов или мантии, причудливо сплетенные из перьев. Обычно они жили вместе на своего рода освященной земле, выделенной для их особого жилья и которая была так же непохожа на остальную часть долины, как сама долина была непохожа на обычную структуру земли. Отведенная земля, или пространство, выделенное для их использования, называлось *Равниной Пророкови* располагалось на выступающем склоне западной стороны этой прекрасной долины, берега которой, хотя и имели правильные очертания по мере того, как открывались и расширялись к северу, тем не менее, изменяли свою фактическую поверхность из-за случайных отклонений и извилистости, возникающих также из-за необъяснимых изгибов ее первоначальной структуры, а также из-за узких, глубоких оврагов, размытых осенними паводками и многолетними ручьями с прилегающих холмов. Подобным образом поверхность дна долины была подвержена частым неровностям, вызванным, возможно, природой почвы, на которой она покоилась. Она была сформирована из мягкого и твердого камня. Там, где преобладало последнее, поверхность обычно была более возвышенной и волнистой, чем там, где было найдено первое; и именно такое описание было у места, посвященного пророкам Онондаги. Он располагался примерно в половине дня пути вверх по долине от озера и был достаточно возвышен над окружающей местностью, чтобы через верхушки леса открывался вид на широкую долину Онтарио. Вдоль его внешней оконечности струился прекрасный ручей Глен. На одной стороне равнины, там, где она соединялась с холмами, стояли хижины пророков.

Весь хребет долины, включая ее ложе и крутые возвышенные склоны, был покрыт темным непроходимым лесом. Учитывая это обстоятельство, несколько разбросанных участков, отведенных под выращивание кукурузы, и "лунки", как их называют в западном мире, представляют собой проблему, решить которую не так-то просто. Они уникальны в растительном царстве, находясь на полпути между наготой прерии и густым мраком дикой природы. Несколько редких деревьев, растущих на них, сплошь дубовые. Они отделены друг от друга на неравном расстоянии, но редко бывают менее чем в шестидесяти ярдах друг от друга. Они не вздымаются нависоту и не лишены ветвей, как обитатели густого леса, но склоняют головы и раскидывают руки, как будто сознавая свою зависимость от ненадежного милосердия давно возделанной страны. Под ними растет жесткая, жидкая трава; но они никогда не зарастают кустарником и подлеском, которые обычно создают очень серьезные препятствия на пути лесного путешественника. Равнина Пророков была единственным исключением. Вдоль стыка равнины с западным холмом ее край был густо зарос низкорослыми соснами, болиголовом, кедрами, а под ними - спутанным шиповником. Никто не отваживался проникнуть в эти священные ниши, ибо у внутренней границы были разбросаны несколько вигвамов пророков. Таков был характер и описание равнины, где совершались религиозные церемонии онондага и где зажигались костры их совета.

За восемнадцать сезонов, прошедших с момента возведения крепости в Освиго, характер краснокожих жителей долины претерпел большие и катастрофические изменения.

Из самых миролюбивых, безобидных и счастливых из всех сынов леса они превратились в самых распутных, сварливых и пьяных. Их постоянно видели в деревнях белых, просящими милостыню, обменивающими все, что у них было, и выполняющими любую тяжелую работу, какой бы раболопной или унижительной она ни была, ради сильных вод бледнолицых. Свободный и возвышенный дух, который когда-то воодушевлял нацию, исчез; дух, который, хотя и не часто пробуждался к действию, все же был восприимчив к высочайшим проявлениям

индийского героизма. Их столкновения с соседними племенами были нечастыми, но когда они все же происходили, онондага проявляли дух бесстрашия, хитрости, терпения и стойкости к страданиям, которые редко встречались среди лесных народов. Но теперь дух племени был сломлен, и они больше не числились среди яростных возмущенцев несправедливостью. Онейды вторглись на их охотничьи угодья и вырезали их народ, но их воины были слишком унижены, чтобы отомстить за оскорбление или стереть память о своих обидах кровью. Они, очевидно, спешили к разорению. Их число быстро сокращалось, как из-за обычных последствий опьянения, так и из-за переохлаждений и несчастных случаев, которым они подвергались под его воздействием; и, более всего, из-за постоянных ссор и убийств, которые ежедневно происходили между ними. Еще через несколько лет, если бы курс, которым они тогда следовали, был продолжен, все племя, должно быть, полностью вымерло; их название сохранилось лишь в воспоминаниях рассказчика, и только зеленая трава отмечала земли, на которых они когда-то обитали. К счастью, однако, в упомянутый период случилось так, что пророки вместе с несколькими старшими вождями, которые стояли в стороне от оскверняющего влияния белых людей, смогли пробудить почти угасшую энергию народа настолько, что собрали его вокруг костра для совета, который был зажжен одним морозным утром на ранней заре, в Лунный день Опадающих Листьев, на Равнине Пророков. Было созвано все племя. На лицах каждого вождя и пророка была написана торжественная серьезность, даже превосходящая обычную меру индейской рассудительности, указывая на то, что надвигаются дела высокой важности. Они сидели кружком вокруг большого костра, опустив глаза в землю, и все были безмолвны, как дубовая роща тихим утром. За пределами круга вождей и пророков беспорядочно сгруппировались остальные члены племени — мужчины, женщины и дети, — и все они проявляли нечто большее, чем обычное беспокойство по поводу того, чтобы узнать причину необычного призыва.

Но позвольте мне не предвосхищать ни обстоятельства, ни события, которые последовали за *Предупреждением* Текарры [48], переданным Воннехушем, вождем племени онондага.
Воннехуш

Из отдаленного угла лагеря этот пожилой человек выразил намерение выступить. Глубокое молчание охватило всю толпу, и все глаза были устремлены на него. После короткой паузы он медленно поднялся и с тревогой обвел взглядом комнату, в которой горел камин. Но его глаза, хотя и сохранили доказательство своей былой силы и блеска, теперь с возрастом потускнели. Его нахмуренный лоб, поседевшие локоны и сгорбленная фигура, когда-то прямая, как стрела, выпущенная из его юношеского лука, свидетельствовали о разрушениях, которые время нанесло его благородному облику. И все же его голос по-прежнему был сильным и ясным. Наконец, расправив складки своего одеяла, он вытянул вперед свою иссохшую руку и с достоинством выходца из Страны Душ и со всем красноречием своего народа обратился к бродячим обитателям лагеря с такой речью:

Братья, неужели Воннехуш скажет вам неправду? Нет! Пусть белый человек, чье сердце - сердце оленя, а пути - пути змеи, пусть он говорит раздвоенным языком. Тот, кто живет в больших городах и покупает свой хлеб, продавая крепкую воду, должен травить краснокожих — он должен заниматься ложью. Краснокожий охотится на бизонов и заманивает бобра в ловушку в лесах, которые были даны ему Великим Духом. Он пересекает большую гору и входит в

глубокие долины за ней, и ни один человек не осмеливается преградить ему путь. У него великое сердце, и он презирает ложь. Послушайте же слова Воннехуша!

Братья, я лесной дуб. Снега ста зим падали на мои ветви. Когда-то дерево было покрыто зелеными листьями, но они опали рядом со мной, и сок, который когда-то делал дерево сильным и цветущим, покинул ствол, и влага испарилась из моих корней.

Братья, я пожилой, очень пожилой человек. Я больше не могу натягивать лук моей юности, и мой томагавк не дотягивает до смертельной метки. Но мои уши были открыты, и мой язык может повторить вам традиции долины. Слушайте вождя Онондага и верьте словам, которые он вам скажет, ибо он никогда не говорил ничего, кроме правды. В юности у него никогда не было раздвоенного языка или слабого сердца, и почему он должен терпеть это сейчас?

Братья, цветы прерий распускались и увядали, а листья лесов распускались и увядали более пятидесяти раз с тех пор, как каноэ белых людей вошли в устье Быстрой реки. Мое племя тогда распространилось от озера до гор, и дым из их хижин вился над вершинами болиголовов, от Скенателеса до Онейды. Великий Дух был их добрым отцом. Он заглянул в их вигвамы и увидел, что они счастливы. Они охотились в обширных лесах на жирного медведя, величественного лося и восхитительного оленя и протыкали копьями сочную рыбу во многих водах. Их сердца были очень крепкими, а руки - очень длинными. Кто на войне был так же храбр, как онондага?— Скальпы их врагов были нанизаны на их пояса такой же толщины, как звезды на пути Владыки Жизни. Их жены были хорошими и любящими, сыновья - сильными и храбрыми, а дочери - мягкосердечными и красивыми. Они были счастливы, потому что были добродетельны и благодетельствованы Великим Духом, ибо делали все, что могли, чтобы заслужить его любовь.

Братья, белый человек переправился через Большое озеро и расселился по всем лучшим местам страны, подобно тому как дикая утка садится на озеро, где находится ее любимая еда. Вскоре к нему присоединились его братья, и, чтобы защитить свои трусливые сердца от краснокожих, они построили форт в Освиго. В это мерзкое место они заманили наших юношей и наших женщин, чтобы те принесли им добычу на воде и суше — рыбу, оленину и шкуры - и дали им взамен вампума и пожирателя огня. Когда они проглотили сильные воды бледнолицых, они стали подобны зверям и пали на землю, как деревья, сотрясаемые молниями или поверженные бурей. Когда они восстали из земли, это было для того, чтобы поссориться друг с другом. Земля была влажной, а вода красной от крови Онандагаса, убитого руками их братьев. Они больше не искали оленя, и медведя, и лося, и волка, а если и искали, то их руки были настолько ослаблены сильной водой, что поиски оказались бесплодными, а посеянная кукуруза заросла сорняками. Вместо благородных развлечений войны и охоты они слонялись вокруг хижин белых людей; и вместо языка, который был дан им их отцом, Великим Духом, и на котором они говорили много-много веков, они выучили язык чужаков. Слова и мудрые изречения пророков больше не имели для них очарования, и преданиями, которые когда-то изливались из их уст к терпеливым, довольным и внимательным слушателям, пренебрегли из-за лживых рассказов незнакомца. Колени некогда быстрого бегуна дрожали, как тростинка на ветру. Сердце некогда бесстрашного воина стало мягче женского. Кровь его врагов больше не обгадряла его томагавк; его крик о наступлении больше не был слышен среди холмов ирокезов. Он стал жертвой коварной ненависти чужеземцев, чей гнев был разожжен против него за то, что он был сыном Великого Духа. И они смешали ядовитые соки трав с крепкой водой, которую дали

ему, чтобы смерть его была несомненной. Разве странно, что наш народ исчез с равнины, как утренняя роса или снега Восходящей Луны перед лучами полуденного солнца?

Братья, более тридцати лет прошло с тех пор, как на Равнине Пророков, в Луну Ранних Заморозков, был разожжен костер совета. Это был большой костер, потому что там собрались все жители долины. В середине собрания стояли священники, рядом с ними вожди и воины Воннехуша, а без них пожилые мужчины и женщины, дети и жены воинов. Затем жрецы начали танец и вой, с которых они начали свои воззвания к Великому Духу. Внезапно среди людей появился незнакомец, который был на голову выше самого высокого человека нации. Его фигура была благороднее и величественнее всего, что когда-либо видел наш народ. Его глаза сияли, как солнечный луч, а манеры были грациозны, как колыхание кукурузного поля. По краю его мантии были изображены странные фигуры, а пояс из вампума сверкал, как пояс небес. Это был тот, на кого никогда прежде не смотрел глаз онондага — чужак в долине — возможно, воин, посланный сюда одним из свирепых племен страны, чтобы оскорбить каким-нибудь упреком за их изнеженность и слабость погрязших в ужасе и грехе онондагов.

Наконец он поднялся, чтобы заговорить, и все звуки стихли не только в индейском лагере, но и в окружающей природе. Ни одна птица не щебетала; ни один лист не шелестел среди деревьев на равнине; лесные звери были спокойны; деловитая пчела прекратила свое гудение; даже ветры стихли, пока незнакомец произносил свое торжественное предупреждение.

"Я, - сказал он, - Текарра, посланник Великого Духа. Онондагас, прислушайся к моим словам! Я пришел от вашего отца, того же самого Духа, чтобы произнести слова истины в ваши уши и сказать вам, что он чрезвычайно разгневан на вас. Вы променяли свои обширные и богатые земли на бесполезные игрушки; вы забирали маис и мясо изо рта своих голодающих детей, чтобы купить у чужаков бурную воду, которая сделала ваших воинов такими же робкими, как олени, на которых вы когда-то охотились в лесах. Ты отбросил язык, который был дан тебе твоим Великим Отцом, и взял язык своих разрушителей. Вы забыли подвиги ваших отцов, которые внушали им страх и почитание от водопадов Мохок до озера Гурон. Великий Дух говорил с вами в своих громах и устами своих священников, но вы не слышали ни того, ни другого; и, хотя его благословения обильно изливались на вас, вы были подобны гадюкам и жалили руку, которая их раздавала.

"Онондагас! услышь предостерегающие слова Великого Духа. Если вы вернетесь в свои хижины и забудете все, чему вас учили, и разучите язык белого человека, чтобы снова пользоваться языком ваших отцов, если вместо ружья вы будете стрелять из лука и заставите стрелу свистеть вместо пули, если вы перестанете отдавать добычу на охоте и продукты со своих полей за бисер и крепкую воду, если вы прогоните онейдас со своих охотничьих угодий и снова займетесь ими сами, — тогда Великий Дух простит вас и снова примет в свое лоно. Но, если вы не хотите прислушиваться ни к его голосу, ни к голосу его пророков, прислушайтесь к словам отщепенца.

"Прежде чем двенадцать лун исчезнут с небес, ваше племя исчезнет. Не останется ни одного онондага, чтобы рассказать гордую историю славы своего народа. Хижина бледнолицего будет построена на месте захоронения ваших отцов, и его стада будут пастись на освященной священниками земле. Белый человек скажет своим детям — "Здесь когда-то жил народ, называвшийся онондага. Когда-то они были самыми храбрыми из всех племен страны, но стали самыми слабыми и трусливыми. Именно хитрость белых привела к их гибели. Мы дали им крепкую воду — они попробовали яд — им понравилось — и вот! мы живем на их пепле".

Братья, внезапный порыв ветра потряс ветви деревьев, черная туча накрыла равнину, и, хотя все взгляды, казалось, были прикованы к тому месту, где стоял Текарра, все же он исчез. Он появился и исчез, как один из тех огненных шаров, которые мы видим летним вечером, путешествуя по туманным долинам.

Братья, мы вернулись в свои хижины и задумались над его словами. Они запали глубоко в наши сердца, и это предупреждение пошло на пользу нашему племени. Мы отказались от всякой торговли с белыми людьми и забыли их язык. Мы выбросили ружье, о котором больше не было слышно в наших лесах, и снова сделали своим оружием лук и стрелы, томагавк и боевую дубинку. Снова мы были одеты в шкуры животных, которых мы убили на охоте, а мясо, которое мы убили в лесу, использовалось как положено, чтобы накормить наших детенышей. Снега более чем тридцати зим выбелили нашу долину, с тех пор как мы воздержались от сильных вод бледнолицых. С тех пор наша нация выросла подобно дубу, крепкому и с крепкими корнями, и онейды больше не осмеливаются разжигать свои костры на нашей границе. У наших воинов такие же отважные сердца, как у наших отцов в старину; наши бегуны превосходят дикую кошку в ловкости и косую в скорости. Наши люди больше не задерживаются в поселении Освего, а счастливы и довольствуются в густой тени леса грубыми, но здоровыми удовольствиями индейской жизни. Великий Дух снова улыбается своим детям, и они курят в атмосфере мира. Наше племя сильное и воинственное, в полном расцвете сил, в то время как краснокожие других народов гибнут вокруг нас.

Братья, послушайте меня, ибо я стар, а ваши отцы привыкли слушать совет старейшин. Вспомните историю о Воннехуше; он не лжет вам. Донесите его слова до своих племен, и пусть предупреждение Текарры будет услышано в каждом вигваме за горами.

Много было сказано и написано о красноречии индейцев, но все это дает весьма несовершенное и неадекватное представление о красоте и совершенстве их речей. Они непередаваемы белыми, поскольку мы лишены приятного восприятия природной красоты и возвышенности, которыми обладает индеец, и поэтому не можем точно и полно передать его представления о внешних объектах, из которых взяты его фигуры и метафоры. Если перед ним пролетает птица, он различает оттенки и отмечает обстоятельства в ее звуках и движениях, которые незаметны для белого человека. Та же пронизательность, которая позволила индийскому разведчику сообщить своему командиру, и сообщить ему правильно, что "индеец, высокий и очень трусливый, с новым одеялом, коротким ружьем и старой собакой", прошел мимо [49] там, где предельное усердие его работодателя не могло обнаружить ни следа, он пускается в погоню и составляет часть все способности и качества индейца. Но вернемся к его красноречию.

Это была прекрасная фигура Текумсе для американца, который, говоря о президенте Соединенных Штатов, употребил выражение "Ваш великий отец". "Мой великий отец! - воскликнул возмущенный вождь. - *Солнце* - мой отец, а земля - моя мать, и я покоюсь на ее груди".

Когда семинолы потерпели поражение от генерала Джексона, их вождь предстал перед победителем со всей гордостью и твердостью, которые присущи индейскому воину. Победитель спросил, почему он так скоро сдался. "Я сдался не скоро, - ответил вождь. - Я

посадил и собрал урожай кукурузы на правом берегу реки моего народа, пока сражался с бледнолицыми на левом". Эта история войны, затянувшейся до четырех месяцев — ибо период между посадкой и сбором урожая кукурузы длится столько же или больше, — была прекрасной, хотя и короткой, но она была буквально правдивой. Присутствовавший джентльмен заверил меня, что достоинство его манер, а также содержание его речи вызвали трепет благоговения в груди каждого члена собрания.

Одна из самых красивых известных индейских речей - речь Логана, вождя племени минго. Это одно из самых трогательных повествований о личном горе, которые я когда-либо читал. Это часто цитировалось — тем не менее, возможно, есть люди, для которых это может быть ново, и я перепису это для их использования. Это язык истины и природы, облеченный в ее самую прекрасную форму.

"В 1774 году несколько индейцев совершили разбойное нападение на белых поселенцев на реке Огайо, и последние предприняли незамедлительные действия, чтобы наказать виновных. В разное время они застали врасплох несколько охотничьих отрядов индейцев с их женщинами и детьми и многих из них убили. Среди них была семья Логана, знаменитого вождя, который всегда отличался как друг белых. Это неблагодарное возвращение спровоцировало его месть, и в последовавшей войне он высоко проявил себя. Осенью того же года индейцы потерпели поражение в решающем сражении и запросили мира. Логан, однако, побрезговал показываться среди просителей. Но, чтобы не возникло недоверия к договору из—за отсутствия столь прославленного воина, он передал через генерала Гибсона следующую речь для обращения к лорду Данмору, губернатору Виргинии:

"Я обращаюсь к любому белому человеку с просьбой сказать, входил ли он когда-нибудь в хижину Логана голодным, и он не давал ему мяса; приходил ли он когда-нибудь холодным и голым, и он не одевал его. Во время последней долгой и кровопролитной войны Логан бездельничал в своей каюте, будучи сторонником мира. Такова была моя любовь к белым, что мои соотечественники показывали на меня пальцем, проходя мимо, и говорили: "Логан - друг белых людей". Я даже думала, что жила бы с тобой, если бы не травмы одного человека. Полковник Креспал прошлой весной хладнокровно и неспровоцированно убил всех родственников Логана, не пощадив даже моих женщин и детей. В жилах ни одного живого существа не течет ни капли моей крови. Это взывало ко мне о мести; я искал ее; я убил многих; я полностью утолил свою месть. За свою страну я радуюсь лучам мира; но не тешу себя мыслью, что моя радость - это радость страха. Логан никогда не испытывал страха. Он не повернется на каблуках, чтобы спасти свою жизнь. Кто здесь будет оплакивать Логана?— Ни один.

III. ЛЕГЕНДА О ПОМПЕРОГЕ.

Три солнца, и не больше, понадобилось бы ногам быстроногого могавка, чтобы добраться до места, где покоится прах Помперога, последнего человека из его племени. Место, где этот вождь перевел дух, представляло собой небольшую ровную долину, окруженную высокими холмами, поросшими густым лесом, с прохладным, чистым, ярким ручейком, журчащим по зеленым и цветущим лугам. Когда он впервые увидел свет великой звезды, это место еще не было лишено деревьев; мои соотечественники из далеких краев за великими водами пришли со своими острыми топорами и гибкими руками и снесли любимые убежища краснокожих

обитателей этой земли. Прекрасные деревья, нависавшие над тихой маленькой речкой Помперога и его народа, подобно матери, склонившейся над своим спящим младенцем, рухнули перед ними, как кукурузное поле, пригнутое к земле порывом ветра. И очень скоро само племя было сметено тем же неудержимым потоком, который лишил их землю ее лесных украшений. Великий Сахем Востока, живший на высоком холме, ввязался в войну с моими братьями, Помперогами, принявшими сторону короля Пекодов, и большая их часть участвовала в его уничтожении. Вождь пал, пронзенный стрелой Великого Царя. Его сын, еще мальчик, с остатками народа своего отца, когда война закончилась смертью воинственного и хитрого сахема Хаупа, вернулись в свою родную долину и, подчинившись своим завоевателям, поселились у любимой реки и, по-видимому, были довольны тем, что трудились для белого человека на полях, которые когда-то были их собственными. И все же они глубоко помнили об их обидах и были полны решимости при удобном случае совершить глубокую и кровавую месть. Теперь наступил период, когда молодой вождь достиг зрелого возраста. Он взял, по обычаю своих отцов, имя своего племени и соответственно получил имя Помперог. Никогда не видели более благородного юноши, ни краснокожего, ни белого. Он был высок и прекрасно сложен, с глазами, сверкающими, как бриллианты, и челом, на котором были запечатлены величие его ума, возвышенные и благородные чувства, наполнявшие его душу. Он был из тех, кого индеец созерцает с восторгом и взирает на них с идолопоклонством. Его поступь была быстра, как у оленя; его стрела верна, как погоня за орлом; его пронзительность пронзительна, как солнечный свет. Девушки его племени смотрели на него глазами любви; и среди девушек моего цвета кожи было немало тех, кто признавался, что он "красив и благороден по форме и достоин любви красных и белых".

Таков был Помперауг. Но его народ угасал, и только пятьдесят представителей его собственного племени теперь жили в долине, в которой его отцы, бесчисленные, как листья на дубах, под которыми они жили, охотились на протяжении многих веков. День их владычества миновал. Над темным воином было наложено заклятие. Великий Дух предрешил его судьбу. Он послал странных людей к своим берегам - и лицо страны изменилось. Густонаселенный город — высокий шпиль дома, где люди собирались поклониться Великому Существу, — зеленые поля, сияющие густой весенней зеленью, — склоны холмов, ставшие ровными от возделывания — заняли место высокого леса, из которого доносился крик краснокожего воина, когда он бросался на своих врагов, или плеск его весла, когда он отправлялся на своем легком каноэ в свои военные или любовные экспедиции. Чужеземец построил свой дом на берегу своих любимых ручьев, откуда добывал часть своей ежедневной пищи; и он, чья это была земля, бежал от осквернения костей своего отца. Один за другим, как листья в период Сбора Урожая, они исчезли из поля зрения окружающих. Сегодня вы видели сына леса с глазами, подобными орлиным, и ногами, подобными ногам антилопы; завтра он ушел, и ушел без единого знака. Воды, омывающие жаждающие пески морского побережья, уходят в свой отлив не более бесшумно, чем индейцы исчезли из окрестностей жилищ белых людей. И таким же безмолвным образом плыли вниз по течению забвения индейцы долины Помперауг. Понимая, что их судьба предрешена, они терпеливо покорились судьбе, которую не могли предотвратить.

Поэтому они без сопротивления приняли в сердце своей маленькой территории отряд людей моей нации. Их было около тридцати. Их правитель, который также был их священником, был человеком преклонных лет, хотя и обладал всей умственной и телесной энергией юности. Ему было больше трех десятков десяти лет, волосы белые, как снег, но ноги у него были проворные, как у молодого оленя. Его высокая и широкоплечая фигура все еще была прямой; его глаза не

утратили ни капли своего огня, а характер - энергии; он был стар годами, но молод силой своей души.

Этот престарелый священник привел в долину Помперог остатки многодетной семьи. Это была девушка — дочь его единственного сына, который вместе со своей женой много лет проспал в доме смерти. Ее звали Мария, и она вполне могла стать объектом всех земных привязанностей, которые все еще бились в груди того, кого смерть познакомила с горем и кто, если бы не она, был одинок.

Мария видела собранный урожай семнадцать раз. Она была прекраснейшей из всех дев земли. Она была высокой и стройной, с темными выразительными глазами, чьи медленные движения казались полными души и искренности. Ее блестящие черные волосы были разделены пробором на ослепительно белом лбу и оттеняли щеки, которые своим румянцем соперничали с бледной розой дикой природы. И снег был не белее ее статной шеи, и округлой руки, и маленькой ручки.

Они поселились в долине Помперог всего несколько лун назад, когда просьба престарелого священника о покупке части земель молодого вождя привела его в хижину первого. Было ясное осеннее утро, и, пока он разговаривал со священником у двери, прекрасная девушка, которая собирала цветы, самые поздние в это время года, в соседнем лесу, прошла мимо них и вошла в хижину. Молодой вождь следил за ней зачарованным взглядом. Его лицо просияло, как будто он увидел видение более чем земной красоты, какого-то яркого духа воздуха. Но эта эмоция была видна лишь на мгновение. Собычным самообладанием тех, кто воспитан в дикой местности, он снова повернулся к пожилому священнику и спокойно продолжил разговор о предмете, послужившем причиной их встречи.

Помпероуг ушел, но унес с собой изображение прекрасной девушки. Он удалился в свой вигвам, но это ему не понравилось — чувство пустоты и неудовлетворенности наполнило его грудь. Он поднялся на вершину высокой скалы, у подножия которой стояла его хижина, и, усевшись на широкий плоский камень, устремил взгляд на реку, на которую утренние лучи только начинали бросать свой дрожащий свет. Зрелище, когда-то такое приятное, не доставило ему радости. Он отвернулся и устремил долгий взгляд на пеструю листву леса, который, как море, раскинулся над прекрасной долиной. Он все еще был недоволен. Одним прыжком он спрыгнул со скалы в долину и, вскочив на ноги, схватил свой лук и пошел по тропинке, которая вела в лес. Через несколько минут он вернулся вялый и опустошенный и, усевшись на камень, много часов размышлял в тишине.

Солнце следующего утра пробыло над землей всего несколько минут, когда Помперауг отправился в дом престарелого священника, чтобы закончить дела предыдущего дня. Ранее он заявлял о своем намерении расстаться со своей землей на предложенных ему условиях, но теперь отказался.

- Почему бы сыну вождя, упавшему на Луну Зеленой Кукурузы, не отдать бледнолицему за то, что он хочет, земли, которые он не пашет, леса, в которых нет дичи, воды, по которым рыба скользит невредимой от его копья? - спросил священник.

"Послушай, отец, услышь, как говорит краснокожий", — ответил молодой вождь. "Посмотри вон на того орла — как радостен его полет среди облаков. Небо - его дом, он любит его, и горе охватывает его сердце, когда он покидает его. Променяет ли он его на море? Нет, загляните в

реку и спросите рыбу, которая так счастливо резвится на ее чистой груди, продаст ли она место своего рождения, и она, если вообще заговорит, ответит "Нет". Продаст ли краснокожий за несколько нитей бус и кусок красной ткани место, где лежат кости его отца? Нет. И все же, отец, я расстанусь со своими лесами, если ты отдашь мне прекрасную певчую птицу, которая живет в твоём гнезде".

- Дикарь, - сказал священник возмущенно и надменно, - неужели ягненок ляжет в логове волка? должен ли олененок постучаться в логово пантеры, войти и занять ее жилище? Никогда! Не называй больше это существо — я скорее увижу, как она умирает! Не называй его. Говоря это, он с силой ударил тростью о землю, и его широкая фигура, казалось, расширилась и стала выше, в то время как глаза его заблестели, а мышцы лба напряглись с мрачным и суровым выражением. Вид и манеры индейца изменились. На его лице, когда он просил о своем иске, была мольба, необычная для его расы, но его глаза вспыхнули огнем при виде упрека и отказа священника одобрить его любовь, и в его манерах появилось гордое достоинство, которого у него не было раньше. Как тусклые цвета змеи, когда она приходит в ярость, сменяются сияющими оттенками радуги, так и кроткий взгляд, который Помперауг поначалу носил, сменился другим, более подходящим неукротимому и суровому владыке леса.

Священник и вождь расстались, и Помперог отказался продавать свои земли. Теперь он изменился для всех вокруг. С белыми людьми он больше не общался и мало что говорил своим соплеменникам, разве что для того, чтобы воспитать в них ненависть к соседям. Вся его душа была наполнена любовью к прекрасной бледнолицей. Его старые и заветные занятия и развлечения больше не доставляли ему удовольствия; лук лежал без тетивы в углу его каюты, и никто больше не видел его каноэ, которое, подгоняемое его сильной рукой, скользило по реке.

Как и следовало ожидать, исходя из горького разочарования Помперога, не сумевшего заполучить девушку, и разочарования священника, не сумевшего заполучить возжеланные земли, вскоре возникли разногласия между индейцами и их соседями, и вскоре с обеих сторон вспыхнули бурные чувства. Вскоре это переросло в открытую ссору, и один из белых мужчин был ранен стрелой индейского охотника, когда возвращался через лес к своему дому. Белые решили немедленно отомстить и, соответственно, собрав своих людей, последовали за индейцами в неровные и каменистые районы, лежащие к востоку от долины Помперог, куда они отступили, ожидая преследования.

Было примерно за час до захода солнца, когда йенгизы, состоявшие из двадцати человек, хорошо вооруженных по моде белых, и ведомые пожилым священником, который, несмотря на свой возраст, все еще сохранял дух молодого воина, прошли маршем через глубокое ущелье, примерно в двух милях к востоку от их деревни. Скалы по обе стороны были высокими, а лощина такой узкой, что над ней уже сгустились ночные тени. Преследователи тщетно искали своих врагов весь день и, потеряв все их следы, теперь возвращались по домам. Не наученные дорогим опытом, они маршировали, не обращая внимания на опасности, которые их окружали, не обращая внимания на преимущества, которые давали их коварным врагам окружающие их скалы и поросшие густым лесом возвышенности. Внезапно со скал у их ног донесся пронзительный боевой клич, и множество вооруженных индейцев выскочило перед ними. Стрела пронзила грудь пожилого священника, и он упал замертво перед своим отрядом. Двое индейцев встретили смерть от рук своих врагов, остальные укрылись в лесу. Несколько йенгизов были ранены, но никто смертельно, кроме священника.

В скорбном молчании они отнесли тело своего отца в жилище, которое его старческие ноги покинули всего несколько часов назад. Он был похоронен в уединенном уголке долины, и девушка-сирота отвернулась с опустошенным и разбитым сердцем, чтобы впервые остаться одной в скромной хижине в глуши.

Время года прошло, и наступил новый урожай. Племя Помперогов исчезло, и скала, на которой священник встретил свою смерть, была освящена многими молитвами тех, кто любил его. На том месте все еще была видна его кровь, и туда часто приходили его соплеменники, чтобы преклонить колени и вознести прошения об упокоении его духа. Они верили, что их сердца смягчились, а духи были осыпаны богатейшими дарами небесной благодати, когда они пришли на то место, где он встретил свою смерть.

Это был мягкий и прекрасный летний вечер, когда девушка в последний раз отправилась провести час в этом святом месте. Долго стояла она на коленях и горячо молилась своему доброму создателю. Солнце зашло, и, когда опустилась вечерняя завеса, полная луна поднялась над грядой скал, возвышавшихся на восточной стороне долины, заливая своим белым светом уединенные уголки и глуши вокруг нее, а добрая и прекрасная девушка все еще стояла на коленях, все еще общаясь с тем Существом, которое каждый народ и язык, цивилизованный и дикий, краснокожий и белый, с удовольствием почитают и боготворят — по крайней мере, устами, хотя их сердца могут быть далеки от него.

Наконец легкий шум, похожий на шелест листьев, вывел ее из транса, и, быстро вскочив на ноги, охваченная внезапным и необычным страхом, она отправилась обратно в деревню. Встревоженная удаленностью от дома в такой поздний час и время от времени повторяющимися звуками, она двинулась вперед с большой скоростью. Ей пришлось карабкаться по скалам с большой осторожностью, так как темнота делала это важной и опасной задачей. Наконец она добралась до вершины. Стоя на краю утеса, она на мгновение обернулась, чтобы посмотреть назад, на долину. Полная луна освещала долину, и она со смесью благоговения и восторга смотрела на море зеленых листьев, которые спали под ней в мертвом покое. Затем она повернулась, чтобы продолжить свой путь домой, но каково же было ее изумление, когда она увидела перед собой в свете полной луны высокую фигуру Помперога! Она вскрикнула и быстро, как его собственная стрела, перемахнула через головокружительный утес. Молодой вождь прислушался — на мгновение воцарилась тишина, затем раздался тяжелый звук, похожий на падение тела на твердую землю, — и в лощине стало тихо, как в могиле.

Судьба прекрасной девушки была известна только Помперогу. Он похоронил ее с заботой влюбленного среди скал долины. Затем, с разрывающимся сердцем попрощавшись со своей родной долиной, он присоединился к своему народу, который удалился на берега далекого Хаусатонака.

Прошло много лет, и на смену быстрому и скрытному охотнику пришел терпеливый и трудолюбивый белый земледелец. От индейца осталось мало следов. Слабые и нерешительные — те, кто мог спокойно видеть, как жилища их отцов были захвачены чужаками, нашли

нетронутые могилы в своих собственных лесах, — храбрые и решительные ушли еще дальше в лес. Прогнившие лук и колчан, а также заржавленная стрела часто переворачивались плугом, и небольшие поля шириной едва ли в полет стрелы указывали, где краснокожий человек когда-то вкушал свои скромные радости дома и укрытия, и это было все, что указывало на то, где он побывал. Жестокие преследователи законных владельцев этих обширных земель владели каждым плодородным местом, в то время как индеец скитался по чужим землям, скиталец и изгой.

Это было в приятный месяц, когда птицы выют гнезда на ветвях деревьев, когда белый человек, сидевший на берегу реки, протекавшей мимо могилы умершей девушки, увидел медленно приближающуюся вереницу мужчин, несущих человеческий труп. Он прокрался в укромное место и наблюдал за их продвижением. Подойдя к небольшому холмику, где покоился прах девушки, они положили свою ношу на землю и начали рыть свежую могилу рядом с ним. Когда он был закончен, они поместили в него труп вместе с орудиями труда, которые обычно хоронят вместе с индейским воином, его луком, колчаном со стрелами, копьем, трубкой и так далее. Белый человек, опасаясь разоблачения, отступил, оставив их никем не замеченными заканчивать свои торжественные труды. Утром похоронный кортеж отбыл, но свежая земля и невысокая груда камней раскрыли тайну. Они остаются там и по сей день, и жители деревни показывают два маленьких холмика как могилы прекрасной Марии и верного Помперога.

IV. СЫН АННАВАНА.

Сын белого человека сидел в своем доме на границе индейских народов, когда к его двери подошел краснокожий человек, ведя красивую женщину с маленьким ребенком на руках, и сказал так:

"Видишь ли ты солнце?"

"Я вижу солнце", - надменно ответил белый человек.

"Трижды, - сказал индеец, - всходило это солнце и трижды скрывалось из моих глаз за темными холмами запада с тех пор, как я или мои товарищи отведали пищи. Что касается меня, то я мало забочусь — я лесной человек, терпеливый воин; я могу поститься семь солнц; я даже сейчас не слабею, — но у нежной женщины нет души сильного воина, и когда она не видит мяса каждый день, она опускает голову на руку, а когда ее ребенок наклоняется, чтобы поесть, она плачет. Дай мне поесть".

— Убирайся! - сказал белый человек. - Я зарабатываю себе на хлеб и мясо в поте лица...

- На землях индейцев, - перебил суровый воин.

"На моих собственных землях — землях, освобожденных от дикости, — землях, которые веками лежали в запустении и стали полезными для людей только тогда, когда моя раса пришла сюда с твердыми руками и терпеливыми душами, и вырубил деревья, и выкорчевала препятствия, преграждавшие путь лучам заботливого и бодрящего солнца. Убирайся в свое логово в пустыне!"

- Дай мне только еды для Воробья и ее птенца, и Ястреб останется без нее. У него еще осталось достаточно сил, чтобы позволить ему перенести свои стопы в дикие места, населенные оленями, и Великое Существо само направит стрелу, которая должна добыть средства для поддержания жизни. Но моя жена и ребенок, чьи жизни я ценю больше своей, упадут в обморок и умрут, прежде чем мы доберемся до этого отдаленного места ".

"Здесь у вас не будет еды; я не стану кормить ленивых индейцев", - ответил белый человек.

Индеец ничего не сказал, но бледная, теряющая сознание мать посмотрела на своего больного младенца и разрыдалась.

На лужайке у двери Англичанина сидела прекрасная маленькая девочка, еще не доросшая до совершенства женственности, но уже на пороге — олененок далеко во втором сезоне - дереву не хватало еще нескольких солнц, чтобы одеться цветами зрелости. Она была единственным ребенком белого человека — единственным залогом любви, оставленной ему любимой женой, которая спала в земле. Ее нежно любил отец, и она редко просила о чем-либо напрасно. Рядом с ней сидел мальчик, возможно, на два или три сезона старше, и играл с ней в детские игры.

- Отец, - сказала она, вставая и с мольбой приближаясь к нему, - предположи, что твоя дочь осталась без друзей и голодна среди сынов леса, и они отказали ей в пище. Разве гнев Великого Духа не обрушился бы на них за их бесчеловечность?"

Отец выглядел задумчивым, но ничего не ответил.

"Отец, ты любишь свое дитя?— Если любишь, позволь ей накормить доброго отца-индейца, который умер бы с голоду, чтобы накормить тех, кого он любит. Позволь мне вытереть слезы со смуглых щек матери и взять крошку хлеба из твоего богатого запаса, чтобы положить в рот умирающему от голода ребенку".

Отец ни в чем не мог отказать своей любимой дочери, и, кроме того, маленький мальчик тоже умолял за умирающих от голода Пекодов, и тот уступил. Легким, подпрыгивающим шагом двое детей погнались за теряющими сознание индейцами и привели их обратно. Перед ними поставили еду до тех пор, пока они не утолили голод; маленькая девочка положила маленького индейского младенца к себе на колени и покормила его собственноручно, и им не разрешили уйти, пока они не отдохнут два дня. Затем они вернулись в свои дома в глуши, и их маленькие благодетели проводили их до опушки леса, в двух милях от жилища жестокого отца.

Прошло несколько сезонов; маленькая девочка, которая так любезно вмешалась, чтобы накормить несчастных индейцев, повзрослела и стала женой этого мальчика и матерью. Ее муж был земледельцем и, имея склонность искать новые земли и пробовать неизведанные районы, которые повсюду принадлежат белым людям, построил себе хижину очень далеко от того места, где они с женой перевели дух. На берегу далекой реки, на приятно расположенном небольшом холме, с которого падали лучи яркого утреннего солнца, он построил свою хижину и посеял пшеницу. Однако он отправился в пустыню не один: с ним отправились многие другие белые люди, и для защиты от краснокожих из леса, чьи обиды пробудили в них жгучую ненависть и месть, они построили форт, в который могли отступить в случае опасности. Хижина благодетелей голодающей индейской семьи находилась на расстоянии мили от форта — муж

был первым, кто отважился поселиться на таком расстоянии от гарнизона или укрепленного дома.

"Я вернусь засветло", - сказал он однажды своей любящей жене, собираясь отправиться в форт по каким-то делам. "Нет никакой опасности, мой возлюбленный", - продолжал он, поднимая своего маленького сына и, поцеловав его, передавая в объятия любящей матери.

— Но мои сны, муж мой, мои ужасные сны о высоких дикарях и пронзительных боевых кличах! - воскликнула она.

"О! это не должно тебя пугать", - ответил он. "Вспомни, ты весь вечер слушал мрачные и ужасающие истории о том, что было сделано местным воином, когда он поднял руку, защищая место своего рождения. Сны вызываются тем, что больше всего занимает наши мысли, особенно перед тем, как мы ложимся спать. В этом сезоне не было обнаружено никаких следов пребывания индейцев, и мне было бы жаль поднимать тревогу среди наших друзей только из-за сна.

"Но ты же знаешь, муж мой, - сказала она, - что они не только страшный враг, но и тайна — это, знаешь ли, орлы за смелость, пантеры за свирепость, гадюки за скрытность и лисы за хитрость". И она подняла свои кроткие глаза на лицо мужа с тем умоляющим выражением, когда, кажется, вот-вот хлынут слезы, но их сдерживает страх причинить боль единственному любимому человеку. Любящий муж не в силах вынести слез своей жены, и он быстро сказал: "Я не поеду сегодня в гарнизон".

"Но ты обещал своему отцу, и он будет ждать тебя", - ответила она. "Ты должен идти. Я знаю, что мои страхи - это страхи ребенка, но они не сделают меня злой. Я слишком склонна думать, что моя безопасность зависит от твоего присутствия. Я забыл, что Тот, Кто силен спасать, может защитить меня, и что вера в Него - щит для верующего. Ты должен идти".

"Но я не уйду без тебя", - сказал ее муж, который теперь начал чувствовать страхи, от которых она пыталась избавиться. - Пойдем, подготовь ребенка, и мы спустимся вниз вместе. Если была какая-нибудь тревога, мы не вернемся сегодня ночью, а передадим ее под защиту форта.

Жена помолчала несколько мгновений, словно раздумывая, что ей делать. Мне нет нужды говорить вам, ибо вы знаете, что нет ничего более трудного для объяснения - ничего более противоречивого, чем чувства и желания человеческого сердца. Несколько мгновений назад она подумала бы, что, если сможет сопровождать мужа, то будет в полной безопасности — что его присутствие устранил любую опасность до того, как она возникнет. Но теперь ей в голову пришли другие соображения. Если бы он не пошел на совет, его могли бы упрекнуть в том, что он прислушался к страхам и мечтам женщины; а боязнь насмешек помешала ей сопровождать его.

"У меня будет больше силы духа", - сказала она, улыбаясь. - Я не стану делать из тебя дурочку, хотя и выгляжу таковой — у тебя не будет причин стыдиться своей жены - я не поеду. - И она решительно села, решив побороть свои страхи. Напрасно муж уговаривал ее сопровождать его. Чем больше она видела его искреннюю тревогу за нее, тем больше старалась подавить свои страхи, пока, наконец, не убедила его, да и себя тоже, что ее нисколько не тревожит перспектива провести долгое время в одиночестве, и он ушел.

Но она напускала на себя решимость, которой на самом деле была далека. Она почувствовала приближение опасности, и это тяжелым грузом легло ей на сердце. Но она проводила его взглядом без слез и, понаблюдав за ним от двери, пока он не вошел в лес, приступила к обычным обязанностям женщины в доме своего мужа. И все же она не могла удержаться и часто подходила к двери, а иногда выходила и оглядывала их маленькое поле, а затем наблюдала за заходом солнца с таким выражением лица, которое стороннему наблюдателю немедленно выдавало бы волнение и тревогу, терзавшие ее сердце. Но она не увидела ничего, что могло бы внушить опасения — на самом деле было много такого, что могло бы их успокоить. Все вокруг было в совершенной тишине. Было едва заметно дуновение воздуха, и воды прекрасного Мерримака текли без малейшей ряби. Спокойное небо последнего месяца лета казалось более глубоким и небесно-голубым, если смотреть на него с места, окруженного высокими деревьями, сейчас покрытыми таким количеством листвы, что лес казался темным и почти непроходимым. Вплотную к дому были посажены кукуруза и овощи, а перед домом раскинулось пшеничное поле, покрытое сплошной зеленью до самого берега реки. Не было слышно ни звука, кроме щебетания малиновки, которая свила свое гнездо на высоком каштане, росшем недалеко от юго-восточного угла дома, — единственном дереве, которому разрешалось расти на территории ограды. Молодые птицы были полностью оперившимися и под руководством родителей собирались покинуть свое гнездо. Прелестная жена наблюдала за их движениями; старые птицы то подбадривали, то, казалось, отчитывали своих робких отпрысков, пока, наконец, они не добрались до леса и все не исчезли. Каким бы незначительным ни было это обстоятельство, оно тронуло ее чувством одиночества. "Даже птицы покинули меня", - сказала она себе и, крепче прижав своего мальчика к груди, разрыдалась. Ей вполне можно было бы простить эти слезы и переживания, потому что, будучи женой и матерью, она видела, как падают листья, всего семнадцать раз.

Она смотрела на солнце, пока оно не скрылось за западными холмами, а затем следила за его лучами на облаках, пока не исчезли последние слабые отблески; и, упорно устремив взгляд на ту часть леса, из которой она ожидала увидеть своего мужа, она сидела у двери с ребенком на руках, тщетно ожидая его появления. По мере того как вечерело и ее страхи усиливались, ей иногда казалось, что она видит странные фигуры и свирепые лица с глазами, сияющими гневом и жадной мести, такие, какие она видела во сне, передвигающиеся по темной квартире. Устыдившись этих страхов и зная, что ее муж, вернувшись домой, будет ругать ее за то, что она таким образом подвергает себя и своего ребенка воздействию вечерней росы, она прошептала короткую молитву Тому, Кто утихомирил бурю, и вошла в дом. Ее первой заботой, после того как она положила своего младенца в колыбель, было зажечь свечу, а затем, более успокоенная, она взяла священную книгу, из которой белые люди черпают свою веру в страну душ и в будущее счастье. Эта книга - "оберег" и защищающее "лекарство" белых людей. Они верят, что она защищает их от зла и направляет к добру; ее страницы — это руководство в любой трудной ситуации, она обещает помощь в любом испытании. Она попеременно читала и молилась, смешивая мысль о своем муже, его безопасности и возвращении с каждой мыслью и желанием, но он по-прежнему не приходил. У нее не было возможности определить, сколько прошло времени, кроме как по звездам, так как луны не было, но она предположила, что, должно быть, уже перевалило за полночь. Снова и снова она выходила вперед и осматривала испытующим взглядом все вокруг, но ничего не могла разглядеть, кроме темного леса вдалеке и, совсем близко от своего жилища, черных пней, которые стояли, как часовые на страже, — в то время

как ничего не было слышно, кроме мягкого журчания воды и, временами, тихого шелеста, когда ветерок шевелил листья чесночного дерева или проносился над полем спелой пшеницы.

Наконец, когда она стояла в углу хижины, в тени каштана, о котором я уже говорил, и пристально смотрела в сторону далекого леса, она увидела, или ей показалось, что увидела, что кто-то вышел из их тени. Что бы это ни было, оно мгновенно исчезло. Она не сводила глаз с того места. Яркий свет звезд позволял ей отчетливо различать предметы даже на расстоянии, особенно когда ее способности были возбуждены как надеждой, так и страхом. Через некоторое время она снова ясно увидела человеческую фигуру. Она поднялась с земли, посмотрела и указала в сторону ее дома, а затем снова исчезла. Она вспомнила свой свет. Это было видно из окна и, вероятно, привлекло внимание индейцев, которые, в чем она больше не сомневалась, приближались. Они, как она и предполагала, подстерегли и убили ее мужа, а теперь пришли, чтобы уничтожить ее саму и ее ребенка. Что ей делать? Ей никогда не приходило в голову попытаться сбежать без своего малыша; но в каком направлении ей бежать, когда, возможно, индейцы окружили хижину? Был один момент ужасной агонии, когда перед ней предстало изуродованное тело ее мужа, и она мысленно услышала крики своего младенца под пытками вашей расы, пока у нее не перехватило дыхание и разум, казалось, не покинул ее. Но она сделала над собой усилие, чтобы собраться с мыслями, а затем, подняв глаза и сложенные руки к тому месту, где, по мнению белого человека, обитает его Бог, приняла решение. Бесшумными шагами она вошла в свое жилище, погасила свет, взяла младенца на руки и снова тихонько прокралась вперед, крадучись в тени дома, пока не достигла того места, откуда впервые увидела предмет, который ее встревожил. Здесь она стояла совершенно неподвижно. Ее младенец лежал у нее на груди в глубоком сне — таком тихом и, казалось, затаившем дыхание, как будто его дух уже покинул ее. Ей не пришлось долго ждать, прежде чем та же самая темная фигура снова поднялась, огляделась, а затем опустилась на землю, как и прежде. В тот момент, когда он исчез, она быстро и бесшумно, как тень, пронеслась над пространством, отделявшим хижину от чесночного дерева. Это дерево было необычайно большим, и ствол его разделялся на две ветви примерно на высоте половины роста высокого мужчины от земли, где дрожащая жена сочла возможным спрятаться. Она добилась этого и заняла такое положение, которое позволяло ей наблюдать за дверью своего жилища. Долгое время все было тихо — больше того промежутка, который у моего народа называется часом, и она начала сомневаться в реальности того, что видела, воображая, что ее обманули и она приняла пенек за человеческую фигуру; и она уже собиралась спуститься с дерева, где ее положение стало неудобным, как вдруг лесной воин встал рядом с ней, между домом и деревом. Когда за ним последовал еще один, и еще, она с трудом подавила свои крики. Но она подавила их, и единственным признаком страха, который она подала, было то, что она крепче прижала своего младенца к груди. Они подошли к двери, и первый, кто подошел к ней, пробормотал что-то удивленное, обнаружив, что она открыта, и ему ответил второй. После короткого совещания они вошли, и вскоре она увидела отблеск света и предположила, что они зажгли его, чтобы найти ее. Ее пульс бешено колотился, но она все еще надеялась сбежать. Маловероятно, что они стали бы обыскивать дерево так близко от хижины; они скорее предположили бы, что она убежала на некоторое расстояние. Вскоре в хижине послышался треск, и яркий свет, похожий на пламя, вырвался из двери и окна. Вскоре индейцы выбежали наружу и, подняв дикий вопль, заплясали вокруг хижины со своими обычными проявлениями радости, когда они достигают цели мести. Хижина была объята пламенем.

И все же единственным признаком ее страха было то, что она сняла с шеи носовой платок и накинула его на лицо своего ребенка, чтобы защитить его глаза от яркого света, который мог его разбудить, и прижимала его все ближе и ближе к своему сердцу.

Дом был недостроен; ничто не могло ни на мгновение задержать распространение пожара, который был разожжен в центре квартиры и поддерживался всеми горючими материалами, какие только можно было найти в жилище. Пламя очень скоро охватило стропила и доски, и, казалось, она едва успела вздохнуть дюжину раз, прежде чем пламя прорвалось сквозь крышу. Атмосфера, разреженная жаром вокруг горящего здания, внезапно расширилась, и холодный и более плотный воздух ворвался внутрь, казалось, что внезапно яростно подул ветер. Течение погнало густой дым и осыпало горящую золу прямо на чесночное дерево. Она чувствовала обжигающий жар, в то время как удушливый пар почти лишал ее возможности дышать. У нее закружилась голова, но все же единственным движением, которое она сделала, было немного повернуть ребенка на руках, чтобы он был более надежно защищен от дыма. В этот момент один из воинов приблизился в диких движениях своего танца вплотную к дереву. Порыв ветра унес дым; свет ярко осветил бледное лицо охваченной ужасом женщины; ее глаза, словно зачарованные, были прикованы к высокой и смуглой фигуре сына леса; его пылающий взгляд был обращен к ней, и их взгляды встретились. Она вздрогнула; и нота его дикой боевой песни стала пронзительнее, когда он пристально посмотрел на свою жертву. Внезапно он отвернулся. Пробормотав короткую молитву своему Богу, дрожащая женщина смирилась со смертью, услышав, как все они издали протяжный вопль.

"Мой мальчик! Мой муж! Мы встретимся, мы все встретимся на Небесах!" - воскликнула она.

Но почему индейцы не приблизились? Она прислушалась, огляделась и вскоре увидела, что они летят со скоростью испуганного оленя через расчищенное пространство, освещенное ярким светом, к укрытию леса. Она не остановилась, чтобы обдумать, что послужило причиной их бегства; но, повинаясь тому инстинкту, который велит нам избегать настоящей опасности, возможно, ради встречи с более серьезной, более отдаленной, она спрыгнула с дерева и бросилась к реке. Она вспомнила место, где выступал берег, под которым в летние месяцы русло реки было почти сухим; там она, по крайней мере, будет в безопасности от огня.

И там она укрылась. Ее ноги были погружены в воду, и она стояла, пригнувшись, чтобы скрыть себя от посторонних глаз, если индейцы вернутся искать ее. Тем временем ее маленький мальчик мирно спал, невзирая на окружающие опасности. Ни один из ее страхов или опасностей не нарушал его покоя; и когда утренний свет позволил ей взглянуть на его милое лицо, озаренное улыбкой детской радости, когда он увидел материнские глаза, сияющие любовью к нему, слезы блаженства и благодарности быстро потекли по ее щекам за то, что она смогла таким образом защитить этого дорогого невинного человека от смерти.

Вскоре после восхода солнца она услышала звуки приближающихся людей и вскоре узнала голоса своих друзей из гарнизона. Ее вместе с ребенком доставили в форт, который, как она узнала, ее муж покинул накануне вечером на закате. О его судьбе ничего не было известно и не могло быть обнаружено; не осталось ни следа, который указывал бы, следует ли причислить его к мертвым или к живым.

Муж этой женщины, чье спасение от гнева краснокожих я описал в "ирокезах", возвращался из форта в свое жилище вскоре после того, как на землю опустилась вечерняя сырость. Он был весел при мысли о том, что обнимет свою любимую жену и ребенка, и на ходу насвистывал и напевал, как жаворонок по утрам. Как раз в тот момент, когда он приближался к краю глубокой долины, лежавшей между его хижин и защищенными жилищами его друзей, из густого леса на него бросились четыре пекода. Один из них схватил его винтовку прежде, чем он успел ею воспользоваться, в то время как другой нанес ему удар томагавком по голове, который лишил его памяти почти до рассвета.

Когда он пришел в себя, то обнаружил, что лежит у подножия дерева со связанными руками и его охраняет индеец. Все попытки сбежать, как он понял, были тщетны, и он молча покорился своей судьбе. Около полудня трое других его похитителей присоединились к тому, кто его охранял, и, поспешно переговорив несколько минут, они начали торопливый марш. Заключенный заметил, что один из них часто и внимательно разглядывает его, рассматривая в различных ситуациях, очевидно, пытаясь узнать кого-то из ранее известных. Наконец, на четвертый день, оставшись наедине с пленником, он уселся на гладкую траву и, попросив другого сделать то же самое, обратился к нему на следующем языке:

-Послушайте!-крикнул.

"Я слушаю", - сказал заключенный.

"Где было твое жилище, когда твоя рука впервые смогла согнуть здоровый росток одного сезона, а твое сердце впервые начало рассчитывать на свои силы, чтобы взглянуть в сверкающие глазницы бешеного волка?"

"Далеко отсюда", - ответил узник, и глаза его наполнились слезами, а из сердца вырвались вздохи при воспоминании о юношеской любви и блаженстве, вызванных в его памяти упоминанием о месте его рождения. "На берегу далекой реки более трех солнц от того места, где я стал пленником красного человека".

"У белых людей раздвоенные языки, - ответил Пекод, - но ты должен начертить это на гладкой поверхности белой березы, чтобы моя память могла подсказать мне, правду ли ты сказал".

Заключенный куском угля, взятым из их костра, отметил жилище, в котором он проживал в период, упомянутый индейцем. Он казался довольным.

"Это хорошо", - сказал он. - А теперь покажи мне хижину, в которую ты направлялся, когда краснокожий человек заплатил малую часть своего долга мести твоему народу, взяв тебя в плен.

Заключенный сделал второй рисунок, изображающий его маленькое поле и хижину, включая чесночное дерево.

- Была ли еще одна птица в гнезде твоего отца, когда твоя душа впервые почувствовала гордую уверенность и осознание приближения зрелости? - потребовал Пекод, пристально глядя на него.

"Там была, — ответил пленник, - маленькая девочка".

- И где сейчас эта птица? - спросил я.

"Она жена моего сердца. *Есть*, разве я сказал — Увы! возможно, ее нет в живых — она, несомненно, погибла от рук проклятых существ, которые подожгли мое жилище и приковали цепями ноги, которые понесли бы меня со скоростью оленя к ней, — и связали руки, которые обнажили бы меч мести за ее спасение.

Индеец ничего не ответил на этот взрыв страсти, но с минуту ласково и сострадательно смотрел на бедного пленника, а затем снова погрузился в молчание.

Рано утром следующего дня заключенный был разбужен тем же человеком, который жестом велел ему встать и следовать за ним. Остальных членов группы не было видно. Он повиновался, и они отправились в обратный путь, возвращаясь по своим следам с легкостью и точностью, которые в любом климате присущи лесному охотнику. Двигаясь быстро, в молчании, в течение двух дней, утром третьего они оказались на берегах его родной реки, темного бурлящего Мерримака. Прежде чем солнце достигло высшей точки небес, они подошли к небольшому холму, который любящий муж хорошо помнил, хотя теперь внушал мучительные надежды и страхи. Из окна открывался вид на маленькую долину, где когда-то стояла его хижина, и где спелая пшеница все еще изящными волнами склонялась перед легким летним бризом; а могучее каштановое дерево, почерневшее от дыма его горящего жилища, все еще с гордостью взидало на всех своих менее величественных соседей. - Моя жена! - сказал он почти неслышным голосом.

"Твоя птица встретит тебя на другой ветке", - воскликнул воин. "Корка хлеба и глоток холодной воды, предложенные умирающей от голода индианке, слеза жалости и вздох сострадания спасли ее и тебя". И его собственное смуглое лицо выражало оттенок чувства, но редко позволяло ему отразиться на лице того, кто считает бесчестьем выказывать эмоции жалости, или сострадания, или благодарности, или любви (1).

- Я вас не понимаю, - сказал белый человек, который больше не был пленником.

- Послушай, - сказал воин, - Сын Аннавана был схвачен вместе с голубкой из своего гнезда и ее птенцами вдали от своего жилища, среди людей твоего цвета кожи. Твой народ убил или прогнал зверей охоты; и не было ничего, на чем красный лучник мог бы показать ловкость своих рук и верность своего взгляда. Белые люди не давали ему еды, но выгоняли его из своих хижин, говоря: "Ты индеец". У дверей твоего отца...

- Он не был моим отцом, - перебил его другой. - Он был братом моей матери.

У дверей "брата твоей матери" на бедного краснокожего посыпались жестокие слова, и ему было велено поискать в другом месте пищу, по которой тосковала его душа, — не для того, чтобы он мог съесть ее сам, а для того, чтобы отдать ее своей умирающей от голода жене и больному младенцу. Слушайте!

"У двери хижины сидела маленькая девушка — она еще не доросла до женственности и не мечтала о нежных любовниках — она была олененком во втором сезоне, деревом, которому не хватало еще нескольких солнц, чтобы одеться зрелыми цветами. Рядом с ней сидел мальчик, который мог быть на два или три урожая старше. Маленькая девушка поднялась с гладкой травы, на которой сидела, и, обвив белыми руками шею своего отца, стала горячо просить за

чужаков. Мальчик подошел и присоединился к ее молитвам. Жестокосердный человек внял мольбам своих детей, чего не могло дать сострадание. Индеец был накормлен, его жена была накормлена, его младенец был накормлен. Ты слышишь?"

"Я слышу", - сказал восхищенный охотник, сжимая руку благородного воина, в то время как слезы текли по его обожженным солнцем щекам.

— Этот мальчик был пленником, которого Пекоды четыре солнца назад увели вон из той долины, а изголодавшийся охотник был тем, кто развязал тебе руки и ноги и спас ту сострадательную девушку песней, которую он вложил в уши своим братьям, о разгневанном духе, увиденном при свете горящей хижины среди ветвей чесночного дерева.

- Учись, бледнолицый, что индеец может быть благодарен. Корка хлеба и глоток воды, дарованные краснокожему человеку или тем, кого он любит, отягощают память о тысяче обид— добрый взгляд разгоняет хмурость с его чела— доброе слово сдерживает цель мести, которая, будучи неконтролируемой, подобна огню, перенесенному сильным ветром на поле с сухой травой. Ты и твои сородичи сделали мне доброе дело — сохранили жизнь той, чьи ясные глаза - свет моей хижины, и мальчику, который однажды натянет охотничий лук и будет научен издавать крик о мести над холмами — не бойся, ты в безопасности на земле, откуда были изгнаны его отцы. Ты и твои сородичи сделали это для Сына Аннавана, Быстроногого из его племени, и он никогда не забудет этого - до тех пор, пока звезды не забудут светить, а луна не станет светильником в темные часы. Скажем, в ушах Белокурой Девушки, что я отдал ее каюту всепожирающему пламени еще до того, как узнал, что она принадлежит ей. Но скоро наступит сезон, когда бобр станет гладким и лоснящимся, а выдра будет стоять дороже стрелы — трофеи зимней охоты Быстроногого позволят отстроить заново хижину "Цветка бледнолицых".

Сказав это, сын Аннавана, великого вождя, который когда-то был повелителем этих бескрайних краев, исчез в лесу, и его больше не видели среди белых людей.

ПРИМЕЧАНИЕ.

Жалость, или сострадание, или благодарность, или любовь.—с. 270.

Индийцы чрезвычайно хладнокровны и осмотрительны в каждом слове и действии; ничто не подталкивает их к какой-либо неводержанной горячности, кроме той закоренелой ненависти к своим врагам, которая укоренилась в сердце каждого индейца и никогда не может быть искоренена. Во всех остальных случаях они хладнокровны и удивительно осторожны, стараясь ни в коем случае не выдавать своих эмоций. Если индеец обнаружил, что другу грозит опасность быть перехваченным и отрезанным кем-то, кому он стал неприятен, он не сообщает ему в прямых и недвусмысленных выражениях об опасности, которой он подвергается, следуя по тропе, возле которой его подстерегает враг, но он сухо спрашивает его, в какую сторону тот направляется в этот день, и, получив его ответ, с тем же безразличием сообщает ему, что ему сообщили, что рядом с этим местом лежит собака, которая, вероятно, может причинить ему вред. Этого намека оказывается достаточно.

Эта апатия часто проявляется в случаях, которые могли бы вызвать пыл восприимчивого сердца. Если индеец отсутствовал со своей семьей и друзьями много месяцев, будь то на войне или охоте, когда его жена или дети встречают его на некотором расстоянии от его жилища, вместо нежных чувств, которые естественным образом возникли бы в груди более утонченных

существ и вызвали бы взаимные поздравления, он продолжает свой путь, не обращая ни малейшего внимания на тех, кто его окружает, пока не прибудет домой.

Там он садится и с таким же безразличием, как будто и дня не отсутствовал, курит свою трубку; те из его знакомых, кто последовал за ним, делают то же самое, и, возможно, проходит несколько часов, прежде чем он рассказывает им о происшествиях, которые произошли с ним за время его отсутствия, хотя, возможно, он оставил на поле боя отца, брата или сына, о потере которых ему следовало бы оплакивать.

Если индеец несколько дней был занят охотой и по случайности долгое время оставался без еды, то, когда он приходит в палатку друга, где, как он знает, его потребности могут быть немедленно удовлетворены, он старается не выказывать ни малейшего признака нетерпения или сильного голода, который его мучает; но, когда его приглашают войти, он с довольным видом садится и курит свою трубку с таким спокойствием, как будто всякий аппетит утолен и он чувствует себя совершенно непринужденно; то же самое он делает и среди незнакомцев.

Если вы скажете индейцу, что его дети проявили себя в борьбе с врагом, сняли много скальпов и привели домой много пленных, он, по-видимому, не испытает по этому поводу особого удовольствия; обычно он отвечает: "Это хорошо", и он очень мало расспрашивает об этом дальше. Напротив, если вы сообщите ему, что его дети убиты или взяты в плен, он не будет жаловаться; он только ответит: "Это не имеет значения", и, вероятно, по крайней мере, какое-то время не будет спрашивать, как это произошло.

Их постоянство в перенесении боли превосходит все, что известно о любом другом народе. Нет ничего более обыденного, чем видеть, как люди всех возрастов и обоих полов в течение многих часов, а иногда и многих дней, страдают от сильнейшего воздействия огня и всего, что может изобрести самая изощренная жестокость, чтобы сделать это максимально болезненным, не давая вырваться ни единому вздоху.

Привыкшие с юности к бесчисленным лишениям, они вскоре становятся сильнее чувства опасности или страха смерти, и их стойкость, заложенная природой и возвращенная примером, наставлениями и случайностями, никогда не ослабевает ни на минуту.

V. КАСКАД МЕЛЬСИНГА.

На следующую ночь призрак поведал своему нетерпеливому слушателю следующую традицию:—

Давным-давно, за много веков до того, как ноги белого человека оставили свой отпечаток на этих берегах или был слышен стук его топора, поющего разрушительную песнь лесам наших отцов, в водопаде Мельсинга обитал Дух, весьма почитаемый всеми индейскими народами, живший днем в волне, а ночью на высокой скале, стоявшей в ее центре. Его часто видел охотник-индеец, проходивший тем путем вскоре после захода солнца. Когда его видели в этот час, он появлялся в образе высокого и могучего воина с обилием серых орлиных перьев на голове и в сером одеянии из волчьей шкуры, брошенном на него, стоя прямо на своей скале перед водопадами. Днем его внешность была более двусмысленной. Те, кто предполагал, что видели его, видели что-то плавающее вокруг каскада, как лягушка плавает под поверхностью.

Но никому никогда не было позволено увидеть его вблизи и лицом к лицу. По мере приближения наблюдателя фигура постепенно исчезала, погружаясь в некое подобие тумана; и на ее месте он обнаружил только белую полосу воды, которая переливалась через скалу, тяжело падая среди сгущающихся теней в бассейн внизу. Иногда, но гораздо реже, его видели в ранних сумерках перед восходом солнца готовящимся отступить от источника; и удачливым был охотник, которому он показался в этот час, ибо это было предзнаменованием успеха в охоте. Ни один из духов окружающей местности не являлся так часто во снах индейцам, которые устраивали свои убежища над горами; и когда формы умерших из страны душ приходили к их друзьям в ночных видениях, их часто вел за руку гигантский воин в волчьей шкуре и орлиных перьях. Никто не знал, что он причинил кому-либо вред, и поэтому его всегда считали добрым и милосердным гением, который помогал смертным во всех бедственных случаях и любил видеть их умиротворенными и счастливыми.

Прошло несколько поколений — деревья, которые были молодыми и бережливыми, стали старыми и покрылись мхом; и люди забыли, сколько лун прошло с тех пор, как среди племени, владевшего обширными землями за горами, жила [50], берега которого хмурятся над быстрой рекой, прекрасная девушка, дочь гордого вождя, чье имя не дошло до моего сознания. время. Но нам говорят, что он был величайшим воином своего времени, свирепым, как пантера, и хитрым, как лиса; а она прекраснее неба, усыпанного звездами, и нежнее летнего дня или молодого олененка. Она потеряла мать в раннем детстве; и, прежде чем солнца десяти сезонов засияли над ее головой, ее отец, который нежно любил ее и воспитывал так, чтобы она не выполняла работу, которая обычно возлагается на индийских женщин и девочек, пал от руки болезни, и она осталась одна. Воспоминание о его привязанности, о муках, которые она испытывала, и о глубоких слезах, которые она пролила из-за его потери, вселили в ее сердце мягкость и жалость, которые сохранились на всю жизнь, и с тех пор она всегда была невольной свидетельницей сцен огня и пыток, поводом к которым служили военные обычаи ее соотечественников. Когда ее возлюбленный и по отношению к ней добрый отец покинул землю и отправился в страну духов, она жила в хижинах пожилых воинов, которые были его товарищами по оружию и братьями-советниками в хижине, где мужчины собирались, чтобы обсудить войну и мир. Не только в хижинах престарелых ее встретили с радостью. Куда бы она ни пошла, ее встречали с добротой и привязанностью; они были так же привязаны к ней памятью о мудром и храбром воине, ее отце, и ее собственным мягким характером. Когда они говорили о ней, они сравнивали ее на своем языке с чем—то самым красивым, безобидным и робким среди животных - с лесным олененком, желтой птицей на полянах, весенним ветром, проносящимся над травянистым полем, голубем, нашедшим свою давно отсутствующую пару.

Прекрасная девушка, о которой я рассказываю моему брату, видела в детстве, когда ее ножка была маленькой, а сердце трепетало, Водопад Мельсинга, и однажды, когда наступал вечер, ей открылся облик Маниту, стоящего перед водопадом в своем одеянии из волчьей шкуры. После этого она часто видела его во сне, и, когда она достигла того возраста, в котором дети леса выбирают своего духа-защитника, она выбрала для себя Духа Водопада Мельсинга. Вскоре произошло обстоятельство, которое укрепило ее уважение и уважение ее народа к доброму Духу и доказало заинтересованность, которую он проявлял к благополучию своей прекрасной подопечной.

Однажды она отправилась одна в его жилище, чтобы сделать ему свои обычные подношения от имени себя, друзей, которых она любила, и своего народа; в руке она несла широкий пояс из

вампума и белые пчелиные соты из дуплистого дуба; по пути она остановилась и сплела гирлянду из самых ярких цветов сезона. Прибыв на место, она спустилась в маленькую узкую долину, по которой протекал ручей, прежде чем перелиться через скалу, и, стоя у края, бросала свои подарки, один за другим, в поток, который мгновенно уносил их к водопаду. Бассейн, в который спускается вода, был глубже, чем сейчас; постоянное осыпание камней сверху на протяжении многих веков частично заполняло темно-синюю впадину. Ручей тоже в то время недавно разлился из-за обильных дождей и низвергался в пропасть более сильным потоком и с более громким шумом, чем она когда-либо слышала прежде. Подойдя ближе к краю и посмотрев вниз, чтобы посмотреть, что стало с ее подношениями, она неосторожно поставила ногу на камень, покрытый слизистым налетом ручья; он соскользнул, и она вместе с потоком рухнула вниз головой в заводь.

Того, что последовало за этим, она не помнила — темнота, глубокая, как в могиле, окутала ее, и все вокруг было тихо. Когда она пришла в себя, то обнаружила, что лежит на краю бассейна и просыпается, словно от неприятного сна, с ощущением слабости в сердце. Сначала она подумала, что ее, должно быть, вытащил из воды кто-то из ее народа, и огляделась, нет ли кого-нибудь из них поблизости. Но нигде не было видно ни следа человека, ни звука: она слышала только шепот ветра и шум водопада и видела только неподвижные стволы и колышущиеся ветви, неподвижную скалу и скользящую воду. Она заговорила, благодаря своего избавителя, кем бы он ни был, самыми мягкими интонациями своего нежного голоса, но ответа не последовало. Вернувшись в деревню, где она жила, она самым тщательным образом навела справки, чтобы узнать, помогал ли ей кто-нибудь из ее соплеменников в час опасности и известно ли что-нибудь о ее приключении. Никто не слышал об этом — никто из племени в тот день не проходил мимо водопада; и девушка и все ее соплеменники были полностью убеждены, что ее спас от насильственной смерти ее дух—хранитель - Маниту водопада. Ее благодарность была пропорциональна полученной пользе; и с тех пор она ежегодно посещала каскад в то время года, когда была таким чудесным образом спасена, иногда одна, а иногда в компании молодых женщин своего возраста. В этих случаях темные скалы вокруг были увешаны гирляндами цветов и поясами из вампума, браслеты из бус были брошены в чистую воду, и пели песню, посвященную освобождению девушки доброжелательным духом этого места. Леса вокруг сотрясались от музыки темноволосых дев, собравшихся, чтобы спеть благодарственные гимны Маниту каскада.

Индейцы, жившие над горами, и те, кто владел страной внизу, хотя и принадлежали к одной и той же великой семье ленни ленапе, не всегда были в дружеских отношениях. В то время, о котором я рассказываю моему брату, между ними произошла крупная ссора, и калумет был зарыт в яму, из которой был извлечен топор. Индеец из племени, живущего выше по горам, был обнаружен вторгшимся в охотничьи угодья внизу и был убит в завязавшемся ожесточенном споре. Его народ с тревогой искал возможности отомстить за его смерть, и прошло совсем немного времени, прежде чем она попала в их руки. Молодой воин из низшего племени, пылающий пылом юности и честолюбивый прославить себя каким-нибудь героическим поступком, хвастался, что, несмотря на случившееся, он приведет оленя с охотничьих угодий к северу от того места, где великая река прорывается через горы. Соответственно, он отправился в одиночку в одном из легких каноэ, которыми пользуются индейцы, вверх по реке. Он высадился на восточном берегу, на расстоянии шага мальчика в полсолнца над каскадом Мельсинга, и после недолгих поисков убил оленя, перетащил животное в каноэ и отчалил от берега. До сих пор он оправдывал свое хвастовство и был усердно занят тем, что рисовал себе

славу, которая ожидала его по возвращении, громкие похвалы мужчин и молчаливые, хотя и более красноречивые похвалы дев, когда его мечты были развеяны внезапным нападением на него его свирепых и коварных врагов. За его передвижениями наблюдали, и он еще не достиг середины реки, когда показалось каноэ, в котором находились пятеро северных индейцев, огибавшее оконечность лесистого полуострова, выступавшего своими крутыми берегами далеко в воду. Тотчас же один из них натянул лук и, поднеся его к глазам, направил в сторону молодого могиганца; но другой, который, по-видимому, был предводителем отряда, намеренно положил руку на стрелу, которая была немедленно положена, а на ее место поднято весло. Одного взгляда было достаточно, чтобы показать воину, что все они хорошо вооружены и что его единственный шанс спастись заключается в том, чтобы добраться до берега раньше них и положиться на быстроту своих ног. Поэтому он работал веслом с большим усердием, и его каноэ быстро несло по воде, но враги быстро настигали его, и теперь было очевидно, что они должны настигнуть его прежде, чем он достигнет суши. В одно мгновение он прыгнул в воду и исчез; но его преследователи были слишком хорошо осведомлены о его цели, чтобы ослабить свои усилия, и продолжали свой путь к берегу. Когда он снова поднялся на поверхность, их каноэ было уже недалеко. Двое самых сильных из них бросились в реку; один из них, плывя с необычайной быстротой, вскоре догнал его и схватил за волосы на голове. Последовала отчаянная, но короткая схватка, в которой оба бойца пали. Через мгновение молодой воин появился снова без своего противника, которого больше не было видно, но преследователи уже окружили его. Они без труда схватили его, отнесли на берег и там, связав ему руки за спиной крепкой виноградной лозой, повели в свою деревню.

Молодой мохеганец, сочтя все попытки к бегству бесполезными, смирился со своей судьбой со всем безразличием, которое всегда напускает на себя индеец, хотя может и не чувствовать этого. Сначала он едва ли думал, что его предадут смерти, ибо знал, что люди, в руки которых он попал, славились по всей стране мягкостью своего характера и склонностью к милосердию; и еще больше он полагался на их известный страх перед его собственным воинственным и грозным племенем, столь же известным своей склонностью платить кровью за кровь и не допускать, чтобы на их пути росла трава, пока они не вкусят сладости мести. Однако он приготовился к худшему и начал закалять свое сердце против страха смерти. Он преуспел, потому что вскоре после того, как они двинулись в путь, его похитители приказали ему спеть песню смерти. Юноша повиновался и сильным глубоким напевом начал обычное хвастовство выносливостью и неприятием боли. Он пел о славе своего народа и о том, как часто они заставляли сердца своих врагов, его похитителей трепетать от страха, а колени дрожать от их дикого призыва к войне. Он рассказал им, что, хотя ему было немного лет, он видел, как северянин умер у него на руках; хотя его глаза были совсем юными, они смотрели на последнюю борьбу одного из их братьев. Время от времени он подхватывал мелодию, и в паузах его дирижеры хранили глубокое и суровое молчание.

Наконец отряд наткнулся на что-то вроде тропинки в лесу, по которой они прошли значительное расстояние, а затем внезапно резко остановились. Внезапно у них вырвался долгий пронзительный крик. Это был предсмертный крик их утонувшего товарища. Он разнесся по старым лесам и отозвался печальным эхом с соседних гор. При этом ужасном звуке птицы вылетели из своих гнезд в густой листве; орел, ястреб и ворон взмыли ввысь; и было видно, как олень убегает в более безопасное и отдаленное укрытие. Когда затих последний из их криков,

собравшиеся поднесли руки ко рту и издали второй крик, перешедший в дикие ноты движением пальцев. Последовал промежуток тишины, который, наконец, был нарушен неясным звуком пронзительных голосов на расстоянии, поначалу едва слышных, но с каждым мгновением становившихся все слышнее. Через минуту два молодых воина, которые, казалось, пришли более коротким путем, чем обычной тропой, прорвались сквозь кустарник и, не говоря ни слова, заняли свое место рядом с отрядом, который вел пленника. Вскоре на тропинке появилась толпа женщин и детей из деревни, которые кричали и распевали победные песни; за ними последовала группа стариков, которые шли в гробовом молчании. Как только они подошли, отряд возобновил свой марш и с триумфом повел своего пленника в деревню.

Деревня состояла из группы хижин, беспорядочно разбросанных, как всегда бывает в индийских деревнях, на большом пространстве. Он стоял в естественном углублении большого леса, на берегу ручья, который бурлил по неглубокому каменистому дну между скалистыми берегами, направляясь к слиянию с Великой Рекой. Индейское название этого дикого ручья было Мавенавасиг.

Пленному юноше повезло, что вожди и главные воины племени отсутствовали на охоте, и в таком серьезном деле было необходимо отложить решение судьбы пленника до их возвращения, которое ожидалось через несколько солнц. Поэтому его отвели в незанятую хижину и положили на циновку, связав по рукам и ногам и привязав прочной веревкой, сделанной из сухожилий оленя, к высокому столбу в центре, поддерживающему крышу. В обязанности одного из его похитителей входило присматривать за ним днем, а ночью двое из них спали в его каюте. В течение первых двух солнц его тюрьма была переполнена праздными, мстительными и любопытными. Родственники уопленника и того, кто был убит под Горами, пришли, чтобы насмеяться над его беспомощностью, уверять его в неизбежной смерти от пыток и ликовать в предвкушении смертельной мести. Они указали ему на вбитый в землю кол, к которому следовало привязать молодого могиганца, и разожгли вокруг него костер из самых сухих материалов, в то время как к нему прикладывали горячие щипцы, чтобы узнать, когда его мясо достаточно прожарится, чтобы сформировать подходящее блюдо для банкета. Другие подходили и смотрели на него с бесчувственным любопытством. Я должен был упомянуть своему брату, что его родители были ирокезами, сыном воина, принятого в племя могеган, и что он обладал статной и мужественной фигурой, смелым взглядом и спокойными глазами, которые принадлежат этому бывшему народу и могут быть прослежены везде, где есть их кровь. Они поговорили друг с другом, похвалив его прекрасный воинственный вид, высокий рост и хорошо сложенные конечности, и сказали, что он умрет храбро. Казалось, что один смотрел на него с жалостью. Красивое женское лицо несколько раз заглядывало в дверь и печально отворачивалось.

По мере приближения времени возвращения воинов презрение пленника к жизни и его страсть к славной смерти значительно уменьшились. Его сон был наполнен мечтами о чистых и приятных водах его племени, и его разум днем не мог удержаться от того, чтобы не заняться планами славы и честолюбия, которые он вынашивал. Тяжело было также покидать мир, в котором жили такие прекрасные существа, как она, посетившая его со слезой жалости и сочувствия, оросившей ее нежный взор. Стоило бы жить, подумал он, если бы только у него была возможность убедить ее, что он не неблагодарен и что его сердце, хотя и закрыто страхом смерти, открыто ее красоте и доброте. Искусственная стойкость, к которой он приучил себя, повинуюсь принципам, которым его учили, начала колебаться, и слава мучительной смерти и

спокойного перенесения боли теряли свою ценность в его глазах. "Не лучше ли было бы, - сказал он себе, - прожить долгую жизнь с прекрасной девушкой, которая только что покинула меня, загонять оленей и волков ради нее, а вечером возвращаться домой, нагруженный дичью, к очагу, который она должна поддерживать ярко горящим к моему возвращению?"

Наступила ночь, но она не принесла молодому воину сна, пока почти не истек срок ее дежурства. Проснувшись, он увидел через отверстие, служившее дверью в хижину, что возшла большая дневная звезда, а перед ней стоял угрюмый индеец, охранявший его. Минуты тянулись тягостно; никто не пришел в хижину, кроме старухи, которая принесла ему утреннюю трапезу. Любопытство племени было удовлетворено, и родственникам покойного надоело оскорблять его. Наконец тень человеческой фигуры упала на лужайку перед дверью, и в следующее мгновение появилась хорошо запомнившаяся фигура и прекрасное лицо. Девушка положила руку на плечо часового и указала на небо, где смелый орел улетал на восток. Наконец величественная птица опустилась на верхушку высокого дерева на расстоянии четырех или пяти выстрелов из лука, мгновение балансировала на когтях, затем сложила крылья и, устроившись на своем насесте, посмотрела вниз, на деревню, словно высматривая свою добычу. "Если твой лук будет верен, а стрела метка, - сказала девушка, - я буду стеречь пленника до твоего возвращения". Индеец бросил взгляд на пленника, как бы желая убедиться, что все в безопасности, и тут же исчез в лесу.

Затем в хижину вошла молодая девушка. Когда она приблизилась к пленнику, румянец выступил на ее смуглых щеках, глаза были опущены, походка дрожала, а когда она заговорила, ее голос был тихим, но мягким, как шепот весеннего ветра в ивовой роще.

"Я пришел предложить тебе свободу. Нельзя терять времени; завтра вернутся вожди моего народа, и тогда твоя охрана для солнца будет удвоена; лучи следующего солнца осветят тебя для пыток и смерти. Под их бдительностью твой побег становится невозможным. Мохеган, я здесь для того, чтобы вернуть молодому орлу крылья и перерезать веревки, которые связывают молодую пантеру из его племени.

- И молодой орел улетает один? молодая пантера отправляется в чащу без спутника? спросил воин.

Девушка прикрыла глаза длинными черными ресницами и ничего не сказала. Могеганка продолжила: —

"Ты дашь мне свободу моих конечностей, но оставишь мое сердце скованным. Не хочешь ли ты, мой прекрасный избавитель, быть соучастником моего бегства? Что будет для меня свободой, если ты не будешь светом моей хижины? Твое присутствие и твоя жалость почти компенсировали бы муки, которые ожидают меня, если я останусь. Не лучше ли мне умереть вместе с тобой, созерцая мое постоянство и терпение в страданиях, и воздать мне должное слезами, когда мой дух отправится в страну душ, чем уйти от твоего присутствия, скорбя о прекрасной девушке с яркими глазами, белокурыми волосами, спелыми губами и походкой олененка, которую я оставил в стране моих врагов? И что, мой прекрасный избавитель, скажут твои сородичи, если станет известно, а так и должно быть, что ты помог мне бежать и таким образом расстроил месть своего племени? Я лучше умру, Прекрасная Птица! смертью в огне, чем подвергну тебя малейшей опасности.

Почему я должен тратить время на то, чтобы рассказывать моему брату то, что мне так часто говорили? Сердце юной девушки у каждого народа мягкое и восприимчивое, и, когда его осаждают любовь и сострадание, оно слишком уверенно, чтобы уступить. Девушка заставляла воина снова и снова повторять его обещания любви и постоянства, как будто они были гарантией от любых печальных последствий неосторожности, которую она собиралась совершить. В конце концов она поверила всему, что он сказал, и согласилась стать его женой и спутницей в его побеге. "Но я не могу пойти к твоему племени, - сказала она, - потому что тогда тебе пришлось бы поднять томагавк против моего народа, а я не могу оставаться в жилище того, кто стремится пролить кровь моих друзей. Если ты возьмешь меня за проводника на твоём пути, я приведу тебя в укромное место, где стрелы твоих врагов не смогут достать тебя, и где мы сможем оставаться под защитой, пока эта туча войны не рассеется".

Юноша колебался. - Нет, - продолжала она, - я не могу пойти с тобой. Я перережу твои веревки, и Добрый Дух поведет тебя в страну твоих друзей".

Этого было достаточно: на этот раз любовь возобладала над жаждой воинской славы в груди потомка могавков, и было решено, что полет должен состояться этой ночью.

Они как раз пришли к такому выводу, когда вернулся человек, охранявший заключенного. Он отсутствовал тем дольше, что орел сменил насест и сел на дерево на еще большем расстоянии, чем вначале. Ему удалось сбить птицу, и теперь он демонстрировал свои огромные крылья с большим удовлетворением от успеха своей цели. Девушка вытащила из них пригоршню длинных серых перьев в награду за то, что показала добычу стражнику, и удалилась.

В полночь того дня пленник проснулся в хижине, а его надзиратели, растянувшись на циновке, спали у двери. Они начали относиться к нему с меньшей бдительностью, потому что он не предпринимал никаких попыток сбежать и не проявлял никакого желания к этому. Ему показалось, что он услышал легкий звук приближающихся шагов; он поднял голову и внимательно прислушался. Был ли это шелест листьев в соседнем лесу, который обманул его, или тяжелое дыхание спящих, или шум реки, на берегах которой стояла деревня, или крадущийся сквозь чащу хищный зверь, или движение духа? Это были единственные звуки, которые он теперь мог различать. Луч лунного света пробился сквозь щель в каюте и упал на тела его спящих охранников. Когда его взгляд остановился на ней, он увидел, что она постепенно расширяется, и вскоре после этого циновка, висевшая над отверстием, служившим дверью, полностью отодвинулась, и появилась легкая фигура девушки. Она осторожно и медленно переступила через дремлющих стражников и, подойдя к могиганцу с острым ножом, бесшумно перерезала веревки, которыми он был связан, и, прокрадываясь обратно к двери, поманила его за собой. Он так и сделал, при каждом шаге постепенно ставя ногу на пол от кончика до пятки и делая паузы между ними, пока не вышел из каюты. Его сердце подпрыгнуло, когда он обнаружил, что стоит на свободном воздухе и в белом лунном свете, с развязанными конечностями. Он увидел своего старого знакомого, звезды, такие же яркие и мерцающие, как всегда, и с восторгом увидел ту же реку, которая несла свои темные и бурные воды рядом с домом его отца. Они свернули на тропинку, которая вела через лес на запад, и, пройдя по ней на расстояние выстрела из лука, девушка свернула в сторону и взяла из густой кедровой рощи лук, копье и туго набитый колчан со стрелами, которые она вложила ему в руки. Затем она протянула ему накидку из волчьей кожи, которую жестом велела перебросить через плечо, и надела ему на голову нечто вроде шапочки, на которой покачивался пучок перьев, которые, как

можно помнить, она вырвала из крыльев орла, недавно убитого его стражем. Затем они быстро, но молча двинулись дальше. Вскоре они услышали, как небольшие волны реки бьются о берег; они спустились по глубокому откосу, и широкая вода поблескивала перед ними в лунном свете. Каное — его собственное каное — он узнал его с первого взгляда — стояло пришвартованное у берега и слегка покачивалось на приливе. Они вошли в нее; воин взялся за одно весло, девушка за другое; они оттолкнулись от берега и быстро поплыли вниз по реке.

Они скользили вдоль берега, мимо крутого берега, поросшего высокими деревьями, и мимо тускло освещенного лунным светом, окруженного горами, лесистого мыса, за которым река поворачивала и исчезала из виду.

Затем они достигли восточного берега и прошли недалеко от устья Маттоавоан, где она тихо и неторопливо впадает в великую реку, так близко, что они могли слышать из глубины леса непрерывающийся плеск ручья, перепрыгивающего через последний из обрывов, пересекающих ее русло. Они продолжали плыть под берегом, пока рев "Маттоавоана" не стих для слуха. Они были недалеко от подножия самой северной из гор, омываемых Великой рекой, когда слышался более мягкий плеск воды. Ручеек, путь которого был огорожен с обеих сторон густыми деревьями и кустарниками, связанными между собой лозами дикого винограда и плюща, сбегал по расшатанным камням и с веселым журчанием падал в воду внизу. Это был ручей Мельсинга. Переплетающиеся ветви и виноградные лозы образовывали низкую арку над его устьем, похожую на вход в темную пещеру. Молодая девушка указала на него и намекнула воину, что вверх по этому ручью лежит путь к тому убежищу, куда она намеревалась отвести его. При этих словах он вынул весло из воды и тихим голосом начал упрекать ее в неосторожности оставаться так близко от логова своих врагов. Долго они обсуждали этот вопрос, но когда она объяснила ему то, о чем он кое-что слышал раньше, о глубоком почтении, с которым относились к водопаду Мельсинга, предназначенному ею как место их уединения, и рассказала о его благотворительном влиянии на ее собственную жизнь, он был удовлетворен и повернул свое каное к берегу. Они причалили, и воин взвалил легкую барку на плечи, они прошли под аркой кустарников и виноградных лоз вверх по тропинке вдоль ручья и вскоре оказались у каскада. Девушка сняла со своей шеи нитку бус и медных украшений, полученных от индейцев острова Манхахадос, бросила их в воду и пробормотала молитву о безопасности и покровительстве Маниту этого места. На западной стороне глубокой долины, в которой они оказались, был выступающий из крутого берега скальный выступ, который давным-давно осыпался, и под ним воин и его прекрасная проводница решили укрыться до утра.

Едва они уселись на этом выступе скалы, как из центра пруда медленно поднялось существо огромных размеров, одетое в мантию из волчьей шкуры, а на голове у него был высокий пучок орлиных перьев. Это был Маниту из Каскада. Подойдя к дрожащей паре, которая боялась его гнева за вторжение в его убежище, он сказал голосом, напоминающим грохот его собственного водопада: "Почему вы здесь?" Девушка рассказала ему свою историю и потребовала его защиты для себя и возлюбленного. Он оказался немногословным духом, потому что в ответ только сказал: "Ты получишь это. Маскировка, которую ты приготовил, мантия из волчьей шкуры и пучок орлиных перьев сделаны из земли — они тебя не скроют — возьми мои. С этими словами он отдал могиганцу свою собственную одежду и хохолок, а взамен получил те, что хитрая дева приготовила для своего возлюбленного. Вкратце посоветовав им обращаться к нему, когда у них возникнут трудности, он исчез в бассейне.

Возвращение света застало жителей индийской деревни на реке Мавенава в непривычной суеде и замешательстве. Все воины были на свободе; беглецов искали, обнаружили и проследили до берега Великой Реки. Следы их шагов на песке, следы каноэ в тех местах, где оно было привязано к берегу, и весел, в которые они были воткнуты, чтобы оттолкнуть его от берега, не оставляли сомнений в том, что воин увез прекрасную девушку к своему племени, и все преследования были прекращены.

Тем временем воин был занят строительством жилища. К выступающему выступу скалы был приставлен ряд жердей, которые, таким образом, служили крышей; они были покрыты ветвями с густой листвой, а поверх всего было уложено некоторое количество сухого хвороста, сложенного так нерегулярно, что при взгляде на него с небольшого расстояния не вызывало подозрения о замысле человека. Обитатели этого грубого жилища питались дичью, водившейся в соседнем лесу, рыбой из устья речушки, а также плодами и кореньями из почвы. Их потребности были немногочисленны и легко удовлетворялись, и они были счастливы.

Однажды, когда влюбленный сидел у двери своей хижины, он услышал голоса двух человек в лесу, которые, казалось, приближались к этому месту. Он понял, что если попытается спрятаться, войдя внутрь, они могут проникнуть в долину и раскрыть секрет его убежища. Поскольку он был облачен в одеяние духа, он полагал, что будет лучше смело предстать перед их взором и довериться в целях безопасности своему воплощению доброго Маниту. Поэтому он взял свой лук, который лежал рядом с ним, и принял вертикальную неподвижную позу на краю бассейна, напротив воды, стекающей со скалы. Через мгновение из-за деревьев показались два индейца из племени девы. При виде величественной фигуры в серой мантии и перьях, вооруженной луком, увеличенной из-за их страхов в три раза по сравнению с реальными весом и размерами, они вздрогнули и издали возглас удивления. Он взмахнул своим луком, отсылая их прочь. Один из них бросил в него пару наконечников стрел, которые держал в руке, и которые упали в воду к ногам воина, обдав его брызгами, которые они подняли; и, делая жесты почтения и мольбы, оба индейца немедленно ретировались.

Так прошло время — быстро и приятно — от конца Луны Посева до начала Луны Сбора Урожая. Как известно моему брату, потребности индейцев невелики и легко восполняются; а что касается небольших неудобств, которые могли сопутствовать их положению, то традиция гласит, что обитатели долины Мелсинга находили компенсацию во взаимной привязанности. Время от времени они видели, как добрый Маниту выходит из Водопада подышать вечерним воздухом, и когда он делал это, они неизменно удалялись в свою беседку. Наконец, когда однажды воин отважился перевалить через горный хребет, возвышавшийся к юго-востоку от каскада, и охотился в глубокой долине за ним, он внезапно наткнулся на индейца из своего собственного племени, который сразу узнал его. Состоялось объяснение, в ходе которого он узнал, что между его народом, могиганцами, и тем, что обитало за Горами, был заключен мир. Могавки, которые господствовали над обоими народами с твердой властью и заявляли о праве вести войну и заключать мир за них, услышав об их разногласиях, послали одного из своих вождей примирить их и приказать двум племенам жить в дружбе. "Дети мои, - сказал Гарангула, могавак, на совете, на который были созваны вожди обоих племен, - нехорошо, что вы, братья, проливаете кровь друг друга. Если один из вас пострадал от рук другого, ваши отцы Пяти народов увидят, что между вами восторжествовала справедливость. Почему вы должны обижать друг друга? Когда-то вы уничтожали себя в своих войнах, но теперь, когда вы живете вместе под сенью великого древа Пяти Народов, вам подобает обрести покой и навсегда

похоронить томагавк у его корня. Узнайте о своих собственных реках. Потоки Маттоавоана и Мавенавасига, после борьбы и растраты своих сил среди скал, наконец, мирно смешиваются в недрах отца вод, Великой Реки Гор ". Совет, поскольку они не могли придумать ничего лучшего, одобрил слова Гарангулы; было решено, что родственники охотника, убитого у подножия Горы, должны быть умиротворены подарком в виде пояса из вампума и раковин, и вожди вместе выкурили трубку мира и вручили пояса из вампума в память о договоре.

Воин поспешил в долину Мельсинга, чтобы сообщить эту новость своей возлюбленной девушке. Их убежище было немедленно покинуто, не без некоторого сожаления о том, что они покидают место, где было проведено столько счастливых дней; березовое каноэ было доставлено к устью реки, и после того, как воин, по ее искренней просьбе, отвез свою невесту в гости к ее собственному племени, он спустился с ней к своим друзьям под горами. Индейцы давно посещали водопад, и только с тех пор, как в соседнем лесу раздался стук топора белого человека, добрый Маниту отступил от водопада Мельсинга.

ЛЕГЕНДА О РУЧЬЕ КОАТУИТ. [51]

Когда—то среди маршпи - небольшого племени, у которого есть свои охотничьи угодья на берегах Великого озера и недалеко от мыса Бурь [52]— жила женщина по имени Авашанкс. Она была довольно глупой и на редкость ленивой. Целыми днями она сидела, ничего не делая, в то время как другие женщины деревни были усердно заняты прополкой кукурузы, или приносили домой топливо из дальнего леса, или сушили рыбу, или покрывали соломой хижины, или чинили сети, или одежду их мужей, или готовили охотничье оружие. Тогда она была такой уродливой и дурно сложенной, что ни один из деревенских юношей не нашелся бы, что сказать ей в порядке ухаживания или женитьбы. Она очень щурилась; ее лицо было очень длинным и худым; нос чрезмерно большим и горбатым; зубы кривыми и выступающими; подбородок почти таким же острым, как клюв гагары, а уши большими, как у оленя, и такой же формы. Ее руки, которые были очень длинными, представляли собой всего лишь голые кости, а ноги, на которых она стояла, казались двумя сосновыми жердями, ободранными с коры. В целом она была очень странной женщиной необычного телосложения, и куда бы она ни пошла, неизменно вызывала много смеха и насмешек среди тех, кто считал, что уродство - достойный предмет для насмешек.

Хотя, как я уже говорил моему брату, она была чрезвычайно уродлива, одной способностью она обладала в более замечательной степени, чем любая женщина, когда-либо жившая в племени, — это было умение петь. Ничто — если только такое можно было найти в стране духов — не могло сравниться со сладостью ее голоса или красотой ее песен. Ее любимым местом отдыха был небольшой холм, немного удаленный от реки ее народа, и там, сидя под тенистыми деревьями, она коротала летние часы со своими чарующими песнями. Так мягки и прекрасны были слова, которые она произносила, что к тому времени, как она пропевала хотя бы одну фразу, ветви над ее головой наполнялись птицами, которые слетались туда послушать, а заросли вокруг нее и вода, текущая рядом с ней, были переполнены зверями и рыбами, привлеченными к ближайшему краю или укрытыми теми же сладостными звуками. От пескаря до морской свиньи, от воробья до орла, от улитки до омара, от мыши до крота — все спешили на место, чтобы послушать чарующие песни отвратительной болотной девы. И разнообразными,

но достаточно шумными и диссонирующими были средства, с помощью которых существа свидетельствовали о восторге и преклонении, вызванных звуками, которые привлекли их туда.

Среди рыб, которые каждую ночь собирались поблизости от Небольшого Холма, который был излюбленным местом отдыха уродливой певуни, был великий военный вождь форелей, рыбьего племени, обитающего в реке неподалеку, и которые, как известно моему брату, обычно выбирают местом жительства холодный и каменистый ручей. Это их любимый вид спорта - прятаться среди корней деревьев, которые растут у берегов их любимых ручьев. Они очень хитрый и застенчивый народ, и им редко удается благодаря своей хитрости и застенчивости избежать всех ловушек, расставленных для них врагами. Вождь племени, который жил в реке Топей и который также был их духом-хранителем, был гораздо крупнее, чем обычно бывают представители его народа, ростом с человека и довольно толстым, а мой брат знает, что такого размера достигают немногие из его соплеменников. Но чтобы мой брат мог объяснить свои огромные размеры, необходимо только сказать ему, что матерью этой огромной форели была чудовищная камбала.

Из всех существ, которые приходили послушать пение Авашанков, ни одно, казалось, не получало такого удовольствия, как Вождь форелей. Поскольку его габариты мешали ему подойти так близко, как он хотел, он время от времени, в своем стремлении насладиться музыкой с максимальной пользой, утыкался носом в землю и таким образом вскоре продвинулся на значительное расстояние вглубь зелени. Каждую ночь он продолжал свои усилия, чтобы приблизиться к источнику восхитительных звуков, которые он слышал; пока, наконец, он не проложил широкий и красивый ручей и не добрался от реки до холма, откуда доносилась эта музыка, — расстояние, превышающее полет стрелы. Туда он отправлялся каждую ночь с наступлением темноты, уверенный, что встретит девушку, которая стала так необходима для его счастья. Вскоре он начал говорить об удовольствии, которым наслаждался, и наполнять уши Авашанк нежными заверениями в своей любви. Вместо того, чтобы слушать, прошло совсем немного времени, прежде чем к нему прислушались. Для девушки было чем-то таким новым и непривычным слышать нотки любви и ухаживания; было так необычно слышать, что она красива, и настаивать на том, чтобы отдать свое сердце поклоннику; что неудивительно, что ее голова, никогда не отличавшаяся крепостью, полностью вскружилась от нового происшествия в ее жизни, и что она начала думать, что булькающая речь влюбленного - самое сладкое, что она когда-либо слышала. Там, на небольшом пригорке, в тени высоких деревьев, она просиживала весь свой сон, прислушиваясь к самым сладким звукам, которые когда-либо слышали ее уши; в то же время свидетельствуя о своей привязанности к своему пылкому возлюбленному, кормя его кореньями и другой пищей, от которой он приходил в восторг. Но на пути к осуществлению их обоюдных желаний были препятствия, которые они не знали, как преодолеть. Он не мог прожить на суше более двух минут за раз, а она - в воде более трех раз за этот период. Такое положение вещей сильно огорчило их, заставив девушку пролить много слез и сильно озадачив ее пылко возлюбленного.

Однажды вечером они встретились в обычном месте, обсуждая эти вещи и сокрушаясь о том, что двое столь любящих людей обречены жить порознь, когда легкий шум за плечом девушки заставил ее повернуть голову. Ужас наполнил ее грудь, когда она обнаружила, что он исходит от маленького полосатого человечка, едва ли выше высокого мальчика десяти лет. На шее у него висела нитка со сверкающими раковинами, а в его волосы, зеленые, как ил, причудливо вплетались длинные водоросли, которые растут на камнях на дне Большого озера. Его руки и

ноги по форме напоминали рыбы плавники, а голова напоминала огромную пикшу. Его тело было покрыто чешуей, как у любой другой чешуйчатой рыбы; действительно, за исключением того, что он ходил прямо, как человек, и имел две ноги и две руки, и что его глаза располагались не так, как у рыб, его вполне можно было принять за рыбу неизвестного ранее вида. Некоторое время молча наблюдая за влюбленными, он спросил, "почему они были такими мрачными и подавленными".

Застенчивость девушки помешала ей ответить, но Вождь форелей ответил, что "они любили друг друга и хотели жить вместе, но девушка не могла существовать в его стихии, а он - в ее; и поэтому оказалось, что им никогда не суждено познать радости, которые вкушают те, кто живет в одной хижине".

"Не печалься и не теряй надежды, - ответил Дух. - препятствия могут быть устранены. Я - гений, который управляет рыбами, и с самого начала был наделен властью доставлять им все удовольствия, которые они способны отведать. Я не могу превратить форель в человека — это должен сделать дух земли, — но я могу превратить человека в форель — под моим обаянием болотная дева превратится в прекрасную рыбу того же вида, что и вождь".

С этими словами он приказал Авашанк следовать за ним в реку. Когда они зашли вброд на значительную глубину, он набрал пригоршню воды и выплеснул ее на голову девушки, произнося при этом определенные слова, значения которых никто, кроме него самого, не знал. В ней немедленно произошла перемена, сопровождавшаяся такой болью и отчаянием, что сам воздух огласился ее криками. Ее тело за несколько мгновений покрылось чешуей; ее уши, нос, подбородок и руки исчезли, а две ее ноги соединились, образовав ту часть рыбы, которая называется хвостом — она превратилась в настоящую форель. Полностью выполнив задачу преобразования, Гений Рыб передал ее Вождю Форелей. Вскоре было замечено, как пара с большой любовью скользит бок о бок в глубоких и спокойных водах. Но, хотя она и стала форелью, она не забыла землю, на которой родилась. Каждое время года, в ту же ночь, что и та, когда произошло ее исчезновение из племени, можно было видеть двух форелей, по величине превосходящих в пятьдесят раз все, когда-либо пойманные болотниками, деловито занятых расчисткой ручья. Они продолжали трудиться или забавляться, как бы это ни называлось, пока бледнолицые не пришли в страну, когда, посчитав, что им угрожает опасность со стороны народа, который не почитает духов земли, они навсегда распрощались *с Коатуитом, или Ручьем Большой Форели*.

ДУХИ ПАРА.

В давно минувшие дни среди племени Книстено был очень мудрый вождь, который также был величайшим знахарем, когда-либо жившим в стране. Он знал все травы, и растения, и корни, и кору, которые были хороши для лечения болезней; и, что еще лучше, слова, и заклинания, и молитвы, и церемонии, без которых они не были эффективны. Он мог вызвать дождь из облаков и предсказать приближение бурь, града и непогоды, превосходя любого человека, когда-либо жившего в стране. Если бы его поклонение Ки-джай Маниту, или Великому Духу, не было искренним, частым и пылким, всего этого не было бы; он обнаружил бы, что его молитвы не услышаны, или к ним не прислушиваются, или они остаются без ответа — он увидел бы, что его мастерство сбито с толку, а его чары и лекарства бессильны и неэффективны. Но он был любим

Великим Духом, и оттуда пришли его мудрость, и могущество, и сила, и успех; и оттуда, знает мой брат, — ибо он сам мудрый священник и хитрый человек, — приходят мудрость, и сила, и могущество, и успех всех людей, будь то белые, как он, или красные, как я.

Но если этот добрый и благоразумный священник Книстено был любим Великим Духом, то Матчи Маниту, или Дух Зла, в равной степени ненавидел его. Это злое существо, противоположное тому, кто посылает добрые дары Книстено, наслаждается озорством и больше всего радуется, когда причиняет вред или огорчение человечеству и навлекает на них разорение и смятение, голод, наготу, нужду, болезни, муку, позор, видя, как Макусуэ, ибо так звали священника, вмешивался в его планы свидетельствовать о своей ненависти к людям, всегда заставлял его чувствовать тяжесть своей мести и срывал его планы на благо нации всеми доступными ему средствами. Если Макусуэ отправлялся собирать *Moshcharnewatchar* [53], он был уверен, что Злой Дух примостился поблизости, пытаясь отпугнуть его; если он отправлялся копать *Ehawshoga* [54], его враг, несомненно, заставил землю замерзнуть, чтобы он мог потерпеть поражение в достижении своей цели. Если бы Макусуэ захотел пересечь озеро, ветер наверняка подул бы яростно в тот момент, когда он сел в свое каноэ, а дождь промочил бы его насквозь еще до того, как он покинул его. Если он искал возможности застать Коппермайнов врасплох, Злой Дух летел со скоростью гагары при сильном ветре, чтобы сообщить им о своих намерениях. Столь же велика была ненависть Макусуэ к Злому Духу. Если он находил кого-нибудь, склонного поклоняться ему, он был неутомим в своих попытках отделить его от себя. Он никогда не упускал случая поиздеваться над ним, когда тот был в ярости, не кричал и не улюлюкал ему вслед, когда видел, как тот пролетает над ним, и не натравливал на него собак, когда он бродил по деревне в полночь. Так между Матчи Маниту и добрым священником разгорелась ожесточенная война, и каждый причинил другому столько вреда, сколько мог. Оба хмылялись друг другу всякий раз, когда встречались, как пара скрещенных собак, нашедших кость, или как женщина своему мужу, который привел жену помоложе, чтобы заменить ее в любви.

Но, в конце концов, успех Макусуэ в отвлечении поклонников от своего врага стал настолько велик, что последний испугался полного обезлюдения своих Охотничьих Угодий, или Страны Нечестивых Душ. Для него величайшим наслаждением было мучить души людей, и этого наслаждения, если Макусуэ продолжит свой путь к успеху, он, скорее всего, будет лишен. Поэтому он пошел к Великому Духу и обратился к нему так: —

"Когда мы создавали человека, разве мы не договорились, что я должен забирать души нечестивых, а ты - души добрых?"

"Мы договорились, что ты должен забрать души нечестивых, а я - души добрых", - ответил Великий Дух. "И ты хочешь сказать, что соглашение не было соблюдено?"

"Ни ты, ни я не нарушали его, и все же оно нарушено".

"Тогда каким образом и кем оно нарушается?"

- Макусуэ, священником и вождем племени Книстено.

- Что сделал Макусуэ? - спросил я.

"Сбивал с толку и препятствовал мне во всех начинаниях: если кто-то предлагает принести мне жертву, приходит Макусуэ и тушит огонь. На лице другого человека написана смерть, но Макусуэ произносит сильные слова по [ГИПЕРССЫЛКЕ](#) *намастинджей*, пациент пьет его, выздоравливает, а я неудачник. Таким образом, я лишен приятного занятия мучить нечестивых. Теперь не умирает никто из тех, кто принадлежит мне".

"Что ты хочешь, чтобы я сделал?" потребовал ответа Великий Дух. "Макусуэ - хороший слуга и очень честный священник. Я не могу допустить, чтобы ему причинили вред. Но чтобы ты не совсем нуждался в делах, я позволю тебе мучить в течение трех солнц и трех снов души всех Книстено, которые принадлежат мне, — души нечестивых остаются твоими. Но ты должен разжечь огонь, чтобы сжечь их только в низинах и на болотистой местности".

"Это хорошо", - ответил Злой Дух. - Я прослежу, чтобы огонь разводили только в низинах и на болотистой местности.

Итак, Злой Дух, очень довольный своей сделкой, вернулся в страну Книстено, чтобы присмотреть за душами их умерших, а Великий Дух полетел обратно на Гору Грома.

Когда Макусуэ рассказали о соглашении, которое Великий Дух заключил с Духом Зла, горе за свой народ наполнило сердце доброго священника. С наступлением темноты он поднялся на холм с олаем на волосах и обратился к своему хозяину так:

"Я долго служил тебе, и ты верно говорил, но ты отдал души моего народа, которых я привел к тебе, в руки Злого Духа, чтобы они мучились три солнца и три сна".

"Я знаю, что я сделал это", - ответил Учитель. "Разве это не хорошо?"

"Ты не можешь поступить иначе, как хорошо, - ответил священник. - и все же, почему должны быть наказаны, даже на такой короткий срок, те, кого ты счел достойными жить в Счастливых Охотничьих угодьях вечно?"

"В том, что ты говоришь, есть резон, Макусуэ", - ответил Великий Дух. "С моей стороны было не очень разумно оказывать столь большую услугу Матчи Маниту. Но это сказано, и его нельзя вспомнить".

"Но этого можно избежать", - ответил хитрый священник.

- Как? - спросил Учитель.

- Ты сказал Злому Духу, что он может мучить души Книстено три солнца и три сна, заботясь о том, чтобы разжигать огонь только в низинах и болотистых местах.

- У меня есть.

"Пусть души умерших, как ты сказал, вернуться в те места, но пусть они сначала примут форму, которую Злой Дух не сможет истязать. Пусть они вернуться туда в виде тумана или пара".

"Это хорошо", - ответил Великий Дух. Поэтому он приказал духу каждого Книстено, сразу же после того, как он покинет тело, носить в течение трех солнц и трех снов форму тумана или дымки. Именно благодаря этой уловке мудрого Макусуэ души нашего народа были освобождены от пыток, которые готовил для них Матча Маниту. И все равно продолжается то же

самое. Когда дыхание Книстено покидает тело, оно на определенный период восстанавливается в низменных болотистых местах, где превращается в туман и пары. Если мой брат отправится в одно из этих мест в любой из трех дней, следующих за смертью Книстено, он увидит, что мои слова - это не слова пересмешника, а слова человека, который знает, что гнев Великого Духа обрушится на него, если он не будет говорить правду.

ДЬЯВОЛ С МЫСА ХИГГИН.

Давным-давно, еще до оккупации острова Ноуп белыми людьми, на северной стороне и недалеко от его западной оконечности жил дух, или гоблин, — очень добродушный, миролюбивый, умный старик, очень любивший посмеяться и хорошо пошутить. Индейцы называли его *Мошуп*, что означает "очень злой Дух", но, когда пришли белые люди, они называли его в честь маленького локтя, или мыса суши, где он обычно обитал, Дьяволом с мыса Хиггин. Существует другая традиция, в которой говорится, что он когда-то жил на материковой земле, напротив Ноупа, и недалеко от ручья, который был вырыт Большой Форелью [56]. Было сказано, что Мошуп пришел в Ноуп в поисках нескольких детей, которых унесла большая птица, и, найдя это место приятным, умных людей и изобильную пищу, решил поселиться там [57].

Мошап, Дьявол с мыса Хиггин, был отнюдь не так плох, как подразумевает его титул. Недостатки у него были, это правда, но без недостатков не бывает никого. И тогда, по сравнению с пороками людей, пороки дьявола казались сущими пустяками. Он был несколько распушен в своих нравах и, кроме того, довольно сердит на свою жену, но он компенсировал последний недостаток своим неустанным вниманием к женам своих соседей. Он позволял себе очень мало слабостей, не пил ничего крепче воды и никогда не съедал больше маленького кита или пяти-шести морских свиней за один прием пищи. Его величайшим пристрастием было курение индийской травки, которым он занимался в избытке. Он был умерен в своих требованиях к индейцам, требуя в качестве дани лишь десятую часть всех китов, грампассов и финбеков, которых могли добыть жители Острова, вместе со всеми морскими свиньями, пойманными в Месяц Лягушек. Зло дефицита, так что оно не было вызвано ленью, он переносил с большим самообладанием. Но если его пытались обмануть, посылая ему самую плохую рыбу, или если у него забирали какую-нибудь часть его доли, если прятали морскую свинью или палтуса, или тонула голова финвала с привязанным к ней бумом, или плавник кита зарывался в песок, он проявлял самые ужасные симптомы гнева и ярости и никогда не упускал случая заставить индейцев дорого заплатить за свое мошенничество. Но те, кто жил по соседству с ним, действительно, все подлежали сбору десятины, мало склонные в любое время сражаться с духами и демонами, платили свои взносы с большой быстротой и поэтому редко вступали в столкновения со своим мрачным и могущественным соседом. Сказать по правде моему брату, ссориться с ним было не в их интересах. Он был очень важен для них во многих их начинаниях и помогал им большим количеством полезных советов. Он часто направлял их к прекрасному косяку черной рыбы, или предлагал им увидеть китов, или снаряжал их каноэ для охоты на финвала; он говорил им, когда сажать и собирать кукурузу, и предсказывал им приближение штормов с точностью, приносящей им величайшую пользу. Он также помогал молодым людям в их ухаживаниях вплоть до того момента, когда они взялись за руки, но ходили слухи, что он делал это из склонности, очень подходящей такому непослушному существу, как он сам, которое не могло не найти своего вклада в умножение человеческих страданий и, таким

образом, увеличивало их шансы попасть во владения Хоббамока, своего хозяина. Была ли какая-нибудь маленькая плутовка, которую девочке предлагали стать женой юноши, и ее родители остались в стороне до времен мора ускебага, которого, кроме Мошупа, вызвали для переговоров о меньшем количестве? Если отец говорил: "Этого не будет", а Мошупа можно было убедить сказать: "Это будет", отец обязательно находил предлог, чтобы изменить свое решение. Если кто-то любил молодую женщину, а она дулась и изображала безразличие, три слова от Мошапа наверняка образумили бы ее. И когда женщины были склонны к брани, он каким-то образом обладал удивительным умением укрощать их. Принимая во внимание все обстоятельства, легко прийти к выводу, что он был любимцем индейцев; действительно, некоторые из наших отцов говорят, что когда-то он был их великим сахемом; большая часть, однако, думает, что он был первым губернатором белых, и я в это верю.

Но духи и демоны, а также дети этого мира, будь то белые или красные, подвержены изменениям мнений и поведения — множеству прихотей и фантазий. С возрастом Мошуп становился резким и злобным. Перемены впервые ощутил в своей собственной семье, мир в которой вскоре был разрушен постоянными раздорами. Он бил свою старуху ни за что, а своих детей - и того меньше. Вскоре он начал изводить своих подданных новыми требованиями и придирками. Теперь он часто требовал половину кита вместо десятой части или брал, не спрашивая, целиком грампуса или плавниковую спинку. Вместо того чтобы способствовать развитию браков, он очень старательно предотвращал их; вместо того чтобы излечивать любовные ссоры, он делал все возможное, чтобы сделать их непримиримыми. Он сломал много хорошо организованных спичек и испортил много супружеского счастья, поставил за уши многие дружные семьи и спровоцировал частые войны между различными племенами острова. Диких уток он пугал ужасающими криками, так что лучник-индеец больше не мог к ним приближаться; он срезал пружины, установленные для охоты на тетеревов и вальдшнепов, — короче говоря, он стал очень беспокойным и опасным духом. Однако беспокоиться было бесполезно; он прочно сидел у них на шеях, и стряхнуть его было невозможно. Поэтому индейцы с большим терпением переносили его выходки, спокойно расправлялись с потрохами кита и лишь из предосторожности удалялись от него как можно дальше. Из-за его жестокого поведения в окрестностях не осталось людей, и вскоре на маленьком клочке земли, который белые люди называют мысом Хиггин, единственными обитателями были Дух Мошап и его семья.

На южном берегу того же острова Ноуп, на расстоянии десяти или двенадцати миль от резиденции Мошупа, в то же время жил Хивасси, гордый и своевольный сахем той части острова, которая наиболее подвержена весенним туманам. Он был очень богатым и могущественным человеком, у него было множество виноградных лоз и обширных прудов, изобиловавших моллюсками, устрицами, окунями, крабами и дикой птицей; много болот, наполненных черепахами и клюквой; и много земли, хорошо приспособленной для выращивания кукурузы и других полезных продуктов. Он считался самым могущественным сахемом на острове. Кроме того, он был в прекрасных отношениях с Мошупом и поэтому избегал всех налогов, контрибуций и десятых долей, просто время от времени даря ему несколько корзин винограда или несколько черепах. У этого Сахема была дочь, молодая и более красивая, чем любая девушка, которую когда-либо видели в Нопе. Она была выше, чем обычно бывают индийские девушки, ее волосы были длинными и блестящими, как у воронова крыла, а походка очень легкой и грациозной. Затем она намного превзошла женщин своего племени в упражнениях, свойственных другому полу. Никто не натягивал лук с такой силой, не пытал пленника с такой изобретательностью, не танцевал военный танец с такой ловкостью и не пел

боевую песню легкими так эффективно. Я должен сказать моему брату, что, согласно традиции нашего народа, она впервые научила индийских женщин вставлять клешню краба в носовой хрящ и вставлять раковину моллюска в нижнюю губу в качестве украшений. Она действительно была прекрасным созданием и лучше, чем кто-либо другой, понимала искусство привлекать к себе всех храбрецов и лучших людей страны; любовь и восхищение противоположного пола сопровождали ее, куда бы она ни пошла. Вигвам ее отца был полон поклонников, которые приходили просить ее любви. Там были вожди племен, обитавших в Нешамойесе, Чаббакиддике, Попаннесите, Сукатассете и многих других местах; воины, прославленные и бесстрашные, которые просили руки Великого Сахема. Но нет, она была глуха к их мольбам, смеялась над всеми их подарками в виде раковин, черепах и орлиных перьев и тщательно и скрупулезно запирала двери отцовского вигвама от всех поклонников, которые, согласно индейским формам ухаживания, приходили, когда гас свет и родители спали, чтобы нашептать нежные сказки рядом с ее ложем. Правда, которую следует сказать моему брату, заключается в том, что она задолго до этого привязалась к молодому воину, суровому к своим врагам, но отличавшемуся кротостью, который жил на западной оконечности острова и считался любимцем, некоторые говорили, что он был сыном Дьявола с мыса Хиггин. Они любили друг друга давно и с самой искренней привязанностью (1), и все их надежды были сосредоточены на союзе.

Но мой брат знает — если он не знает, я скажу ему, — что отцы и матери не всегда позволяют дочерям поступать по-своему в браке. Гордый отец возразил влюбленному, потому что тот убил всего трех врагов и не происходил из рода вождей, отличавшихся мудростью или доблестью. Что же было делать? Влюбленные обсуждали этот вопрос снова и снова и, наконец, решили обратиться к Мошупу за помощью и советом. Они немедленно отправились в обычное жилище гоблина. Это был самый благоприятный момент; они нашли его в бреду радости. Стая китов недавней темной ночью, сбита с толку, налетела на соседний выступ скалы, и великое множество прекрасных детенышей было отложено у входа в его пещеру в качестве его доли. К тому же брат-гоблин, живущий где-то на материке, прислал ему немного превосходного старого табака; и это, вкупе с появлением в счастливый момент других оживляющих обстоятельств, привело его в такое необычно доброе расположение духа, что он совершенно забыл о своем недавнем решении досаждать всем влюбленным и пообещал подружиться с незадачливой парой. Он поднялся со своего места, положил в кисет несколько сотен фунтов табака, снял с углей наполовину поджаренного грампуса, чтобы подобрать по дороге, и отправился в Санчевинтакет, место жительства Хивасси: молодой воин восседал у него на плече, а девушка, устроившись на носилках, образованных его рукой, горизонтально лежала у него на груди.

Мошуп не был дьяволом с крыльями, но у него были две ноги, и он мог использовать их с большой пользой. Поэтому он пустился довольно быстрой рысью и очень скоро был в конце своего путешествия. Он нашел Великого сахема занятым на пиру, но это не помешало ему сразу рассказать о своем поручении. С большим спокойствием и в совершенной тишине, поскольку у него не было ни одного из своих приступов разговорчивости, он услышал, как отец девушки изложил причины, по которым он отказал своей дочери любовнику. Это были те, к которым уже тысячу раз призывали раньше: "Бедность — бедность — низкое происхождение — низкое происхождение; недостаточно известны — недостаточно прославлены".

"Это все, что ты можешь сказать против молодого человека, старый дурак?" - спросил Мошап.
"Чего ты хочешь? Что должно быть у молодого человека?"

"У него должно быть много земли — у него должен быть остров", - ответила Хивасси.

"Хорошо", - сказал Мошуп, втягивая в рот огромное количество дыма и выпуская его через нос. "Следуйте за мной!"

В то время, о котором я рассказываю, остров Ноуп простирался до маленького острова Туканак и включал его в себя. Маленький остров был тогда частью большего острова; но однажды разразился сильный шторм, бушевали ветры и гремели раскаты грома, и штормы обрушились на остров, и он разделился на два острова. К высокому утесу на восточной стороне того же Туканак Мошуп повел Хивасси, свою дочь, ее возлюбленного и огромную толпу других индейцев, которые последовали за ним, чтобы посмотреть, какой замечательный подвиг он совершит. Прибыв на место, он сел на землю и начал свое заклинание. Сначала он вырыл в земле большую яму, в которую бросил много раскаленных камней, при этом бормоча множество слов, которые никто, кроме него самого, не понимал. Затем он набил свою трубку табаком, разжигая ее лучами от вспышки молнии. Когда это было сделано, он поклонился один раз восходящему солнцу, два раза Полярной Звезде, трижды дунул в раковину, пробормотал еще несколько неразборчивых слов и принялся с огромной скоростью курить. Через несколько минут стало темно, как самой темной ночью, и поднялась ужасная буря. Ужасно гремели раскаты грома, сверкали молнии, лил дождь, и на востоке слышалось множество голосов, пыхтящих и отдувающихся, как от людей, занятых великим трудом. Вскоре послышалось шипение, похожее на звук тлеющих углей, опущенных в воду, — Мошуп опорожнил свою трубку. Теперь с запада подул сильный ветер, который, постепенно рассеивая созданный им дым, явил их взору что-то низкое, темное на востоке. Это был остров обетованный — пепел из трубки Мошапа. Пара, которой Мошап подарил этот остров, дала ему название Нантакет, и такое оно носит по сей день.

Мне больше нечего сказать.

ПРИМЕЧАНИЕ.

(1) Любили друг друга с самой искренней привязанностью.—с. 327.

Принято обвинять американских индейцев в крайней холодности характера и представлять их неспособными к искренней и постоянной привязанности. Это ошибка. Это правда, что со стороны мужчин все проявления привязанности подавляются из-за веры в то, что проявление любой страсти или эмоции наносит мужчине глубокий и неизгладимый позор, особенно если он воин. Это простой результат воспитания и ничего не доказывает. Несомненно, что женщины, которых тирания общественного мнения в этом отношении не связывает, полны нежности и усидчивости. История Покахонтас слишком хорошо известна, чтобы ее повторять. Когда мистер Наталл был у Осейджей, он был близок к тому, чтобы стать свидетелем трагического завершения пустякового спора, вызванного убеждением жены-индианки в том, что ее мужу намеревались причинить вред. Она уже несколько лет была замужем за французским охотником и жила с этим племенем. Вскоре после прибытия торговца в индейский лагерь произошло опьянение, и между мужем этой женщины и другим французским охотником завязалась ссора. Их ссора наполнила ее ужасом, и она дала волю слезам и причитаниям, не сомневаясь, что противник, который был агрессором, намеревался убить ее мужа, поскольку угрозы у индейцев являются неизменной прелюдией к роковым действиям. Когда, наконец, они начали бороться друг с другом, она без лишних слов схватила топор и немедленно

расправилась бы с человеком, который дрался с ее мужем, если бы ей не помешали прохожие. В другом случае омахвау и его жена, отправившиеся в одиночную охотничью экспедицию, были обнаружены военным отрядом сиу на некотором расстоянии от их временного жилища. Они попытались убежать от врага, но вскоре жена была настигнута, повалена на землю и подвергнута ужасной операции по снятию скальпа. Муж, хотя и находившийся в это время вне досягаемости стрел индейцев сиу, увидев свою жену у них в руках, немедленно повернулся к ним и, выхватив нож, единственное оружие, которое у него было, яростно бросился на них, чтобы отомстить за ее смерть, даже с неизбежной жертвой собственной жизни, но он был почти сразу же убит, не достигнув своей героической цели.

Когда их привязанность становится глубокой, они часто впадают в безумие, чтобы растопить сердце упрямого возлюбленного.

"Чиппева по имени Огеманс, живший недалеко от Собачьего озера, был женат на женщине по имени Демоя, но испытывал привязанность к ее сестре по имени Окодж, которая жила в той же хижине; последняя отказалась от его предложения взять ее во вторую жену и притворилась невменяемой. Его бред был ужасен; ничто не могло успокоить его, кроме ее присутствия; в тот момент, когда он касался ее руки или приближался к ней, он был настолько нежен, насколько они могли пожелать. Однажды посреди зимней ночи он вскочил со своего ложа, проломился сквозь хрупкую кору, из которой состояла его хижина, и убежал в лес, выя и вопя самым диким образом; его жена и ее сестра последовали за ним, пытаясь успокоить его и вернуть домой, но он, казалось, бросил вызов всем их силам. Наконец Окой подошла к нему, и в тот момент, когда она положила на него руку, он стал вполне послушным. Так продолжалось долгое время, убеждая всех видевших его индейцев, что он одержим духом, которого ничто, кроме приближения Окоджа, не могло ослабить. настолько глубоким было их убеждение и ее собственная, что она, наконец, согласилась стать его женой, и с тех пор его никогда не беспокоило возвращение безумия".

Другой случай несколько похожего характера произошел в присутствии того же переводчика (Брюс). "Молодой канадец завоевал расположение индианки по имени Нисетт, мать которой была Скво, обращенной миссионерами; будучи очень набожной, мать настояла на том, чтобы молодых людей объединил священник. Поскольку в то время в стране никого не было, они отправились в алгонкинскую деревню, расположенную на озере Двух гор, где жил миссионер. Тем временем любовь канадца остыла, и к тому времени, когда они добрались до деревни, он больше не заботился о бедной девушке. Разочарованная в своих чувствах, она заболела; у нее начались припадки, ее интеллект казался расстроенным, и в конце концов ее сочли совершенно безумной. Единственные периоды просветления, которые у нее были, были в присутствии ее непостоянного возлюбленного. Всякий раз, когда он приближался к ней, к ней возвращался рассудок, и она выглядела такой же, как раньше. Польщенный тем, что он счел столь сильным доказательством своего влияния на нее, канадец почувствовал ответную доброту по отношению к ней и, наконец, был вынужден возобновить свое внимание, которое было хорошо принято, и вскоре священник объединил их. Ее рассудок, казалось, восстановился, а улучшающееся самочувствие свидетельствовало о том, что она была полна счастья. Хотя ее никогда не обвиняли в том, что она прибегла к военной хитрости, наш гид, который пробыл с ней долгое время и который представлял ее скромной, добродетельной и интересной девушкой, всегда считал ее безумие надуманным, чтобы воздействовать на чувства ее непостоянной подруги".

Другие их чувства, особенно материнские, столь же утонченны, как и у цивилизованных народов. Я приведу один пример материнской нежности из *Отчета Джеймса об экспедиции в Скалистые горы*, том i, стр. 223:—

"В 1814 году торговец женился на прекрасной скво из одной из самых знатных семей нации Омавхау. Этот брак со стороны мужа был вызван следующими обстоятельствами. Будучи активным, умным и предприимчивым человеком, он познакомил индейцев Миссури с американской торговлей и приобрел большое влияние среди них благодаря своей храбрости и простодушному поведению. Но в конце концов он понял, что его влияние постепенно ослабевает из-за присутствия и козней многих конкурирующих торговцев, которым его предприятие открыло дорогу, и что его клиенты постепенно покидают его.

При таких обстоятельствах, чтобы вернуть утраченные позиции, он решил заключить брачный союз с одной из самых могущественных семей Омавхау. Во исполнение этого решения он выбрал скво, чья семья и друзья были такими, как он хотел. Он обратился к ее родителям в согласии с индейским обычаем и сообщил им, что любит их дочь, что ему жаль видеть ее в состоянии бедности, обычном для ее народа, и хотя у него есть жена среди белых людей, все же он хотел бы иметь жену также из народа Омавхау. Если они отдадут ему свою дочь в жены, он обязет себя относиться к ней по-доброму; и, поскольку он открыл постоянное торговое представительство в их стране, он будет жить часть года с ней, а остальную часть - с белыми людьми, как того требует характер его занятий. Его заведение должно было стать ее домом и домом ее народа при его жизни, поскольку он никогда не собирался отказываться от своего ремесла. В свою очередь, он выразил свое ожидание, что за этот поступок нация откажет ему от своих шкур, чтобы он мог выполнить свое обязательство перед ними. Далее он пообещал, что, если брак окажется плодотворным, дети должны быть представлены белым людям и, вероятно, будут иметь право продолжить торговлю после его смерти.

Родители ответили благодарностью за его щедрые предложения и за его склонность к состраданию к ним; они не возражали против этого брака и надеялись, что их дочь примет его как своего мужа.

Затем родители удалились и рассказали об этом дочери. Они заверили ее, что ее предполагаемый муж - великий человек, более великий, чем любой из омавхау; что он многое сделает для нее и для них, и в заключение попросили ее согласиться с пожеланиями белого человека. Она ответила, что все, что они сказали, без сомнения, правда, и что, согласно его просьбе, она готова стать его женой.

Заклучив таким образом соглашение, торговец сделал подарки, согласно обычаю нации, и отнес свой интересный приз к себе домой.

Следующей весной торговец отправился в поселения, оставив ее, конечно, в своем торговом доме.

Следующей осенью она имела удовольствие видеть, как он вернулся, и теперь испытывала к нему самую нежную привязанность. Во время его визита в следующем сезоне она подарила ему прекрасную дочь, родившуюся во время его отсутствия и за которой ухаживала с величайшим вниманием. С младенцем на руках она каждый день садилась на берегу реки и следила взглядом за течением ручья, чтобы как можно раньше заметить его приближение. Так шло время. На второй год отец поприветствовал сына и получил неохотное согласие своей скво

взять их дочь с собой в обратное путешествие в страну белых людей. Но как только он начал свое путешествие, и хотя у нее был другой подопечный, на которого она могла расточать свои ласки, материнская нежность взяла верх над ней, и она с плачем и воплями бросилась вдоль берега реки в погоню за лодкой, рвала на себе длинные развевающиеся волосы и казалась почти лишенной рассудка. Вернувшись домой, она раздала все, что у нее было, обрезала волосы, погрузилась в глубокий траур и осталась безутешной. Она часто говорила, что прекрасно знает, что с ее дочерью будут обращаться лучше, чем с ней дома, но она не могла не считать свое собственное положение таким же, как если бы Вахконда навсегда забрала ее отпрысков.

Однажды в компании шести других скво она занималась своими сельскохозяйственными работами, ее новорожденный мальчик был привязан к доске, похожей на колыбель, которую она заботливо прислонила к дереву на небольшом расстоянии. Они были обнаружены военным отрядом сиу, который бросился к ним в надежде удовлетворить свою месть, забрав все их скальпы. Восклицания ее товарищей привлекли ее внимание к общему врагу, и в испуге она опрометью бросилась бежать, но, внезапно вспомнив о своем ребенке, быстро вернулась прямо на глазах у сиу, сняла своего ребенка с дерева и повернулась, чтобы спасти его жизнь, более ценную, чем ее собственная. Один из врагов преследовал ее по пятам, когда она добралась до забора, отделявшего ее от поля фактории. Минутное колебание здесь было бы роковым; и, собрав все свои силы, она отбросила ребенка вместе с доской как можно дальше на противоположную сторону.

"Четыре скво были ранены томагавками, а остальные спаслись, одной из которых была мать, которой удалось вынести своего ребенка невредимой.

Торговец по прибытии в поселения узнал, что его белая, или цивилизованная, жена умерла во время его отсутствия, и после короткого перерыва, посвященного обычным формальностям траура, он соединил свою судьбу с другой, в высшей степени любезной леди. Во втором сезоне жена сопровождала его в ежегодном путешествии вверх по Миссури к его торговому дому, обители его скво.

Однако еще до своего прибытия он отправил гонца к своим подчиненным в торговый дом, приказав им не допускать появления его скво в присутствии его жены. Соответственно, ее отправили в деревню ее народа, расположенную на расстоянии шестидесяти или семидесяти миль. Но она не могла долго оставаться там и вскоре вернулась со своим маленьким мальчиком на спине и в сопровождении нескольких своих друзей разбила лагерь недалеко от резиденции своего мужа. Она отправила своего сына к торговцу, который относился к нему с любовью. На следующий день торговец послал за своей скво и, сделав ей несколько подарков, отправил ее сопровождать своих друзей, которые в то время направлялись в свои охотничьи угодья.

Она удалилась без единого звука, поскольку в некоторых случаях Омавхоу нередко отсылают одну из своих жен, оставаясь с любимой.

Примерно через два месяца торговец отозвал ее. Вне себя от радости, что, как она считала, ей повезло, она, не теряя времени, предстала перед мужем, которого нежно любила. Но велико было ее разочарование, когда муж потребовал отдать ребенка и отказался на будущее от какой-либо связи с ней самой, приказав ей вернуться к своему народу и обеспечивать свое будущее благополучие любым способом, который она выберет.

Охваченная своими чувствами, услышав это требование и отказ, она выбежала из дома и, найдя пирогу на берегу реки, переплыла на противоположный берег и убежала в лес со своим ребенком. Ночь была холодной и сопровождалась выпадением снега с градом. Размышляя о своем безутешном положении, она решила вернуться утром и с чувствами жены и матери отстаивать свою правоту перед вершителем своей судьбы и попытаться смягчить жестокий приговор.

Согласившись с этим решением, она еще раз обратилась к нему, на которого, как она считала, у нее были права, превышающие права любого другого человека. - Вот наш ребенок, - сказала она. - Я не сомневаюсь в твоей любви к нему, но он мне еще дороже. Ты говоришь, что оставишь его себе, и отдаляешь меня от себя. Но нет, я останусь с ним; я могу найти какую-нибудь нору или уголок, в который я мог бы заползти, чтобы быть рядом с ним, а иногда и видеть его. Если вы не дадите мне еды, я, тем не менее, останусь здесь до тех пор, пока не умру с голоду у вас на глазах.

Затем торговец предложил ей значительный подарок, желая, чтобы она в то же время ушла и оставила ребенка. Но она сказала: "Разве мой ребенок собака, что я должна продавать его на продажу? Ты не можешь прогнать меня; ты можешь бить меня, это правда, и всячески оскорблять, но я все равно останусь. Когда ты женился на мне, ты обещал обращаться со мной по-доброму до тех пор, пока я буду тебе верна; этого никто не может отрицать. Наш брак не был заключен на время — он должен был расторгнуться только вместе с нашими жизнями. Тогда я была юной девушкой и могла бы стать женой вождя омавхау; но теперь я старая женщина, родившая двоих детей, и какой Омавхау отнесется ко мне? Разве мое право не важнее права твоей другой жены; она услышала обо мне еще до того, как ты овладел ею. Это правда, что ее кожа блее моей, но ее сердце не может быть более чистым по отношению к тебе, а ее верность - более твердой. Не отнимайте ребенка от моей груди, мне невыносимо слышать, как он плачет, и не присутствовать, чтобы облегчить его [58]; позвольте мне оставить его у себя до весны, когда он сможет есть, а затем, если так будет необходимо, уберите его с моих глаз, чтобы я мог расстаться с ним только один раз".

Видя ее такую непреклонную, торговец сообщил ей, что она может оставаться там, если пожелает, но что ребенка следует немедленно отправить в поселения.

Любящая мать до сих пор держалась во время беседы с твердостью сознательной добродетели и успешно сопротивлялась порыву своих чувств; но теперь природа уступила, слезы быстро потекли по ее щекам, и, сжав руки и склонив голову, она разразилась агонией горя, восклицая: "Почему Ваконда так сильно возненавидела меня, что заставила меня снова отдать моего ребенка в вашу власть?"

Однако вскоре чувства несчастной матери были смягчены. Мистер Догерти (индийский торговец) сообщил об обстоятельствах дела майору О'Фаллону (агенту), который немедленно и безапелляционно приказал вернуть ребенка его матери и сообщил торговцу, что любая будущая попытка отобрать его у нее должна быть предпринята на его страх и риск".

Я приведу пример великодушной самоотверженности Омавхау, позволившего спастись брату, и этим закончу книгу.

"Два брата Омавхау украли скво у представителя своей нации и направлялись в поисках убежища в деревню Пунко. Но они имели несчастье встретиться в обширной прерии с военным

отрядом сиу, их непримиримыми врагами. Они немедленно спрятались в глубоком овраге, дно которого было покрыто сухой тростниковой травой. Сиу окружили это место и подожгли его с наветренной стороны камышей, чтобы изгнать их оттуда. Когда пламя почти добралось до беглецов, один из братьев заметил, что Ваконда, конечно, создал его не для того, чтобы его выкуривали, как енота; индейцы выкуривают это животное из дуплистых деревьев, разжигая огонь у корней; он убеждал своего брата попытаться убежать в одном направлении, в то время как он привлечет внимание врага, совершив вылазку на них в одиночку и попытавшись уничтожить как можно больше из них, в предвкушении мести за ту смерть, которую он считал неизбежной. "Один из нас или оба, - сказал он, - несомненно, должны быть принесены в жертву; спасите себя, если сможете; я буду жертвой и, к счастью, получу смертельный удар в схватке и таким образом избежу позора плена". Затем он бросился вперед, к сиу, застрелил одного и своим ножом ранил нескольких, прежде чем был убит. Его брат, воспользовавшись тем, что внимание врага было отвлечено, совершил побег, но скво сгорела заживо".

КОНЕЦ.

ЛОНДОН:

Ф. ШОБЕРЛ, июнь., ЛЕЙЗЕНБИ КОРТ, ЛОНГ-АКР.

НОВЫЕ РАБОТЫ

ВЫДАЮЩИМИСЯ ПИСАТЕЛЯМИ

ОПУБЛИКОВАНО

ГОСПОДА. КОЛБЕРН И БЕНТЛИ,

НЬЮ-БЕРЛИНГТОН-СТРИТ.

1. САУТЕННАН, ПОВЕСТЬ О ПРАВЛЕНИИ королевы Марии. ДЖОН ГОЛТ, эсквайр. Автор книги "Лори Тодд" и др. В 3-х томах, пост 8-й.

"Эта новая работа иллюстрирует тот период шотландской истории, который произошел между прибытием королевы Марии из Франции и убийством Риццио. Сюжет вращается вокруг привязанности Шателара к Марии. Среди других представленных исторических персонажей — графы Мюррей и Мортон, которые впоследствии оба были регентами Шотландии". -*Курьер*.

2. ЛОРИ ТОДД, или "ПОСЕЛЕНЦЫ В ЛЕСУ". ДЖОН ГОЛТ, эсквайр. Автор книг "Наследники Эйршира", "Анналы прихода" и др. В 3-х томах. сообщение 8во.

"О, если бы все настоящие автобиографии были похожи на это восхитительное художественное произведение! Если бы мы захотели выразить искренние чувства восторга и преклонения, с которыми мы ознакомились с этой работой мистера Голта, нас сочли бы виновными в экстравагантности. Это произвело на нас впечатление настолько высокого мнения о его гении, что мы с сомнением поставили бы любого другого поэта или беллетриста выше него". — *Зритель*.

3. ЖЕНЩИНЫ КАК ОНИ ЕСТЬ, или НРАВЫ НАШИХ ДНЕЙ. Роман. Второе издание. В 3-х томах. маленький 8во.

"Мы можем рискнуть предсказать, что к этому произведению будут часто прибегать не только как к развлечению, редко встречающемуся в книгах такого рода, но и как к подлинному свидетельству *онравах того времени*; особенно о состоянии женского общества в настоящее время; которое, как мы думаем, никогда еще не было так тщательно исследовано и так привлекательно изображено. Это, в истинном смысле этого слова, женская книга. Некоторые из комических олицетворений не опозорили бы автора "Школы скандала"." —*Литературная газета*.

4. КАРВЕЛЛ, или ПРЕСТУПЛЕНИЕ И СКОРБЬ. В 1 т. сообщение 8во.

"Эта новая повесть о семейной жизни, получившая второе название "Преступление и горе", принадлежит перу вдовы покойного мистера Томаса Шеридана. План рассказа представляет собой полный отход от проторенной колеи художественной литературы и предполагает редчайшее красноречие и пафос. Писательница является матерью достопочтенной миссис Нортон, которая недавно проявила себя в литературном мире. Семья Шеридан действительно славится своими гениями". —*Солнце*.

5. ГЕРТРУДА, ПОВЕСТЬ О ПРАВЛЕНИИ ГЕНРИХА IV. В 2 т. сообщение 8во.

"Красивая и романтическая история, написанная в истинном духе эпохи, которую она иллюстрирует". —*Литературная газета*.

6. РАССКАЗЫ МОЕГО ВРЕМЕНИ. Автор книги "Зал синего чулка". В 3-х томах. сообщение 8во. 28с. 6г.

"Эти рассказы написаны с большим воодушевлением и правдивыми наблюдениями". —*Литературная газета*.

7. ПОГРАНИЧНИКИ. Автор книг "Красный скиталец", "Прерия" и др. В 3-х томах. сообщение 8во. 31с. 6г.

8. ИСТОРИИ НЕВЕСТЫ. Автор книги "Мумия". В 3-х томах. сообщение 8во. 28с. 6г.

9. РАССКАЗЫ АДВОКАТА БЕЗ СУДИМОСТИ. В 3-х томах. сообщение 8во. 28с. 6г.

"Автор этих Рассказов, очевидно, острый наблюдатель человеческой природы — был свидетелем некоторых экстраординарных событий в жизни и одарен редким искусством хорошо рассказывать истории. Никакие события не будоражат человеческий разум сильнее, чем те, которые рано или поздно завоевывают доверие юристов". —*Курьер*.

10. ПОЛ КЛИФФОРД. Автор книг "Пелхэм", "Деверо" и "Отрекшиеся". В 3-х т.

11. УОЛТЕР КОЛИТОН, ПОВЕСТЬ О ПРАВЛЕНИИ ЯКОВА II. Автор книг "Брамблетай Хаус", "Нью-Форест" и др. В 3-х томах.

12. ОСУЖДЕННЫЙ. Автор книг "Рассказы семьи О'Хара", "Новланы", "Кроппи" и др. в 3-х томах.

13. КЛАУДСЛИ. Роман У. Годвина, эсквайра. Автор книги "Калеб Уильямс". В 3-х т.

14. СИДЕНХЭМ, или МЕМУАРЫ СВЕТСКОГО ЧЕЛОВЕКА. В 3-х томах.

15. МУСУЛЬМАНИН, Или ЖИЗНЬ В ТУРЦИИ. Р. Р. Мэдден, эсквайр. Автор книги "Путешествия по Турции, Египту" и др. в 3-х томах.

СНОСКИ:

[1] Вода маленького озера (пруд Драммонда), к которому относится эта традиция, окрашена в коричневый цвет корнями можжевельника и кедра.

[2] Слабовольный.

[3] Индейцев никогда не могли заставить поверить, что бумага - это что-то иное, кроме загорелой кожи, наделенной силой духа.

[4] См. Примечание, том i, стр. 195.

[5] Чесапикский залив.

[6] Залив Саганаум на озере Гурон.

[7] Кресс или *складка*, отравленная стрела, редко используемая, однако, племенами к востоку от Скалистых гор.

[8] Птица веков —Смотрите Традицию, том ii. страница 35.

[9] Вирджиния.

[10] Скальпы подвешивают к шесту в вигваме и обычно в дыму.

[11] Намекает на обычай индейцев сбривать все волосы, кроме пряди на голове.

[12] *Веколис*— другое название кнута "бедная воля".

[13] *Talk*— речь, также синонимичная "совету кабинета министров или общему собранию с целью рассмотрения вопросов высокой важности".

[14] *Хитрые маленькие люди*, распространенное в Индии название этих пронизательных животных, бобров.

[15] Как я заметил в примечании (том i, стр. 305.), это метафорическое выражение, означающее не что иное, как то, что они будут вести кровавую и разрушительную войну.

[16] Индейцы утверждают, что у лося в сердце есть кость, которая, будучи измельчена в порошок и употребляемая в бульоне, облегчает роды и смягчает боли при вынашивании ребенка.—*Charlevoix*.

[17] Бог зимы.

[18] Женьшень, называемый в народе *Абезоатчензой*, что означает "ребенок". Я предполагаю, что он получил свое название скорее из-за формы своего корня, чем из традиции. Они широко используют его в медицине.

[19] Письменные принадлежности, особенно бумага, почитаются индейцами как лекарства или спиртные напитки, обладающие огромной силой. Книги рассматриваются в том же свете. Пение гимнов по книге доставляет им большое удовольствие, поскольку они считают, что книга - это дух, который учит певца петь для их развлечения.

[20] Мамонт. См. Примечание, том ii, стр. 111.

[21] "Железо, одержимое злым духом"; их название пистолета или винтовки.

[22] Житель Оттавы, который был заядлым пьяницей, на вопрос одного из французских губернаторов Канады, из чего, по его мнению, сделан бренди, которое он так любил, ответил: "Из женских языков и сердец воинов; ибо, - сказал он, - после того, как я выпью его, я могу говорить вечно и сражаться с дьяволом".

[23] Женский клен, отличающийся от мужского более светлой древесиной с большим количеством прожилок.

[24] Называется французскими канадцами, *l'Oiseau Mouche*, или летающая птица. Название имеет два происхождения: первое - от миниатюрности животного; второе - от жужжащего шума, который оно издает своими крыльями. Его тело не крупнее обычного майского жука.

[25] *Великая гора*, название, данное одному из первых французских губернаторов, и продолжавшее использоваться в основном для французов, пока они удерживали Канаду. Вероятно, в этой истории речь идет о попугае.

[26] Гудзон.

[27] Квебек.

[28] Поначалу индейцев не удавалось убедить в том, что бумага - это что-то иное, чем дубленая кожа.

[29] Звездный цветок.

[30] Горное растение.

[31] Сожженный сорняк.

[32] Чесапикский залив.

[33] Место поклонения—церковь.

[34] У индейцев, населявших территорию, которая сейчас называется Вирджиния, внутри их Киккосана, или места поклонения, были установлены столбы с вырезанными на них мужскими лицами. Эти племена давно вымерли.

[35] Алтарный камень. Отсюда проистекает великое почтение, которое эти племена питали к маленькой птичке, характерной для этого региона, и которая постоянно выкрикивала это имя. Они верили, что это душа одного из их принцев, и поэтому никому не позволяли причинять ей вред. Но однажды, по их словам, жил злой индеец, которого после множества страхов и угрызений совести, в конце концов, подкупили, чтобы он убил одного из них. Но он дорого

заплатил за свою самонадеянность, потому что через несколько дней после того, как его увезли, о нем больше никогда не слышали.

[36] Журавль или пеликан.

[37] *Маква*, старый медведь; *макон*, медвежонок.

[38] Это то, что они называют нагрудной сеткой, с помощью которой индейцы совершают эту необычную церемонию. Прежде чем использовать его, они выдают его замуж за двух девственниц и во время брачного пира кладут его между невестами; после этого они призывают его наловить побольше рыбы и верят, что они многое делают, чтобы добиться этой милости, делая большие подарки фальшивым тестям.

[39] *Werowanse*, военный вождь.

[40] Я не знаю, плачет ли косуля на самом деле, когда ее сильно толкают, — индейцы верят, что так оно и есть.

[41] *Дальнозоркость* - название, которое индейцы дали очкам.

[42] Это, как я уже отмечал, всего лишь метафоры, означающие глубокую месть.

[43] Джек-с-фонарем.— Это явление внушает индейцам непостижимый ужас. Обычно они отступают в безопасное место, если таковое возможно, при первом его появлении.

[44] Соленая вода.

[45] Смотрите the Tradition, том i, стр. 201.

[46] Быстрая река.

[47] Озеро Верхнее.

[48] Текарра, то есть [греч. *angelos*], посланник Великого Духа.

[49] Свой рост он определял по ширине шага, а свою трусость - по тому, что избегал отдаленных опасностей, и по широкому кругу, который он предпринимал, чтобы избежать контакта с кем-либо, у него было новое одеяло по остаткам ворса, оставленным на ветвях деревьев, среди которых он проходил. О том, что у него было короткое ружье, он узнал по отметине, оставленной на коре дерева, к которому он прислонил дуло, а о старой собаке - по хрусту кости, упавшей у них на пути.

[50] Прохождение Высокогорья на Гудзоне.

[51] Подлинная традиция возлагала на любителя Затопленных берегов лишь часть труда по выкапыванию ручья Коутуит. По словам индейцев, это было начато скорее из благожелательности, чем из любви. Индейцы сильно нуждались в пресной воде — очень крупная форель, намереваясь добыть ее, пробилась из моря на сушу. Однако это оказалось слишком для его сил, и он погиб при попытке. Это было закончено героиней этой легенды, которая вспахала газон до Санктуарийского пруда.

[52] Кейп-Код.

[53] Мос-чар-не-ват—чар — "Вызывает жар и холод" - индийский бальзам, считается одним из самых ценных изделий, относящихся к классу индийских лечебных средств. Его настой дают при простуде, кашле, астме и чахотке.

[54] Эхошога — "Кусай рот" — индийская репа, еще одно их лечебное средство.

[55] Диттани, используемая индейцами как средство от различных заболеваний.

[56] Смотрите "Легенду о Коатуит Брук", стр. 307 этого тома.

[57] Смотрите "Легенду о Мошупе", т. ii, стр. 261.

[58] Способ выражения, общий для индейцев, которые привыкли передавать свои идеи с помощью намеков на чувства.